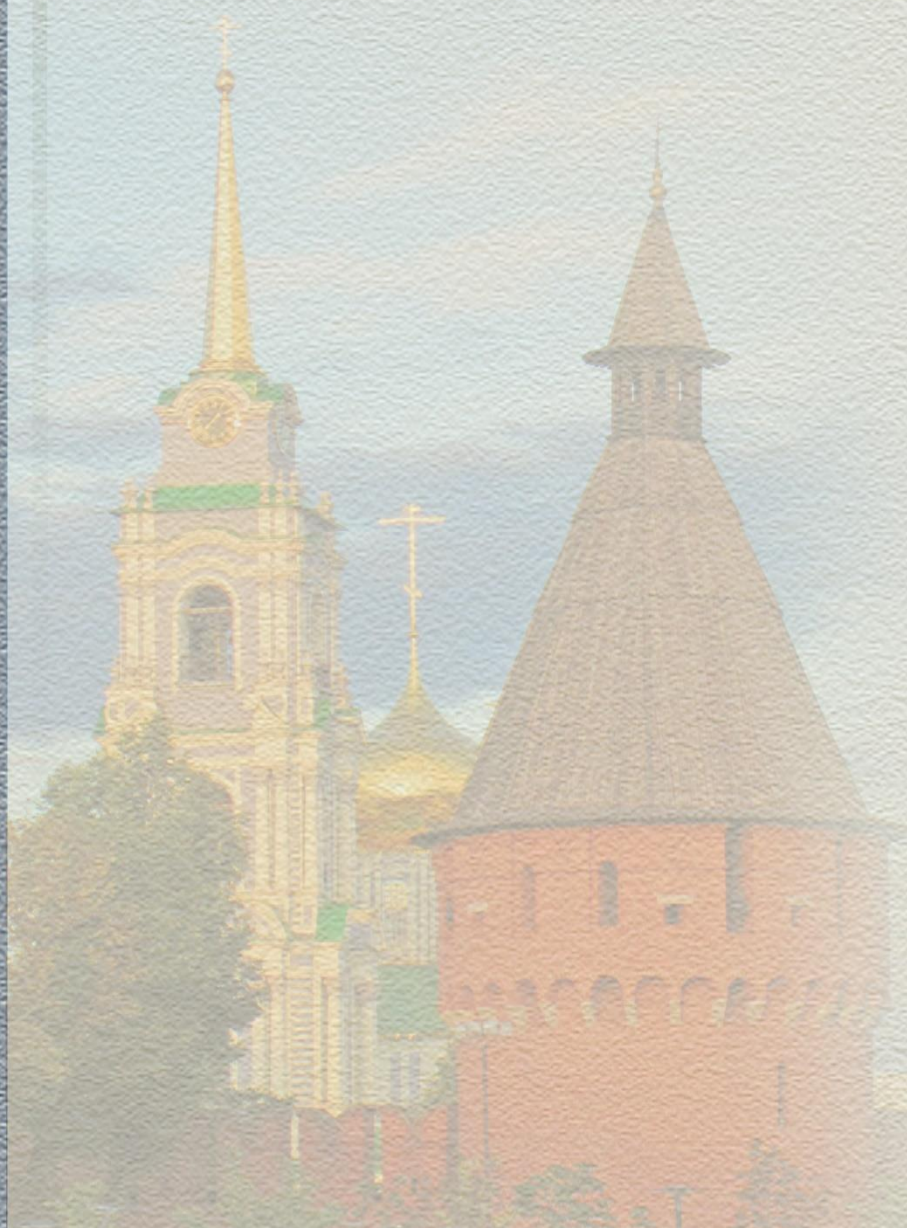

СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 1 (1)

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 1 (1)

**Тула
2020**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 1(1)

Дата выхода в свет: 19.11.2020 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор
Е. П. Мартынова

**Заместитель
главного редактора –**
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

**Учредитель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
**СМИ зарегистрировано в
Роскомнадзоре 13.11.2020 г.**
**Свидетельство о регистраци
СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 79586**

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2020
© Авторы статей, 2020

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 31-20-34
Электронный адрес:
history@tsput.ru

**Издатель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
Адрес издателя:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 35-14-88
Электронный адрес:
info@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЯ ГОРОДА И ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

Белов А. В. Культурное строительство и культурный статус Москвы во второй половине XVIII в.: высшее образование, печатное слово и театральная жизнь **6**

Соза Л. Н. Документы уездных полицейских управлений как источник комплексного изучения пореформенного города (на примере Коломны Московской губернии) **18**

Ватник Н. С. Биография семьи учителя коломенской гимназии И. М. Седлака как отражение истории провинциальной интеллигенции России (середина 1870-х – середина 1970-х гг.) **30**

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ

Абрамова В. И., Архангельская Ю. В., Георгиева С. И. Символика Солнца и Луны в русских и болгарских вербальных текстах культуры **52**

Красовская Н. А. Расширение семантики лексических единиц, обозначающих явления природы (на тульском диалектном материале) **64**

Лаптева М. Л., Кинжигалиева Ж. Э. Символы массовой культуры в лексико-фразеологической репрезентации **70**

Романов Д. А. О некоторых символических антропоморфных компонентах русского культурного кода (на материале прецедентных вербальных единиц) **79**

Романов С. И. Теоретические основы эвфемизации речи **86**

Токарев Г. В., Чернева Н. П. Проблема разграничения квазисимвола и смежных единиц **89**

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020.

Published 4 times a year

Issue 1(1)

Released on November 19, 2020

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History
N. A. Bilenko

Founder:

**Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.**
Mass media are registered in
**Federal Service for Supervision
of Communications, Information
Technology and Mass Media
on November 13, 2020.**
**Registration certificate
EL № FS 77 – 79586**

© Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University, 2020
© Authors of articles, 2020

**Address of the founder
and the editorial office:**

**300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34
E-mail address:
history@tsput.ru**

**Publisher: Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.**
Address of the publisher:
**300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tsput.ru**

TABLE OF CONTENTS

HISTORY OF THE CITY AND CITY LIFE

Belov A. V. Cultural construction and cultural status of
Moscow in the second half of the XVIII century: higher
education, printed word and theatrical life **6**

Soza L. N. County police department documents as a
source comprehensive study of the post-reform city (on
the example of Kolomna, Moscow province) **18**

Vatnik N. S. Biography of the family of the teacher of
Kolomenskoye gymnasium I.M. Sedlak as a reflection of the
history of the provincial intelligence of Russia (mid-
1870s - mid-1970s) **30**

LINGUISTIC AND CULTURAL SYMBOL

Abramova V. I., Arkhangelskaya Ju. V., Georgieva S. I. The
symbol of the Sun and the Moon in the Russian and
Bulgarian culture verbal texts **52**

Krasovskaya Nelli A. Extension of the semantics of lexical
units designing the natural phenomenon (on the Tula
dialectic material) **64**

Lapteva M. L., Kinzhigalieva Zh. E. Mass culture symbols
in lexical-phraseological representation **70**

Romanov D. A. About some symbolic anthropomorphic
components of the Russian cultural code (on the material
of precedential verbal units) **79**

Romanov S. I. Theoretical foundations of euphemization
of speech **86**

Tokarev G. V., Cherneva N. P. The issue of differentiation
of the quasi-symbol and related units **89**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ
ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБУН «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, России);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Томилини Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсø, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,

Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Nelli Krasovskaya,

Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Elena Simonova,

Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology,
Professor (Plovdiv University Paisii Hilendarski,
Plovdiv, Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerecsi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor
of Pedagogical, Associate Professor (University
of Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University,
Sichuan, China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

ИСТОРИЯ ГОРОДА И ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

УДК 94(47).066
ББК 63.3(2)513

Дата поступления статьи 16.11.2020
Дата решения о публикации 18.11.2020

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И КУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС МОСКВЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.: ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ПЕЧАТНОЕ СЛОВО И ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

А. В. Белов

*Институт российской истории Российской академии наук
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. В статье дается анализ процесса и результат политики культурного строительства, проводимого в Москве во второй половине XVIII столетия. Особое внимание уделяется влиянию на данный процесс статуса второй столицы, официально присвоенной Москве. Это не только заметно способствовало, но даже предопределило как цели, так и результат преобразований. В частности, стало основанием для возникновения в городе таких «столичных» институтов как собственный театр и собственный университет.

Ключевые слова: город, столица, Екатерина II, журнал, театр, университет.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00047.

UDC 94(47).066
LBC 63.3(2)513

Date of receipt of article 16.11.2020
Date of publication decision 18.11.2020

CULTURAL CONSTRUCTION AND CULTURAL STATUS OF MOSCOW IN THE SECOND HALF OF THE 18th CENTURY: HIGHER EDUCATION, PRINTED WORD AND THEATER LIFE

A. V. Belov

*Institute of Russian History Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

Abstract. The article analyzes the process and result of the policy of cultural construction carried out in Moscow in the second half of the 18th century. The paper pays particular attention to the impact on this process of the status of the second capital, officially assigned to Moscow. This not only significantly contributed to, but even predetermined both the goals and the result of the changes. In particular, it became the basis for the emergence of such "capital" institutions in the city as its own theater and its own University.

Keywords: city, capital, Catherine II, magazine, theater, University.

The reported study was funded by RFBR, project number 18-09-00047.

Важнейшая часть культурной роли Москвы заключалась в том, что она являлась местом возникновения и функционирования одного из двух университетов

империи. Давно признано, что университетские города представляют собой совершенно особую категорию по степени влияния на страну и общество, поэтому в урбанистике эти поселения выделены в особую категорию [2, с. 163–166].

Московский университет, открытый в 1755 г., уже во второй половине XVIII в. играл бóльшую роль как образовательная структура и ретранслятор культуры, чем даже старейший и более столичный Санкт-Петербургский. Так, уже в 1777 г. в последнем число студентов не превышало 10 чел., в то время как в Москве их было значительно больше. Только в гимназии при университете обучалось «50 человек дворян и толикаго число разночинцев на казенном иждивении» [16, с. 606]. В 1785 г. число только студентов исчислялось 61, а гимназистов 553 чел.

Руководители университета не могли обеспечить всех его нужд в площадях и искали возможность для расширения, т.к. число учеников год от года «умножалось». В 1788 г. главы образовательного учреждения обратились через старших кураторов к главнокомандующему в Москве П. Д. Еропкину с просьбой передать в распоряжение университета освободившийся дом на Тверской улице, который занимала Межевая канцелярия, переехавшая в новое здание в Кремле. Власти согласились. Правда ситуация была двусмысленная. П. Д. Еропкин в письме императрице еще до просьбы о передаче здания охарактеризовал его состояние как крайне «ветхое» и «без починки» к занятию не пригодное. Состояние дома (по его мнению) было столь бесперспективно, что его и ряд других сооружений, находящихся в собственности администрации, необходимо было продать с публичного торга, т.к. «починка дороже придет, нежели чего они стоят» [14, с. 154].

Таким образом, университету передавали заведомо негодные помещения. Впрочем, данная ситуация не может быть оценена правильно без понимания положение дел, сложившихся в городе с казенными сооружениями. Власти были крайне стеснены в зданиях. В свое время они не смогли найти подходящий дом даже для вице-губернатора – главного «хозяйственника» края. Кроме того, все без исключения старые здания, имеющиеся в их распоряжении, были ветхи, а ведущиеся войны и реформы не всегда позволяли выделить даже обещанные средства на их поддержание.

Получая дом на Тверской, университет решал целый ряд весьма насущных проблем: «1-е прежней дом его занять ново учрежденными в здешней губернии присутственными местами; новой же еще не достроен за уменьшением назначенной на то суммы по нынешним военным обстоятельствам. 2-е деревянное строение его по причине умножающихся ежегодно учеников тесно, и подвержено опасности от ветхостей и пожаров, а притом, 3-е негде расположить всех принадлежащих университетских [учреждений], как то: библиотеки, кабинета натуральной истории, физических машин, анатомии, лаборатории, ботанического сада, и прочих вещей находящихся в совершенном неустройстве на носящем вред оным» [4, с. 178]. То есть, попечители университета знали о состоянии здания, но все равно были рады приобретению и находили его «удобным по близости своей с ним и по множеству покоев» [4, с. 178об].

На момент учреждения (24 января 1755 г.) Московский университет был сориентирован на светское образование [9, с. 285]. В связи с тем, что оно охватывало одновременно представителей как дворянства, так и лиц «подлых сословий» («кроме крепостных людей»), то при учебном заведении сразу же были учреждены две гимназии, предназначавшиеся для двух столь разных социальных групп [9, с. 286]. Это обстоятельство не позволило сформироваться сословно-корпоративной замкнутости Московского университета, что создавало более свободную атмосферу в заведении, и в свою очередь оказало такое же влияние на город.

Срок учебы в заведении насчитывал (на момент учреждения) 3 года, а сам университет делился на 3 факультета: Юридический, Медицинский и Философский. Поступить «в студенты» было невозможно без предварительного окончания

университетских гимназий, или других заведений, где юноши должны были «наперед научиться языкам и первым основаниям наук» [9, с. 288, 291, 289, 286].

Во главе учреждения стояли три попечителя, которых официально именовали кураторами. На рубеже 80 – 90-х гг. XVIII в. ими являлись Иван Иванович Шувалов, Михайло Матвеевич Херасков и Иван Иванович Мелиссино. На последнего ложилась основная работа по организации работы университета [18, с. 40].

В 1779 г. в Москве при университете открылся Благородный университетский пансион, помещение которого во второй четверти XIX в. Находилось на месте современного здания телеграфа на Тверской улице. Учреждение создавалось как способ предоставить дворянству наиболее удобную форму для образования и воспитания детей. Вскоре оно превратится в привилегированное учебное заведение, занимавшее в первой трети XIX в. место аналогичное элитарному Царскосельскому Лицею. Закончившие курс пансиона, юноши имели те же права на получение статских чинов и производство в офицеры, что и выпускники университета.

При учреждении университета власти города не имели точного представления, где его возможно разместить. Один из вариантов – окраина тогдашней Москвы у Красных ворот. Скорее всего, под эти цели собирались использовать здания «Запасного дворца», который одно время (о чем уже говорилось выше) планировали пустить под присутствия [13, с. 1260б]. В итоге все же согласились остановиться на центре города, передав учебному заведению здание у Воскресенских ворот – бывшую Аптеку. Ныне это место занимает главное здание Государственного исторического музея.

Однако помещение оказалось недостаточным для быстро расширяющегося учебного заведения. В 1788 г. П. Д. Еропкин передал в его распоряжение бывший дом Межевой канцелярии. За год до этого в 1787 г. для тех же целей купили дворец князя П. И. Репнина, стоявшего на углу Моховой и Большой Никитской улиц, где разместили часть учреждений, поселили гимназистов и студентов, устроили аудитории и актовый зал.

В 1773 г. к дому П. Д. Репина приобрели, расположенное по соседству дворовое место. В 1785 и 1786 гг. к нему добавляется еще два соседних владения. Первый, принадлежавший княгине А. М. Волконской, двор с каменными и деревянными постройками. Второй – пространный двор генерал-поручика А. И. Барятинского, приобретенный лично императрицей Екатериной II в дар университету. На этих участках 23 августа 1786 г. было заложено т.н. «Старое здание» Московского университета, спроектированное архитектором М. Ф. Казаковы и построенное к 1793 г. В это время университет уже давно покинул помещения у Воскресенских ворот. Последние структуры (типография и книжная лавка) оставили бывшее здание Аптеки еще в 1788 г.

Журналы и периодические печатные издания стали еще одной формой ретрансляции культуры, порожденной Московским университетом. Профессура и студенты играли заметную роль в издательской деятельности целого ряда печатных органов (в частности, газеты «Московские ведомости»), выступая как в качестве авторов, так и в роли переводчиков и помощников редакторов.

Кроме того, университетские преподаватели своими усилиями осуществляли выпуск новых изданий, появлявшихся в разное время и выходивших с разной степенью периодичности. В 1762 г. увидело свет «Собрание лучших сочинений к распространению знания» (профессор Рейхель), в 1781 г. – «Московская немецкая газета» (профессор И.Г. Шварц), в 1805 г. – журнал «Аврора» (профессор Ф. Х. Рейнгард и преподаватель Я. И. де Санглен) и «Московские ученые ведомости» (профессор И. Т. Буле), в 1807 г. – «Журнал изящных искусств» и др. Их появление являлось прямым результатом существования в Москве университета.

Первопрестольная столица являлась крупнейшим просветительским центром, источником поступления печатного слова для всей страны. Более того, в пределах

своей губернии Москва оставалась единственным городом, исполнявшим данную роль.

В городе на 18 сентября 1787 г. функционировало 4 типографии: поручика Новикова с компаниею, Христофора Клаудия, Фридриха Гиппиуса и Пономарева. Помимо них в «столичном городе» работали (причем, весьма активно) 24 книжные лавки: Университетского книгопродавца и комиссионера Ридигера, иностранцев Удгофа и Бибера, иностранца Карла Зандмарка, университетского переплетчика Никиты Водопьянова, синодальной типографии переплетчика Ивана Лебедева, поляка Давыда Андреева, московского купца Тимофея Полежаева (2 лавки), московского купца Никиты Кольчугина (3 лавки), московского купца Матвея Глазунова (2 лавки), московского купца Игнатия Ферапонтова, московского купца Тимофея Семенова, московского купца Семена Трофимова, московского купца Василья Глазунова, московского купца Ивана Переплетчикова, московского мещанина Федора Мушникова, московского мещанина Ивана Иванова, московского мещанина Петра Рышкова, московского мещанина Ивана Мушникова, Егора Алексеева, дмитровского купца Петра Толченова [14, с. 170].

Как об интенсивности работы книгопродавцев, так и об интересе к их продукции, говорит уже то обстоятельство, что во время проверки торговцев и издателей на запрещенные книги размер изъятого составил 1662 только наименований книг! Томов же было арестовано, а затем ликвидировано 131585 штук!

При этом необходимо уточнить, что ревизия состоялась в сентябре 1787 г., т.е. за полтора года до Великой французской революции, напугавшей самодержавную власть и православную страну. Если в 1790-е гг. подобное крупное изъятие книг можно объяснить преднамеренной тотальностью, вызванной недоверием ко всему пришедшему с Запада, то в 1787 г. такие запрещения носили скорее всего характер выборочного изъятия отдельных конкретных и практически всегда сомнительных наименований. Ограниченность проверки объяснялась еще и тем, что интерес ревизии вызывали преимущественно церковные книги. Остальные даже не просматривались [14, с. 169]. Иными словами, это была самая обыкновенная штатная проверка, а изъятые издания в основном имели предосудительное содержание, в чем несложно убедиться. Так, например, в ходе ревизии обнаружили неизвестные ранее властям опасные книги, запрещенные к продаже на время, пока в их отношении не будет принято решение. Запрет распространялся на совсем небольшой перечень. Всего 6 наименований: «О заблуждениях и истине»; «Апология или защищение вольных каменщиков»; «Братское увещание»; «Хризомандер аллегорическая и сатирическая повесть»; «Карманная книжка»; «Парацельса химическая псалтырь» [14, с. 174]. Общая стоимость «запечатанных» (арестованных и отправленных для проверки книг) книг составила более 100000 руб.! [14, с. 170об].

С момента начала Великой французской революции российские власти естественно ужесточили контроль за поступающими в губернию и Москву изданиями. Составленные в результате этого документы дают возможность увидеть книжный рынок страны и с точки зрения интереса к книгам со стороны и самих россиян. Главным пунктом получения литературы из-за рубежа была, естественно, Москва. Она же оставалась не только единственным городом-книжным рынком своей губернии, но и одним из немногих мест активной торговли книгами в Центральной России. Причем в массовом порядке и на постоянной основе из лавок [15, с. 123].

Москвичи и посещавшие их книжные заведения любители печатного слова являлись людьми весьма интересующимися печатным словом. В марте 1794 г. власти (по личному распоряжению Екатерины II) в массовом порядке изымали в городе французские календари, которые были напечатаны ... «с новым счислением годового времени», по-видимому, речь идет не много не мало... о революционном исчислении! Причем, что важно, книги эти присутствовали не в единичном числе и были обыкновенным предметом продажи для получения прибыли. Всегда сдержанная

императрица была настолько возмущена данным обстоятельством, что в инструкции к своему наместнику А. А. Прозоровскому с резкостью написала – «все сжечь». Однако, по-видимому, справившись с чувствами по мере составления бумаги, она в конце собственноручно вычеркнула слово «сжечь», заменив его «отобрать и запечатать». Впрочем, это не помешало ей потребовать от генерал-губернатора сообщить книготорговцам, что «впредь подобные нелепые книжки ими выпускаемые будут от них без денежно отбираемы и истребляемы» [15, с. 123].

А. А. Прозоровский, учтя свой промах в ситуации с календарями, которые он пропустил на рынок, активизировал действия в этом вопросе. Он, скорее всего, по собственной инициативе (в противном случае высочайшее распоряжение обязательно должно было сохраниться в материалах дела, но оно там отсутствует), усилил контроль над поступающей в московские книжные магазины французской литературой. По словам самого главнокомандующего «дабы прекратить продажу иностранных непозволенного и развращенного содержания книг в здешней Столице, учредил я еще в 1792-м году, чтобы книгопродавцы, коль скоро получают какие выписанные ими книги, то бы распечатав их в присутствии приставленного для того офицера, представляли губернатору подлинную фактуру, по которой неизвестные книги рассматриваются и вредные отбираются» [15, с. 128].

Однако решение главнокомандующего (при его собственном невнимании) торговцы попросту... проигнорировали. Причина этого, как выяснилось, состояла в «единой корысти» [15, с. 128]. Таким образом, данная литература пользовалась заметным спросом. Посетители книжных лавок охотно покупали и читали самые новые французские книги. Более того их распространение было абсолютно открытым. Некоторые лавки для знакомства своих посетителей с имеющимися к продаже изданиями раздавали специальные каталоги, в которых указывалась вся имевшаяся книжная продукция. Один из таких обзоров «лавки Бибера» абсолютно случайно (!) через «знакомого» попал в руки А. А. Прозоровского, который с ужасом обнаружил, что в нем присутствуют книги «об революции французской, и сочиненные во время оной» [15, с. 128].

Дабы не спугнуть распространителей «заразы» генерал-губернатор предпринял усилия, чтобы «из всех лавок получить чрез посторонние руки» их каталоги. За «цензурирование» перечней литературы, продававшейся в лавках Москвы, сановник усадил самого обер-полицмейстера и своего личного адъютанта капитана Десеньера [15, с. 128об]. Подобный выбор понятен, т.к. объясняется режимом полной секретности. По-сути это была первая спецоперация московской полиции по выявлению в городе запрещенной литературы.

Но, будучи людьми, весьма немного понимавшими в новейшем книгоиздании, военные сконцентрировались на том, чтобы обнаружить хотя бы те книги, которые официально были запрещены к распространению «санктпетербургским книгопродавцам». Но и в этом случае цензоры поневоле выявили целый ряд «запретительных книг». Это, в частности, три трагедии Вольтера «Brutus, et la mort de Cesar, et Candide». Причем, как сообщал А. А. Прозоровский императрице, если «первые две в сходственных настоящего времени правилам французским, а последняя касающаяся до России» [15, с. 128об].

Не имея точного представления о том, что еще могло быть запрещено, А. А. Прозоровский в районе 5 – 12 июня 1794 г. провел по лавкам Москвы военно-полицейский рейд и недопустимые (с его личной!! точки зрения) книги были «все в кипах оставлены запечатанные». По поводу их дальнейшей судьбы глава города ждал распоряжения лично от государыни. При этом сам он намеревался вредные книги сжечь, а разрешенные Екатериной II вернуть в лавки [15, с. 129].

Работа такая была вскоре проведена, выявив 59 наименований запрещенной литературы. Всего было изъято из лавок 935 книг, которые вскоре все были сожжены

на московской таможне [15, с. 133]. Общее число изъятых томов одного наименования колебалась от 1 до более чем 100 экземпляров.

В начале 1790-х гг. в Москве было свободное хождение большого числа литературных произведений, в том числе и западноевропейской печати. Происходило это, несмотря на цензуру и страх перед французской революцией. При этом и в 1791 г. в городе (по словам наместника) «довольно выходит новых сочинений книг». В том числе и переводимых в самой Москве иностранных авторов для печати в типографиях города. Вместе с тем, немало книг ввозилось книготорговцами-иностранцами. Управа благочиния «за множеством вседневно дел» с большим трудом могла следить за этим потоком. Его изучением занимались обер-полицмейстер и полицмейстер, которые явно не справлялись. Ситуация усугублялось еще и тем, что в московскую Управу благочиния приходило много «просильщиков»-иностранцев, которые совсем не писали по-русски.

В итоге к «цензурированию» книг привлекли университет, но его преподаватели изучали только издания собственной типографии. Наместник просил императрицу в виду большого объема работ установить сверх штата в Управу благочиния на должности цензоров двух человек (соответственно, для отечественной и иностранной литературы). А также привлечь к этой работе представителей «от духовного правления... Заиконоспасской семинарии» [15, с. 2170б].

Конец XVIII столетия являет собой важнейшую веху в деле становления и развития в Москве театра и театральной общественной жизни. Первые крупные театральные выступления, состоявшиеся в городе в начале царствования Екатерины II, были связаны с коронационными торжествами [7, с. 20]. На какое-то время они заполнили образовавшийся здесь театральный вакуум [17, с. 134]. Выступления на сцене (одновременно с балами и «маскерадами») шли в Головинском дворце в Заяузье. Правда, зрителем их мог стать далеко не каждый. «Разительное и прелестное для глаз позорище» [3, с. 210], состоявшееся в городе, было предназначено для узкого круга наиболее знатных фамилий. В результате даже благородный дворянин, но всего лишь капитан в отставке, А. Т. Болотов, с сожалением отметил в своих записках, что не имел никаких даже самых малых шансов увидеть эти действия.

Одновременно в Москве гастролировали иностранные труппы. Так, известно о работе в городе итальянцев Бельмонти и Чути, которые (как и первый признанный русский театральный деятель Ф. Г. Волков) прибыли для подготовки праздника в честь восшествия на престол новой императрицы. По окончании коронационных торжеств, иностранные антрепренеры остались в Москве. В их репертуар входили итальянские оперы, интермедии и русские пьесы. Ф. Г. Волков, стремившийся взять это дело в свои руки, внезапно умер и не мог составить конкуренцию итальянцам.

Провал попыток Ф. Г. Волкова создать в Москве национальный (в терминологии того времени «русский») театр не мог остановить сам процесс театрального строительства. И дело было уже не столько в намерении власти: к середине столетия социальная и культурная почва в старой столице была для этого вполне подготовлена. Но форма реализации по-прежнему зависела от верховной власти в лице Екатерины II. Новая императрица, как и ее предшественники, считали задачу «устроения» театра в Первопрестольной крайне важной задачей. Однако от прямого и финансового участия государства в учреждении очередной «комедийной хоромины» воздерживалась. Для этого использовался механизм предоставления «привелегии» – передачи исключительных прав на создание собственного театрального предприятия, предоставляемых конкретным антрепренерам. Обустройство здания, формирование труппы и репертуара, оставались всецело только их задачей и проблемой.

Вплоть до конца 1765 г. императрица рассматривала различные проекты учреждения в Москве собственного «русского» театра. Известно четыре таких

документальных свидетельства. Три принадлежали иностранцам, которые государыня («может быть даже демонстративно») отвергла. Один – неизвестному русскому. В связи с тем, что вскоре право на учреждение получает страстный любитель сценического искусства Н. С. Титов, можно предположить, что именно он и являлся составителем последнего «проекта».

Полковник Н. С. Титов получил «привелегию» на проведение русских драматических спектаклей в 1766 – 1769 гг. Созданная им труппа (также как антреприза Бельмонти) давала представления в Лефортово в «Головинском» театре. Таким образом, русский антрепренер сильно потеснил итальянских на театральном рынке Москвы.

Несмотря на малую известность «предприятия» Н. С. Титова в наши дни, именно оно стало непосредственным предшественником для другого более известного театрального коллектива – труппы М. Е. Медокса, из которой впоследствии вырос действующий поныне, всемирно известный Большой театры Москвы. Именно в рамках труппы Н. С. Титова возшла звезда актера Померанцева – будущего ярчайшего исполнителя театра М. Е. Медокса. Причем одной этой фамилией перечень известных актеров, работавших в антрепризе полковника Титова, далеко не исчерпывается [7, с. 23].

Получив сообщение о намерении Н. С. Титова взять под свой контроль «русский театр», императрица Екатерина II написала в ответном письме от 8 января 1763 г. московскому генерал-губернатору графу П. С. Салтыкову: «Я позволяю на то употребить мой [«Головинский» в Лефортово] театр со всеми декорациями; но прежде всего прикажите осмотреть оный архитекторам, не худ ли он; ибо уже лет двадцать пять построен, и можно ли его починить... А есть ли чинить возможно, то нанимайте на моем коште Локателев театр до тех пор, покамест мой восстановлен не будет». Причем желание поддержать нарождающийся собственный национальный театр в Москве не являлось сиюминутным капризом императрицы. В другом своем письме, отправленным П. С. Салтыкову 29 марта 1766 г. (т.е. спустя три года) Екатерина II предлагает ежегодно из средств казны выделять на нужды «Российского в Москве театра» по 2000 руб. А в том случае, если итальянцы откажутся от своих прав проведения в городе концертов и маскарадов, полностью отдать право на них Н. С. Титову.

Несмотря на высочайшую поддержку, дела Н. С. Титова за несколько лет пришли в сильное расстройство. Для спасения труппы антрепренер просил принять театр в ведомство «дирекции Императорских театров». В итоге с 1 марта 1769 г. его отстранили от должности. Решение это было принято по личному распоряжению императрицы, которая, как и ранее, внимательно следила за развитием театрального дела в своей «старой» столице [7, с. 23].

Причина произошедшего с Н. С. Титовым финансового краха заключалась, скорее всего, в том, что круг любителей театра в Москве был не так уж и широк. При этом «директору» приходилось выдерживать постоянную конкуренцию с итальянскими труппами Бельмонти и Чути, что резко сужало рынок. Кроме того, Н. С. Титов обладал «привилегией» только на русские драмы, в то время как иностранные антрепренеры, сохранили свои исключительные права на постановку комедий и опер, а также устройство балов и маскарадов, что давало (особенно последние) важный дополнительный доход, необходимый для подготовки дорогостоящего спектакля. По-видимому, не выдержав борьбы за зрителя, Н. С. Титов и лишился своего дела. Зная о его трудностях, Бельмонти и Чути обратились к московскому Главнокомандующему П. С. Салтыкову с предложением передать им исключительные права их разорившегося конкурента, что и было сделано 19 марта 1769 г. [7, с. 23] сроком на пять лет. С этого момента итальянцы становятся абсолютными монополистами театрального дела в Москве [17, с. 138].

Екатерина II явно сожалела о провале театрального дела русского антрепренера Н. С. Титова, но была вынуждена согласиться на просьбу П. С. Салтыкова и итальянцев. Тем более, что за кандидатуру Бельмонти много хлопотал сам А. П. Сумароков. Отставленный в 1761 г. от управления Российского театра в Санкт-Петербурге и перебравшийся в Москву, он принимал самое активное участие в становлении здесь собственного театрального коллектива.

Неоднократные попытки императрицы устроить дело с театром в Москве указывают на ее решимость обеспечить Первопрестольную собственным театром. Так, в частности, передача итальянцам монопольных прав оговаривалась обязательным выполнением ими одного, но очень важного и затратного условия: антрепренеров обязали возвести «своим коштом» (т.е. за свой счет) новое театральное здание в Москве. Несмотря на обещания, итальянцы так и не устроили в городе постоянного театрального здания. По официальной (по-видимому, высказанной ими же версии) предоставленное место оказалось низким, заболоченным и непригодным для строительства.

В 1770 г. один из компаньонов «танцмейстер италианец Иозеф Чуди» вернулся в Италию. Во время эпидемии чумы в Москве в 1771 г. умер Бельмонти. Принадлежавшая ему «привилегия» на спектакли и театральный реквизит, отошли к малолетнему сыну Антону, за которого управляла дальняя родственница Терезия Демота. Она некоторое время руководила театром, но все же уступила свои права другим лицам, продав в январе 1773 г. половинную долю в «привилегии» губернскому прокурору князю П. В. Урусову. Причина этого состояла, скорее всего, в том, что будучи абсолютно не знакомой со сложным и постоянно грозящим разорением театральным хозяйством, женщина решила попросту от него избавиться. Тем более, что в это время Россию покинул ее муж [17, с. 138–139].

С 1776 г. театральным делом вместе с итальянцем Гротти занимался П. В. Урусов. Но в том же году иностранец полностью отошел от дел, передав своему русскому «товарищу» все права на «привилегию». Впрочем, существует и иная точка зрения. Согласно ей, Гротти, оценив, по-видимому, бесперспективность театрального дела в Москве с точки зрения личной выгоды, просто сбежал («неведомо куда отлучился»). При этом он сильно подвел своего компаньона П. В. Урусова, т.к. не выполнил возложенных на себя материальных обязательств [4, с. 184].

Бесспорной заслугой П. В. Урусова, которую отмечали многие исследователи, была искренняя любовь к театральному делу и готовность вкладывать в развитие театра в Москве не малые средства из своего кармана [5, с. 1]. Помимо личных качеств большую роль сыграло и тесное знакомство П. В. Урусова с главноначальствующим Москвы князем М. Н. Волконским [7, с. 1]. В том числе и благодаря этому обстоятельству 18 марта 1776 г. П. В. Урусов получил от правительства новую «привилегию» на содержание театра в Москве. Причем срок полномочий составлял не 5 (как ранее), а уже 10 лет. Согласно новой «привилегии» он имел право «содержать... театральные всякого рода представления, также концерты, воксалы, и маскарады, а кроме его никому никаких подобных увеселений не дозволять во все назначенное привилегией время, дабы ему подрыву не было». Таким образом, в отличие от своих предшественников П. В. Урусов сразу же наделялся монополией на все формы театральной деятельности в Москве.

В качестве обязанностей новый антрепренер должен был создать сильную труппу («завести хороших актеров... а со временем, есть ли на то обстоятельство дозволит, и хороший балет»). Кроме того, (что показательно) ему предписывалось в первые же пять лет своих полномочий (т.е. обязательно) построить постоянное театральное здание. Причем сразу же в камне! Выполнить это необходимо было так, чтобы театр стал заметным сооружением города («с таким внешним убранством, чтобы городу мог служить украшением»).

Все расходы по устройению театра были возложены на самого князя. Кроме того, в соответствии с указом об учреждении Воспитательного дома от 1 сентября 1763 г., в пользу этого учреждения шла $\frac{1}{4}$ часть доходов от всех платных зрелищ [10, с. 343–363]. По предварительному договору П. В. Урусова с Воспитательным домом, князь обязывался выплачивать ежегодно 3100 руб. [5, с. 1].

Вскоре П. Урусов принял к себе «в товарищи» англичанина Михаила Егоровича Медокса. Последний, имея известность человека, знакомого с организацией театрального дела в Англии, привлекался, первоначально как организатор хозяйственной стороны антрепризы, но вскоре стал главным театральным строителем Москвы.

До появления нового театрального здания представления проводились, как и при итальянцах, в арендованном доме графа Воронцова на Знаменке [7, с. 24].

Прежде чем приступить к постройке нового большого театра П. В. Урусов и М. Е. Медокс постарались соорудить временное помещение. С этой целью они обустроили место в доме графа Строгонова на Знаменке [5, с. 2]. Здесь театр функционировал до вечера 27 февраля 1780 г., когда произошла катастрофа. Во время представления трагедии «Дмитрий Самозванец» «в десятом часу по полудни... в самое то время как [шел] спектакль на театре, а в других покоях маскарад» в здании случился пожар, и оно сгорело [12, с. 146]. Убытки В. П. Урусова от пожара составили колоссальную сумму – 80000 руб. [7, с. 24] Погибли «все мебели и гардероб» [12, с. 146].

Находившийся на грани разорения русский антрепренер-меценат решил отойти от дел и 31 марта 1780 г. передал права на театр своему партнеру и англичанину М. Е. Медоксу. Он, оставшийся единственным акционером, получал не только свободу действий, но и массу новых финансовых проблем [13, с. 106].

Несмотря на серьезные трудности, М. Е. Медокс не только не оспорил требование (полученное вместе с «привилегией») о строительстве нового полноценного театрального здания в Москве, но и рьяно принялся за решение этой задачи. Для достижения данной цели он заложил все свое московское имущество, выручив на этом 50000 рублей [7, с. 24]. На полученные деньги М. Е. Медокс купил в самом начале Петровской улицы у князя Лобанова-Ростовского участок земли с большим трехэтажным домом. Владения находилось в приходе древней церкви Спаса Преображения «что на Копье».

Разработка плана и осуществление строительства было осуществлено архитектором Розбергом. Внутреннее устройство отличалось великолепием. Здание имело длину в 32, ширину в 20 и высоту в 8 сажень, вмещало 110 лож «не считая галерей» (три яруса лож, партер и галерею). Представление могло посетить одновременно около 1000 зрителей. Огромный зал освещался 42-я хрустальными люстрами со свечами. Ложи представляли собой закрытые, напоминающие отдельные комнаты помещения и сдавались только на весь сезон [5, с. 2].

Главнокомандующий Москвы князь В. М. Долгоруков-Крымский остался крайне доволен действиями М. Е. Медокса. В знак особого внимания к антрепренеру всем чинам полиции было велено «иметь к нему почтение и уважение и охранять его от всех неприятностей» [7, с. 3]. Кроме того, главнокомандующий в Москве лично выхлопотал у императрицы для М. Е. Медокса новую «привилегию» (6 марта 1781 г. [8, с. 20]) сроком еще на 10 лет до 1796 г. без дополнительных условий [5, с. 3].

Театр, построенный в начале улицы Петровки, получил несколько наименований: «Большой Московский Театр», «Театр на Петровке», «Петровский театр Медокса», «Петровский театр» и имел большой успех. Причина этого не ограничивалась актерской игрой ряда звезд и интересным, понятным публике репертуаром. Большое значение имела режиссерская и организационная работа самого М. Е. Медокса, отличавшееся особой скрупулезностью по отношению к готовящемуся к постановке материалу, а также к работе с актерами. По словам

историка русского театра Ф. А. Кони, при подготовке спектакля М. Е. Медокс всегда был неспешен по срокам и основателен по результату. Причина такого подхода заключалась в принципиально уважительном отношении антрепренера к качеству работы и к зрителю [7, с. 28].

Однако подобное отношение к делу всегда сильно ограничивало репертуар, который начитывал не более 30 пьес [7, с. 28]. А это угрожало самому существованию театра. Спектакли шли не каждый день. В год театр показывал не более 80 спектаклей [5, с. 3], что не позволяло добиться значительных прибылей и отдать долги.

В итоге удача сопутствовала М. Е. Медоксу, но спустя два года на антрепренера посыпались нештучные проблемы, приведшие к полному разорению. Помимо до того бывших на нем обширных долговых обязательств, одной из наиболее важных причин разорения стало начавшееся в 1782 г. соперничество с попечителем Московского Воспитательного дома И. И. Бецким. Обласканный императрицей сановник решил устроить собственный публичный театр, и давать платные спектакли русской и итальянкой труппы [1, с. 70]. М. Е. Медокс разными средствами пытался доказать, что проведение театральных представлений вне стен Петровского театра является прямым нарушением данной ему привилегии. Но столкновение с любимцем императрицы не могло закончиться для англичанина ничем хорошим. Сам И. И. Бецкой в письме к главнокомандующему Москвы назвал претензии М. Е. Медокса «дерзновенными». Дело дошло до суда, который И. И. Бецкой не только выиграл, но и заставил антрепренера принять условия [20, с. 28–30], которые еще более подорвали его финансовые положение.

В 1804 г. М. Е. Медокс будет отстранен от театра. Вскоре московский театр получил статус «Императорского». Данная трансформация была связана не столько со стремлением властей поставить его под свой контроль (как традиционно считается), сколько с формой протекционирования, вызванной большими материальными сложностями обеспечения театрального дела [6, с. 14]. Кроме того, он отвечал особому статусу Москвы как «столичного» (наряду с Санкт-Петербургом) города [8, с. 290].

В 1805 г. здание на Петровке сгорело и больше не восстанавливалось. Но как структура театр сохранился. Его труппа играла спектакли на разных сценических площадках города. В первую очередь в т.н. Доме Пашкова, а позже и в новом театральном здании, выстроенном специально для нее на Арбатской площади по личному распоряжению императора Александра I [5, с. 2]. Вопрос о возобновлении Петровского театра на Петровке не поднимался [7, с. 96–97].

Подводя итоги процесса культурного строительства в Москве во второй половине XVIII в., необходимо отметить, что процесс ретрансляции культуры выступала одной из важнейших функций Первопрестольного города. Хотя данная черта является атрибутом по сути каждого городского поселения, уже по самой его природе, однако Москва занимает в данном вопросе совершенно исключительное, по сути, единственное место. Это связано с особой ролью города в истории страны, признания за ним прав духовной столицы, и стремление властей организовать в Первопрестольной комплекс культурных институтов, соответствующих ее статусу: историческому, столичному, духовному, просветительскому, рекреационному.

Наиболее заметно данная тенденция проявила себя в главном для эпохи просвещения направлении – образовании. В Москве появился и получил большой импульс для развития собственный университет – один из первых в стране. Уже один этот факт со временем оказал большое влияние на уровень состояния культуры и общественного мнения в городе. В рамках него функционировал Благородный университетский пансион, возникали различные ученые общества, издавались журналы.

Другой формой общественной жизни города являлся растущий интерес его жителей к книге. Уже в конце правления Екатерины II Москва являлась одним из

главных центров России в области книгоиздания, книготорговли, переводческой деятельности, и в целом большой любви к печатному слову. В какой-то степени эта тенденция даже противостояла политике властей в деле усиления цензуры, что стало особенно заметно после революционных событий во Франции.

В контексте развития культурной среды Москвы важное место занимал процесс создания в городе собственного театра. Продолжительный, полный трудностей, неудач и даже трагедий, он увенчался созданием т.н. Петровского театра М. Е. Медокса, прямым наследником которого является Большой театр – самый известный на сегодняшний день в мире российский театральный коллектив.

Список источников и литературы

1. Бескин Э. М. *История русского театра*. Ч. I. М.; Л: Гос. изд-во. 1928. 239 с.
2. Божье-Гарнье Ж., Шабо Ж. *Очерки по географии городов*. М.: Прогресс, 1967. 424 с.
3. Болотов А. Т. *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 3-х т. Т. 2: 1760 – 1771*. М.: Терра, 1993. 547 с.
4. Гуревич Л. Я. *История русского театрального быта. От середины XVII до начала XIX века*. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2012. 301 с.
5. Михайловский В. А. *Историческая справка о Большом театре в связи с Императорскими Московскими театрами*. М., 1900. 457 с.
6. Погожев В. П. *Проект законоположения об Императорских театрах. Составлен по поручению Министра Императорского Двора*. Т. I. СПб. Тип. Глав.управления уделов, 1900. 544 с.
7. Погожев В. П. *Столетие организации Императорских Московских театров: (Опыт исторического обзора)*. Вып. I. Кн. 1. СПб.: Дирекция Императорских театров, 1906.
8. Погожев В. П. *Столетие организации Императорских Московских театров: (Опыт исторического обзора)*, Вып. I. Кн. 2. СПб.: Дирекция Императорских театров, 1907. 568 с.
9. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ-I)*. Т. 14: От № 10169 до 10787. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. [разд. паг.].
10. ПСЗ-I. Т. 16: От № 11582 до 12301. 1830. [разд. паг.].
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 568.
12. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568.
13. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 574.
14. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578. Ч. IV.
15. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582. Ч. IV.
16. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 2. Д. 120.
17. Старикова Л. М. *Театр в России XVIII века: Опыт документального исследования*. М., 1997. 152 с.
18. Тимковский И. Ф. *Записки // Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917): сб. М.: Современник, 1989. С. 38-42.*
19. ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 363.
20. ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8.

References

1. Beskin E. M. *Istoriya russkogo teatra [History of the Russian theater]*. Part I. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo publ. 1928. 239 p.

2. Beaujeu-Garnier J., Chabot G. *Ocherki po geografii gorodov [Urban Geography]*. Moscow: Progress publ, 1967. 424 p.
3. Bolotov A. T. *Zhizn' i priklyucheniya Andrey Bolotova, opisannyye samim im dlya svoikh potomkov: v 3-kh t [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by him for his descendants: in 3 volumes]*. Vol. 2: 1760 – 1771. Moscow: Terra publ, 1993. 547 p.
4. Gurevich L. Ya. *Istoriya russkogo teatral'nogo byta. Ot serediny XVII do nachala XIX veka [History of Russian theatrical life. From the middle of the 17th to the beginning of the 19th century]*. 2nd edition. Moscow: Librokom publ, 2012. 301 p.
5. Mikhaylovskiy V.A. *Istoricheskaya spravka o Bol'shom teatre v svyazi s Imperatorskimi Moskovskimi teatrami [Historical information about the Bolshoi Theater in connection with the Imperial Moscow Theaters]*. Moscow, 1900. 457 p.
6. Pogozhev V. P. *Proyekt zakonopolozheniya ob Imperatorskikh teatrakh. Sostavlenn po porucheniyu Ministra Imperatorskogo Dvora [Draft statute on the Imperial Theaters. Drawn up on behalf of the Minister of the Imperial Court]*. Vol. I. SPb. Tip. Glav.upravleniya udelov publ, 1900. 544 p.
7. Pogozhev V. P. *Stoletiye organizatsii Imperatorskikh Moskovskikh teatrov: (Opyt istoricheskogo obzora) [The Centenary of the Organization of the Imperial Moscow Theaters: (Experience of a Historical Review)]*. Issue I. Book 1. SPb.: Direktsiya Imperatorskikh teatrov publ, 1906.
8. Pogozhev V. P. *Stoletiye organizatsii Imperatorskikh Moskovskikh teatrov: (Opyt istoricheskogo obzora) [The Centenary of the Organization of the Imperial Moscow Theaters: (Experience of a Historical Review)]*. Vol. I. Book 2. SPb.: Direktsiya Imperatorskikh teatrov publ, 1907. 568 p.
9. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye (PSZ-I) [Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection (PSZ-I)]*. Vol. 14: NoNo 10169–10787. SPb.: Tip. 2-go Otd. Sobstv. Ye. I. V. Kantselyarii publ, 1830. [pag. var.].
10. *PSZ-I*. Vol. 16: NoNo 11582–12301. 1830. [pag. var.].
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. Fund 16. Op. 1. D. 568.
12. RGADA. Fund 16. Inventory 1. File 568.
13. RGADA. Fund 16. Inventory 1. File 574.
14. RGADA. Fund 16. Inventory 1. File 578. Part IV.
15. RGADA. Fund 16. Inventory 1. File 582. Part IV.
16. RGADA. Fund 1355. Inventory 2. File 120.
17. Starikova L. M. *Teatr v Rossii XVIII veka: Opyt dokumental'nogo issledovaniya [Theater in Russia in the 18th century: The experience of documentary research]*. Moscow, 1997. 152 p.
18. Timkovskiy I. F. *Zapiski [Notes]. Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov (1755-1917): sb [Moscow University in the memoirs of contemporaries (1755-1917): collection of articles]*. Moscow: Sovremennik publ, 1989. Pp. 38-42.
19. TSGA g. Moskv. Fund 16. Inventory 1. File 363.
20. TSGA g. Moskv. Fund 16. Inventory 1. File 8.

Сведения об авторе

Белов Алексей Викторович,
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник ФГБУН
«Институт российской истории
Российской академии наук»
(e-mail: belovavhist@mail.ru).

Information about the Author

Aleksey Viktorovich Belov,
Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Senior Researcher at the Institute
of Russian History of the
Russian Academy of Sciences
(e-mail: belovavhist@mail.ru).

УДК 94(47).081
ББК 63.3(2)522

Дата поступления статьи 16.11.2020
Дата решения о публикации 18.11.2020

ДОКУМЕНТЫ УЕЗДНЫХ ПОЛИЦЕЙСКИХ УПРАВЛЕНИЙ КАК ИСТОЧНИК КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОРЕФОРМЕННОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ КОЛОМНЫ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Л. Н. Соза

Государственный социально-гуманитарный университет
(г. Коломна, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования неопубликованных источников, в частности, материалов полицейских уездных управлений, в изучении социально-экономического развития пореформенного провинциального города. На примере уездной Коломны Московской губернии показано, что всестороннее изучение города невозможно без обращения к материалам фонда Коломенского уездного полицейского управления (Ф. 492) Центрального государственного архива г. Москвы. Подавляющее большинство делопроизводственной документации – отчеты, донесения, справки, представления, ведомости, рапорты и др. уездного исправника – впервые вводятся в научный оборот. Здесь содержатся подробные сведения о численном, сословном, конфессиональном составе городского населения, о состоянии промышленности, торговли и ремесла, а также о городском хозяйстве и благоустройстве. Отмечено, что статистические сведения местной полиции, в частности, о демографическом составе городского населения, а также городской промышленности, отличаются от официальных статистических показателей. Как следствие, некритическое использование материалов уездного полицейского управления чревато ошибками и потому предполагает соотнесение таких сведений с другими источниками.

Ключевые слова: локальная история, Московская губерния, архивные источники, провинциальный город, социально-экономическое развитие, коломенский уездный исправник, полицейское управление.

UDC 94(47).081
LBC 63.3(2)522

Date of receipt of article 16.11.2020
Date of publication decision 18.11.2020

COUNTY POLICE DEPARTMENT DOCUMENTS AS A SOURCE FOR COMPREHENSIVE STUDY OF THE POST-REFORM CITY (ON THE EXAMPLE OF KOLOMNA, MOSCOW PROVINCE)

L. N. Soza

State social humanitarian University
(Kolomna, Russia)

Abstract. The article discusses the possibility of using unpublished sources, in particular materials of police district administrations, in studying the socio-economic development of the post-reform provincial city. On the example of the district Kolomna of the Moscow province, it is shown that a comprehensive study of the city is impossible without referring to the materials of

the fund of the Kolomensky district police department (F. 492) of the Central State Archive of Moscow. The vast majority of paperwork - reports, official messages, references, submissions, statements, formal request and other documents of county police officers - are first introduced into scientific circulation. It contains detailed information on the numerical, estate, religious composition of the urban population, on the state of industry, trade, crafts, as well as urban economy and improvement. It is noted that the statistical information of the local police, in particular, on the demographic composition of the urban population, as well as urban industry, differs from the official statistical indicators. As a result, the uncritical use of materials from the county police department is fraught with errors and involves correlation with other sources.

Keywords: local history, Moscow province, archival sources, a provincial city, social and economic development, Kolomna district police officer, police department.

На рубеже XX – XXI вв. в российской исторической наукой активно разрабатываются проблемы локальной истории. Это обусловлено рядом обстоятельств как общенаучных, так и социально-политических. Во-первых, недостаточным вниманием историков советского периода к указанным темам, а отсюда существованием серьезных лакун в общеисторическом знании, которые необходимо преодолевать. Во-вторых, повышенным общественным интересом к прошлому «малой Родины», трактуемой достаточно широко – от родного села или города вплоть до территории области или иной административной единицы. В-третьих, поиском современной Россией (и столицей, и провинцией) путей построения социально ориентированного государства, когда успешность социально-экономического развития любого города (района, области) формирует и символизирует успех страны в целом.

На протяжении десятилетий основное место в историко-градоведческих исследованиях занимали крупные российские города, и, в результате, урбанистические процессы, проходившие на уровне малого и среднего города, не имели должного освещения. Указанное положение в полной мере относится к Московскому региону, где Москва как губернский (позднее – областной) центр и «вторая столица» неизбежно «отбрасывала тень» на города Подмосковья, «скрывая» их от внимания историков. Вместе с тем, изменение экономического и социокультурного состояния городов, находящихся вблизи Москвы и испытывавших большее или меньшее воздействие столицы, может быть изучено в качестве модели эволюции любого провинциального города, вступившего после отмены крепостного права на путь трансформации. Поэтому особенно значимым является комплексное исследование развития подмосковного города второй трети XIX – начала XX вв. не только как объекта «московского влияния», но и самостоятельного носителя «новой» экономики и культуры, образца для пригородных территорий.

Всестороннее изучение города невозможно без обращения к различным источникам. Традиционно историки использовали опубликованные материалы (в зависимости от происхождения и формы отражения исторических реалий), к которым можно отнести следующие их виды: законодательные акты, статистические материалы, периодическую печать, источники личного происхождения (мемуары). Между тем, важным является обращение к неопубликованным источникам, в частности, документам уездных полицейских управлений. В этой связи использование материалов местной полиции позволило бы более полно представить социально-экономическую жизнь подмосковных уездных городов последней трети XIX – начала XX вв., изучить динамику их развития.

Пореформенным городам Центральной России посвящены монографии Е. В. Симоновой, А. В. Белова, А. В. Долгопята. Объектом исследования Е. В. Симоновой являются города Тульской губернии как субъекты и носители процесса урбанизации [18, 19]. Автор проследила динамику формирования пространственной среды городов, рассмотрела их хозяйственную организацию,

производственную и торговую деятельность, определила степень влияния органов администрации и самоуправления на развитие городов, охарактеризовала городскую социокультурную среду. Изучению процессов урбанизации окружавших Москву примыкающих к городам сельских поселений и их интеграции в городскую среду посвящена работа А. В. Белова [2]. Заслуживают внимания исследования А. В. Долгопята «Мещанское сословие городов Московской губернии: эволюция в пореформенный период», защищенное в 2010 г. в качестве кандидатской диссертации. В монографии «Эти тихие уездные города» рассматривается социально-экономическое развитие малонаселённых городов Московской губернии в XIX веке [6, 7]. Наиболее преуспели в изучении социально-экономической истории городов XIX века сибирские историки Н. М. Дмитриенко, А. Р. Ивонин, Ю. М. Гончаров, А. В. Дружинина, М. Т. Рутц и др. Подробно изучены провинциальные города Курской губернии в работе А. А. Терещенко, Среднего и Нижнего Поволжья в исследованиях Ю. В. Оспенникова и Л. Н. Гончаренко [5, 3, 4, 8, 9, 11, 16, 21]. Отметим, что в работах указанных авторов использовались документы уездных полицейских управлений, которые позволили значительно расширить представление о конкретном городском поселении и детализировать фактический материал.

Подчеркнем, что при рассмотрении социально-экономического развития подмосковной уездной Коломны второй трети XIX – начала XX вв. использовался обширный круг источников, как опубликованных, так и архивных. К числу опубликованных источников (в зависимости от происхождения и формы отражения исторических реалий) можно отнести следующие их виды: законодательные акты, материалы официальной статистики, периодическую печать, источники личного происхождения (мемуары). К неопубликованным относятся документы фондов Центрального государственного архива г. Москвы: Московского губернского по земским и городским делам присутствия (Ф. 65), Канцелярии Московского губернатора (Ф. 17), Московского губернского правления (Ф. 54), а также Коломенского уездного полицейского управления (Ф. 492). Здесь содержались подробные сведения о численности, сословном, конфессиональном составе населения Коломны, состоянии промышленности и торговли, городском хозяйстве и многое др. Укажем, что подавляющее большинство делопроизводственных документов Коломенского уездного исправника (донесения, справки, представления, ведомости и др.) впервые вводились в научный оборот.

Напомним, что 25 декабря 1862 г. были приняты «Временные правила об устройстве полиции в городе и уездах губерний», повлекшие за собой определенное реформирование местных полицейских органов. Старые полицейские органы уездного уровня объединялись в уездное полицейское управление, во главе с уездным исправником, назначавшимся губернатором из местных дворян. В губернских и крупных уездных городах, как и в столицах, сохранялась городская полиция и создавались городские полицейские управления. В составе городского полицейского управления были полицмейстер, его помощник и общее присутствие городского управления.

В качестве уездных исправников в это время чаще всего выступали ушедшие в отставку армейские офицеры в звании не ниже подпоручика или гражданские лица в чине коллежского секретаря или коллежского асессора. В конце XIX в. коломенское уездное полицейское управление возглавляли: отставной подполковник К. И. Ригер [22, с. 275], отставной штабс-капитан Н. А. Матов [1, с. 141; 12, с. 302], коллежский советник Н. А. Бабин [13, с. 336], статский советник П. В. Протопопов [14, с. 297].

Во «Временных правилах» прописывались основные задачи полицейских управлений. К ним относились: обнародование манифестов, законов и указов; обсуждение вопросов, касающиеся функционирования правоохранительной системы; сохранение спокойствия и безопасности в обществе; преследование и наказание виновных; рассмотрение жалоб по поводу нарушения закона

подведомственных чиновников; представление губернскому начальству информации по различным вопросам и т.д. Исправник был обязан не только пресекать и расследовать правонарушения, но и вникать в хозяйственные проблемы уезда: санитарный и противопожарный контроль, природопользование, торгово-промышленную деятельность, а также выявлять общественные настроения [20, с. 37]. Главой местной полиции ежегодно составлялись отчеты, донесения, справки, представления, ведомости, рапорты и другая документация.

Важным в изучении развития города является обращение к демографическим показателям: численности, движению населения (соотношению рождаемости и смертности), половозрастному составу и брачности горожан. Кроме официальных статистических данных, содержащихся в «Обзорах Московской губернии» за 1870 – 1914 гг., «Ежегодниках России» за отдельные годы, сборниках «Города России» за 1904 и 1910 гг., материалах Всероссийской переписи населения 1897 г., для исследования народонаселения были привлечены ежегодные донесения Коломенского уездного полицейского исправника и документы Московского статистического комитета (Ф. 199). Отметим, что некритическое использование указанных данных (особенно полицейских донесений) чревато ошибками. Дело в том, что местная полицейская администрация, определяя численность городских жителей, в отдельные годы могла учесть то наличное, то постоянное, то приписное население. К тому же жителей пригородов и слобод могли, как причислять к горожанам, так и исключать из подсчетов. По мнению Б. Н. Миронова, в большинстве случаев и для большинства городов администрация до Всероссийской переписи учитывала наличное население, как правило, без пригородов; после 1897 года – в подсчеты включались и проживающие в пригородах [10, с. 312–313]. Поэтому при определении динамики численности (равно других показателей) городского населения Коломны использование и сравнение разнородных источников является неверным. С учетом этого обстоятельства, пореформенная демография Коломны изучалась в основном по базе данных официальной статистики. Донесения за отдельные годы Коломенского уездного исправника привлекались в случае совпадения этих подсчетов с официальными сведениями, а также при анализе сословного национально-конфессионального и профессионального состава жителей.

Отраслевой состав населения является важным критерием в определении функционального типа развития города. Основным источником для определения профессиональной занятости горожан также стали отчеты уездного исправника о занятых в ремесленном производстве. Статистические данные показывают, что значительная часть жителей Коломны были связаны с ремесленной деятельностью. Ремеслами здесь по традиции занимались мещане и крестьяне, поменявшие место жительства и сферу труда в целях получения большего заработка. Известный статистик В. Орлов, обследовавший подмосковные города в 1880 г., отмечал: «Значительная часть городского населения получает средства от занятия торговлей; кроме того, благодаря особенностям городской жизни, для известной части городского населения не малым источником доходности является промысел, обыкновенно называемый предложением личных услуг» [17, с. 13].

Благодаря отчетам местной полиции удалось установить, что относительные показатели занятости в ремесле в целом и его отдельных специальностях не являлись постоянными и зависели от конъюнктуры рынка товаров и услуг. В пореформенное время в Коломне наблюдалось возрастание количества занятых в ремесле горожан. Так, если в 1866 г. было зафиксировано 944 ремесленника, включая мастеров, рабочих и учеников, что составляло 6% населения, то к 1871 г. их число увеличилось вдвое, составив 2060 человек, т.е. 10% населения [28, д. 39, л. 6; д. 52, л. 30]. Положительная динамика сохранилась вплоть до конца 1880-х гг., когда местной статистикой было отмечено максимальное количество лиц, занятых в ремесленном производстве. Вероятно, что стагнация в индустрии середины 1880-х гг. повлияла на

ремесленное производство, вызвав увеличение количества ремесленников, которые частично восполнили недостаток промышленной продукции, предназначенной для массового потребления. В результате, в конце 1880-х гг. лиц, занятых в ремесле, было учтено 2660, что соответствовало 13% населения [29, д. 28, л. 53].

Согласно отчетам, ремесленные занятия населения Коломны были многообразны и насчитывали около 70 специальностей. Отчеты Коломенского уездного исправника выделяют несколько групп ремесленников, связанных с: а) изготовлением предметов пищи, б) изготовлением предметов одежды, в) приготовлением предметов домохозяйства, г) оказанием прочих услуг [29, д. 28]. К разряду ремесленников, занимавшихся изготовлением предметов домохозяйства, материалы местной статистики относили специалистов 28 профессий. Среди них в разные годы значились печники, трубочисты, столяры, плотники, мебельщики, маляры, стекольщики, конопатчики, красильщики, штукатуры, обручники, мыловары, каретники и др. Подчеркнем, что документы содержали, не только общее число занятых в ремесле, но и поименные списки ремесленников различных специальностей.

В отличие от дореформенного периода российской истории, когда торговля являлась основной отраслью городского хозяйства, рост пореформенного города (увеличение количества жителей, расширение территории, каменное строительство, совершенствование инфраструктуры и пр.) стимулировался развитием промышленного производства, которое формировало индустриальный облик городского поселения. Источниками изучения промышленного сектора экономики Коломны в пореформенное время послужили материалы статистики общероссийской (официальные сборники, атласы, статистический временник), губернской (обзоры Московской губернии) и местной (донесения в Московский статистический комитет Коломенского уездного исправника). В отчетах исправника содержится информация о владельцах предприятий (шелкокрутильном, шелкоткацком, канатном, кирпичном, солодовенном, мыловаренном, водочном, пастильном и т.д.). Здесь указывались численность рабочих и обороты производств. Обращение к указанным источникам обнаружило некоторые отличия в статистических показателях, а именно: местная полицейская власть и губернские статистики учитывали (в разряде «фабрики и заводы») наряду с крупными и небольшие производства ремесленного типа (число рабочих менее 5 – 10 человек). Со своей стороны, правительственная статистика вносила в перечень фабрик и заводов только предприятия с числом рабочих не менее 16 человек и имеющие паровой двигатель, что нашло отражение в законодательстве, в частности, в «Положении о пошлинах за право торговли и других промыслов» [15, с. 3–15].

Традиционно торговля являлась и является одной из важнейших функций города. Это общее положение в полной мере относится к Коломне, располагавшейся у впадения Москвы-реки в Оку и потому естественным образом ставшей крупным торговым центром Московской Руси, а позднее – Российской империи. В Коломне, которая со второй половины XIX века развивалась как промышленный центр, торговля под влиянием ряда объективных факторов претерпевала значительные изменения.

Местное полицейское управление занималось сбором сведения о торговых предприятиях города, систематизируя их по специализации и сословному составу владельцев. По данным местной статистики, в начале XX века подавляющее большинство городских торговцев происходили из купцов, мещан и крестьян. Самую большую сословную группу среди торгующих предпринимателей Коломны составляли мещане – 56%. Второй по представительности сословной группой, активно участвовавшей в лавочно-магазинной торговле, являлось крестьянство – 29%. Коломенское купечество, имевшее в середине XIX века крепкие позиции в транзитной и внутренней торговле, к рубежу XIX – XX вв. утратило свое влияние. В

результате, доля торговцев-купцов составила всего 11%, при этом обороты их торговых заведений, по сравнению с мещанскими и крестьянскими, была значительно выше [29, д. 294, л. 5]. Высокими продажами отличались мучная и хлебная торговля, где годовые обороты отдельных лиц достигали 80 – 100 тыс. руб. Среди владельцев мучных лавок можно выделить купца 2-й гильдии И. П. Кочергина (годовой оборот 87 тыс. руб.), мещан Н. П. Афанасьева (80 тыс. руб.), В. А. Быкова (69 тыс. руб.), А. М. Ломтева (40 тыс. руб.) и А. С. Морковкина (35 тыс. руб.). Значимым для города стало появление точек продаж новых товаров и предоставления новых бытовых услуг, отвечавших запросам горожан. В донесениях исправника значились заведения книжной, канцелярской и писчебумажной торговли [29, д. 294, л. 1–136].

Неотъемлемой частью коломенского предпринимательства была деятельность множества постоянных дворов. Они два века обслуживали торговых людей, съезжавшихся в Коломну со всей России для оптовых закупок скота, хлеба, соли, рыбы и др. Упадок транзитной и посреднической торговли в городе, привел к двукратному сокращению количества постоянных дворов за пореформенное сорокалетие. Ведомости уездного исправника о коломенских постоянных дворах отразили указанную отрицательную динамику. Приведем конкретные показатели: в 1863 г. в Коломне было учтено 35 постоянных дворов, в 1879 г. – 31, в 1903 г. – 14. Кроме того, местная полицейская документация сохранила поименные списки их владельцев и их сословную принадлежность, местонахождение в городе заведения, разряд и стоимость промыслового свидетельства (в руб.). Все постоянные дворы располагались на Астраханской и Владимирской улицах и имели доход от 500 до 5000 руб. в год. Интересна эволюция сословного состава владельцев таких дворов. В XVIII – середине XIX вв. основными держателями являлись ямщики, пополнившие позднее ряды мещанского сословия. К началу XX века при выраженном преобладании мещан (50% хозяев) усилилось проникновение в эту сферу выходцев из крестьян [29, д. 294, л. 1–160].

Специфическим видом торговли всегда являлась продажа напитков, которая производилась в трактирах, ресторанах, харчевнях и т.д. Материалы коломенской уездной управы позволили восстановить имена большинства владельцев питейных заведений Коломны и их социальное происхождение. К началу XX века питейные «предприятия» были сосредоточены в руках мещан, крестьян и, отчасти, купцов. Как отмечал коломенский исправник, большинство таких заведений посещалось преимущественно «местными обывателями и торговцами». Например, заведение Евдокии Егоровой имел успех не только среди торгующих, но и представителей «привилегированного класса»; находящийся близ Москвы-реки трактир Д. Е. Маркелова был излюбленным местом для рабочих с базара и плотов; заведение М. Я. Доброхотова у ст. Коломна являлось «пристанищем» для рабочих фабрик Рыбакова и Кузьмина [24, д. 257, л. 14–33].

Местной полицейской властью периодически производилось освидетельствование трактиров и пивных лавок «на предмет нравственности». Приведем извлеченные из рапортов уездного исправника некоторые весьма колоритные характеристики обследованных заведений. «Сборищем криминальных элементов» назван был трактир М. Я. Доброхотова, хозяин которого – человек «нравственности неодобрительной, вел знакомство с ворами и темными личностями, давал им у себя приют, сбывал краденые вещи». Трактирщица Е. Т. Егорова характеризовалась как «женщина очень нетрезвого поведения». Оценивая деятельность владелицы пивной лавки А. А. Силаевой, исправник признавал ее вредной, т.к. заведение служило «притоном разврата и местом сбыта краденых вещей».

Как известно, законом воспрещалось открытие трактирных заведений ближе 20 саженей от христианских храмов, монастырей и часовен. В 1899 г., по предписанию Московского губернатора А. Г. Булыгина, уездным исправником Н. Матовым было

проведено освидетельствование трактиров на предмет выявления их местонахождений. В ходе дознания выяснилось, что трактиры, находившиеся на Спасской улице, располагались от близлежащих храмов Св. Симеона и Спаса на расстоянии менее разрешенного. В рапорте исправником, в частности, отмечалось, что в храме Св. Симеона вследствие близкого расположения ограды от окон трактира (на расстоянии 7 сажень, т.е. около 15 метров) происходящее в заведении было слышно «не только во время случайной службы (свадьбы, крестин и др.), но иногда во время общественной службы». В итоге, дальнейшее нахождение этих трактиров в «данной местности» было признано местной полицией нежелательным [24, д. 257, л. 4].

Напомним, что согласно «Положению» 1893 г. о трактирном промысле в некоторых типах трактирных заведений с разрешения высших административных лиц допускались не запрещенные игры, пение, музыка, хоры и др. развлечения. Во второй половине XIX в. для привлечения публики и увеличения доходов трактирщики все чаще прибегали к установке музыкальных или инструментальных машин. Но для этого требовалось разрешение уездного исправника. Поэтому еще в 1874 г. на его имя подавались прошения от содержателей местных трактиров о постановке музыкальных машин. Такие прошения несколько раз были отклонены, что вызвало ходатайства владельцев на имя Московского губернатора и в губернское правление. «Делу» был дан ход, и по предписанию губернатора исправник освидетельствовал трактиры просителей. В рапорте начальству об итогах проверки он, в частности, указал, что заведение Яковлева «весьма чистое, мебелировка и сервировка очень удовлетворяет, публика бывает приличная; ... не случилось ни каких бесчинств и беспорядков...». Исправником была прослушана установленная в помещении «органная машина», репертуар которой содержал 24 наименования, в том числе – «Славься», «Боже, царя храни», «Не уезжай, голубчик мой», «Марш баварский», «Возле речки», «Кадриль» и т.п. Остальные освидетельствованные заведения характеризовались примерно так же. В результате, от губернатора последовало постановление о разрешении Яковлеву и др. владельцам установку музыкальных машин. Примечательно, что исправник, соглашаясь с постановлением, отметил в рапорте, что все же он остается при своем (т.е. негативном) мнении [23, д. 18, л. 17–28].

В пореформенный период провинциальные российские города, вступившие на путь модернизации, становились не только центрами развивающейся промышленности и торговли, но показывали округе образцы благоустройства, бытового комфорта, культуры досуга и времяпровождения. Здесь сказывались не только растущие запросы «новых» горожан – предпринимателей, интеллигенции, чиновников. В немалой степени влиял пример столиц, ближайших губернских или крупных промышленных городов.

Уездный исправник занимался и проблемами городского благоустройства, в частности, вопросом состояния городских улиц, особенно центральных, по краям которых устраивались тротуары. Содержание тротуаров в надлежащем состоянии лежало на частных лицах и казенных учреждениях, владеющих на улицах недвижимым имуществом. Информацию о состоянии тротуаров в городе на 1867 г. содержит донесение, направленное Московскому губернатору Коломенским уездным исправником. По мнению последнего, в Коломне «хотя и существуют тротуары, но мощены из булыжного камня, каким обыкновенно мостят улицы и только перед двумя, тремя домами сделаны из кирпича». Поэтому тротуары очень неудобны для пешеходов, предпочитавших для ходьбы шоссейное полотно на главной улице. Заботясь о безопасности обывателей, исправник ходатайствовал об издании губернской администрацией распоряжения в адрес Коломенской городской думы по поводу скорейшего мощения тротуаров.

Центральной и представительной улицей в Коломне являлась Астраханская, которая была частью тракта Москва – Рязань, носившего стратегический характер. С образованием земских учреждений почтовый тракт был передан Московскому губернскому земству, а в 1884 г., по распоряжению правительства, проходящий через Коломну отрезок шоссе протяженностью 2 версты и 164 саж. (2,1336 км и 349,91 м) перешел на содержание города. Трудности местного финансирования не могли не сказаться на состоянии главной городской улицы. Озабоченный состоянием магистрали Коломенский уездный исправник в 1907 г. сообщил Городской управе о её неисправности и просил сделать распоряжение о немедленном ремонте шоссе. Управа сделала усиленный ремонт, насколько было возможно, рассчитывая по смете 340 руб., но от полного ремонта шоссе и подвижного моста через р. Коломенку она отказалась, так как мост, составляя часть тракта, должен находиться в распоряжении губернского земства [26, д. 2, л. 162]. В результате споров Астраханская улица продолжала оставаться в неудовлетворительном положении. На это Городской думе в 1912 г. указал Коломенский исправник, настаивая, в очередной раз, на «немедленном исправлении шоссе, которое служит военной дорогой». Исправник обращал внимание Думы и на необходимость ремонта моста через р. Коломенку, который «по своей ветхости небезопасен для проезжающих с тяжестями, а в особенности с артиллерийскими орудиями». Со своей стороны, Дума предполагала на ремонт истратить 1306,75 руб. [27, д. 4, л. 25].

Санитарное благополучие города являлось заботой местной полиции. Состояние городской свалки, куда должны были свозиться все нечистоты с улиц, тротуаров и базарных площадей, вызывало у уездного исправника тревогу. Осмотрев ее в 1903 г., исправник нашел ее в неудовлетворительном состоянии. В представлении, направленном Городской управе, глава местной полиции привел следующие подробности: фактически «устроенной свалки не имелось, а отводилось лишь место для нее, около которого было поставлено пять фонарей, но и те никогда не зажигались. Кроме того, имелась будка сторожа, которого не было на месте». Место для свалки было отведено неудачно – в непосредственной близости к городу (не более ¼ версты от крытых построек Каширского шоссе). Не был установлен порядок вывозки нечистот, не велось наблюдение за этим, не принимались меры по обеззараживанию свалки. Коломенский исправник неоднократно обращался к городским властям с вопросом об организации места для свалки, но ситуация существенно не изменилась: Дума ограничилась уведомлением исправника, что часть свалочного пласта «была вспахана или размазана, так как по глубине... пропахать не представлялось возможным». Игнорирование местным самоуправлением проблемы повлекло обращение (1903 г.) исправника к Московскому губернатору, который в срочном послании к Городскому голове потребовал принятия мер для приведения свалки в надлежащее состояние. В результате, городским санитарным советом были выработаны, а Городской думой одобрены, меры по улучшению места свалки: решено было обрыть её канавами, запахать, прирезать 4 дес. земли, разделить места для нечистот и мусора, выстроить караульный дом для сторожа, из бюджета выделить 500 руб. для выполнения проекта [25, д. 35, л. 1–6].

Таким образом, на примере уездной Коломны Московской губернии показано, что всестороннее изучение пореформенного провинциального города невозможно без обращения к материалам полицейских уездных управлений, в нашем случае, фонду Коломенского уездного полицейского управления (Ф. 492) Центрального государственного архива г. Москвы. Подавляющее большинство делопроизводственной документации – отчеты, донесения, справки, представления, ведомости, рапорты уездного исправника – были впервые введены в научный оборот. Материалы сохранили подробные сведения о численном, сословном, конфессиональном составе городского населения, о состоянии промышленности, торговли, ремесле, а также городском хозяйстве и благоустройстве. Отмечено, что

статистические сведения местной полиции, в частности, о демографическом составе городского населения, а также городской промышленности, отличаются от официальных статистических показателей. Как следствие, некритическое использование материалов уездного полицейского управления, чревато ошибками и предполагает соотнесения с другими источниками.

Список источников и литературы

1. Адрес-календарь Московской губернии на 1895 г. М.: Тип. Губернского Правления, 1895. 2, 204, 4, XXX с.
2. Белов А. В. Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XIX – начале XX века: город и процессы урбанизации сельских окраин). М.: Папирус ПРО, 2005. 182 с.
3. Гончаренко Л. Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX в.: (Социально-экономическое исследование). Чебоксары, 1994. 191 с.
4. Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. 384 с.
5. Дмитриенко Н. М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2000. 278 с.
6. Долгопятов А. В. Мещанское сословие городов Московской губернии: эволюция в пореформенный период: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2010. 226 с.
7. Долгопятов А. В. Эти тихие уездные города: о социально-экономическом развитии малых городов Московской губернии во второй половине XIX - начале XX века. М.: АИРО–XXI, 2015. 228 с.
8. Дружинина А. В. Торгово-промышленное развитие городов Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Иркутский гос. ун-т. Иркутск, 2002. 185 с.
9. Ивонин А. Р. Западносибирский город последней четверти XVIII–начала 60-х гг. XIX в.: (опыт историко-демографического исследования). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. 336 с.
10. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х т. Т. 1 – 2. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
11. Оспенников Ю. В. Городское население Среднего Поволжья в 1917 году: На материалах Самарской, Пензенской и Симбирской губерний: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2001. 339 с.
12. Памятная книжка Московской губернии на 1899 г. М.: Московский столичный и губ. стат. ком., 1899. 769, V с.
13. Памятная книжка Московской губернии на 1904 г. М.: Московский столичный и губ. стат. ком., 1903. 810 с. разд. паг.
14. Памятная книжка московской губернии на 1914 г. М.: Московский столичный и губ. стат. ком., 1913. 778 с. разд. паг.
15. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание второе: [С 12.12.1825 по 28.02.1881]: [В 55-ти т. с указ.]. Т. 38: 1863: [В 2-х отделениях]. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии., 1866. 940 с.
16. Рутц М. Г. Торгово-промышленное развитие и население городов Западной Сибири в первой половине XIX в.: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Барнаул, 2003. 351 с.

17. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 7. Вып. 3: Промыслы Московской губернии. М., 1883.
18. Симонова Е. В. Провинциальные города Тульской губернии в XIX веке. Тула: Гриф и К, 2005. 236 с.
19. Симонова Е. В. Города Тульской губернии в процессе социальных трансформаций начала XX века. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. 265 с.
20. Терещенко А. А. Социально-экономическое развитие провинциального города в России второй половины XIX – начале XX вв.: На примере Курской губернии: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 1999. 218 с.
21. Шрамченко А. П. Справочная книжка Московской губернии (описание уездов). М.: Губ. тип., 1890. 420 с.
22. ЦГА г. Москва. Ф. 17. Оп. 47.
23. ЦГА г. Москва. Ф. 17. Оп. 81.
24. ЦГА г. Москва. Ф. 65. Оп. 20.
25. ЦГА г. Москва. Ф. 65. Оп. 23.
26. ЦГА г. Москва. Ф. 65. Оп. 32.
27. ЦГА г. Москва. Ф. 199. Оп. 2.
28. ЦГА г. Москва. Ф. 492. Оп. 2.

References

1. *Adres-kalendar' Moskovskoy gubernii na 1895 g* [Official directory of the Moscow province for 1895]. Moscow: Tip. Gubernskogo Pravleniya publ, 1895. 2, 204, 4, XXX p.
2. Belov A. V. *Moskva, moskovskiye prigorody, prigorodnyye poseleniya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: gorod i protsessy urbanizatsii sel'skikh okrain* [Moscow, Moscow suburbs, suburban settlements in the second half of the 19th - early 20th century: the city and the processes of urbanization of rural outskirts]. Moscow: Papirus PRO publ, 2005. 182 p.
3. Goncharenko L. N. *Goroda Srednego i Nizhnego Povolzh'ya vo vtoroy polovine XIX v.: (Sotsial'no-ekonomicheskoye issledovaniye)* [Cities of the Middle and Lower Volga region in the second half of the 19th century: (Socio-economic research)]. Cheboksary, 1994. 191 p.
4. Goncharov Yu. M. *Gorodskaya sem'ya Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Urban family of Siberia in the second half of the 19th - early 20th century]*. Barnaul: Izd-vo Altayskogo gos. un-ta publ, 2002. 384 p.
5. Dmitriyenko N. M. *Sibirskiy gorod Tomsk v XIX- pervoy treti XX veka: upravleniye, ekonomika, naseleniye* [Siberian city of Tomsk in the 19th - first third of the 20th century: management, economy, population]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta publ, 2000. 278 p.
6. Dolgopyatov A. V. *Meshchanskoye sosloviye gorodov Moskovskoy gubernii: evolyutsiya v poreformennyy period: dis. ...kand. ist. nauk: 07.00.02* [Bourgeois estate of cities in Moscow province: evolution in the post-reform period: Thesis in History]. Moscow, 2010. 226 p.
7. Dolgopyatov A. V. *Eti tikhiye uyezdnyye goroda: o sotsial'no-ekonomicheskom razvitii malykh gorodov Moskovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX - nachale XX veka* [These quiet uyezd cities: on the socio-economic development of small towns in Moscow province in the second half of the 19th – early 20th century]. Moscow: AIRO–XXI publ, 2015. 228 p.
8. Druzhinina A. V. *Torgovo-promyshlennoye razvitiye gorodov Vostochnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.: dis... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Commercial and

- industrial development of cities in Eastern Siberia in the late 19th – early 20th centuries: Thesis in History]. Irkutskiy gos. un-t. Irkutsk, 2002. 185 p.
9. Ivonin A. R. *Zapadnosibirskiy gorod posledney chetverti XVIII–nachala 60-kh gg. XIX v.: (opyt istoriko-demograficheskogo issledovaniya)* [West Siberian city of the last quarter of the 18th – early 60s of the 19th century (experience of historical and demographic research)]. Barnaul: Izd-vo Altayskogo gos. un-ta publ, 2000. 336 p.
 10. Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: v 2-kh t.* [Social history of Russia during the period of the empire (18th - early 20th century). The genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law: in 2 volumes]. Vol. 1–2. 2nd ed., Rev. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin publ, 2000.
 11. Ospennikov Yu. V. *Gorodskoye naseleniye Srednego Povolzh'ya v 1917 godu: Na materialakh Samarskoy, Penzenskoy i Simbirskoy gubernii: dis... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Urban population of the Middle Volga region in 1917: Based on materials from Samara, Penza and Simbirsk provinces: Thesis in History]. Samara, 2001. 339 p.
 12. *Pamyatnaya knizhka Moskovskoy gubernii na 1899 g.* [Commemorative book of the Moscow province for 1899]. Moscow: Moskovskiy stolichnyy i gub. stat. kom. publ, 1899. 769, V p.
 13. *Pamyatnaya knizhka Moskovskoy gubernii na 1904 g.* [Commemorative book of the Moscow province for 1904]. Moscow: Moskovskiy stolichnyy i gub. stat. kom. publ, 1903. 810 p. pag. var.
 14. *Pamyatnaya knizhka Moskovskoy gubernii na 1914 g.* [Commemorative book of the Moscow province for 1914]. Moscow: Moskovskiy stolichnyy i gub. stat. kom. publ, 1913. 778 p. pag. var.
 15. *Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy Imperii: Sobraniye vtoroye: [S 12.12.1825 po 28.02.1881]: [V 55-ti t. s ukaz.] T. 38: 1863: [V 2-kh otdeleniyakh]* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire: Second Collection: [From 12.12.1825 to 28.02.1881]: [In 55 volumes with an index.]. Vol. 38: 1863: [In 2 sections]]. Otd. 1. SPb.: Tip. II Otd-niya sobstv. Ye. I. V. Kantselyarii publ, 1866. 940 p.
 16. Rutts M. G. *Torgovo-promyshlennoye razvitiye i naseleniye gorodov Zapadnoy Sibiri v pervoy polovine XIX v.: dis... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Commercial and industrial development and the population of cities in Western Siberia in the first half of the 19th century: Thesis in History]. Barnaul, 2003. 351 p.
 17. *Sbornik statisticheskikh svedeniy po Moskovskoy gubernii. Otdel khozyaystvennoy statistiki* [Commercial and industrial development and the population of cities in Western Siberia in the first half of the 19th century]. Vol. 7. Issue 3: *Promysly Moskovskoy gubernii* [Trades in the Moscow province]. Moscow, 1883.
 18. Simonova E. V. *Provintsial'nyye goroda Tul'skoy gubernii v XIX veke* [Provincial cities of the Tula province in the 19th century]. Tula: Grif i K publ, 2005. 236 p.
 19. Simonova E. V. *Goroda Tul'skoy gubernii v protsesse sotsial'nykh transformatsiy nachala XX veka* [Cities of the Tula province in the process of social transformations of the early twentieth century]. Tula: Izd-vo TGPU im. L.N. Tolstogo publ, 2015. 265 p.
 20. Tereshchenko A. A. *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye provintsial'nogo goroda v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachale XX vv.: Na primere Kurskoy gubernii: dis... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Socio-economic development of a provincial city in Russia in the second half of the 19th–early 20th centuries: On the example of the Kursk province: Thesis in History]. Kursk, 1999. 218 p.
 21. Shramchenko A. P. *Spravochnaya knizhka Moskovskoy gubernii (opisaniye uyezdov)* [Reference book of the Moscow province (description of the uyezds)]. Moscow: Gub. tip. publ, 1890. 420 p.

22. *TSGA g. Moskva [Central State Archives of the city of Moscow (TsGA Moscow)]. Fund 17. Inventory 47.*
23. *TSGA g. Moskva [Central State Archives of the city of Moscow (TsGA Moscow)]. Fund 17. Inventory 81.*
24. *TSGA g. Moskva [Central State Archives of the city of Moscow (TsGA Moscow)]. Fund 65. Inventory 20.*
25. *TSGA g. Moskva [Central State Archives of the city of Moscow (TsGA Moscow)]. Fund 65. Inventory 23.*
26. *TSGA g. Moskva [Central State Archives of the city of Moscow (TsGA Moscow)]. Fund 65. Inventory 32.*
27. *TSGA g. Moskva [Central State Archives of the city of Moscow (TsGA Moscow)]. Fund 199. Inventory 2.*
28. *TSGA g. Moskva [Central State Archives of the city of Moscow (TsGA Moscow)]. Fund 492. Inventory 2.*

Сведения об авторе

Соца Лилия Нисоновна,

*кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной и всеобщей
истории ГОУ ВО МО «Государственный
социально-гуманитарный университет»
(e-mail: livaso@list.ru).*

Information about the Author

Soza Lilia Nisonovna,

*Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of the Department of
national and world history of
State social humanitarian University
(e-mail: livaso@list.ru).*

УДК 94(47)''1870/1970''
ББК 63.3(2)6-8

Дата поступления статьи 16.11.2020
Дата решения о публикации 18.11.2020

**БИОГРАФИЯ СЕМЬИ УЧИТЕЛЯ КОЛОМЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ
И.М. СЕДЛАКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИИ
(СЕРЕДИНА 1870-х – СЕРЕДИНА 1970-х гг.)**

Н. С. Ватник

*Государственный социально-гуманитарный университет
(г. Коломна, Россия)*

Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов, извлеченных из архивов России (РГИА, ЦГА г. Москвы, РАН и др.) и Казахстана (архив Бурабайского района Акмолинской области), а также мемуаров и научной литературы рассматриваются биографии членов семьи инспектора и учителя Коломенской мужской гимназии И.М. Седлака на фоне происходивших с середины 1870-х по середину 1970-х гг. в Российской империи и Советской России исторических событий. На примере судьбы семьи Седлак показаны общественные позиции, мировоззрение, социальное поведение, личные судьбы двух поколений провинциальной интеллигенции, которые, в меру своих возможностей, оказывали влияние на развитие просвещения и науки и на общественно-политические процессы в российской периферии.

Ключевые слова: историко-биографические исследования, Московская губерния, провинциальная интеллигенция, славянские стипендиаты, гимназия.

UDC 94(47)''1870/1970''
LBC 63.3(2)6-8

Date of receipt of article 16.11.2020
Date of publication decision 18.11.2020

**BIOGRAPHY OF THE FAMILY OF I.M. SEDLAK, TEACHER OF
KOLOMENSKOYE GYMNASIA, AS A REFLECTION OF THE HISTORY
OF THE PROVINCIAL INTELLIGENCE OF RUSSIA (MID-1870s – MID-1970s)**

N. S. Vatnik

*State social humanitarian University
(Kolomna, Russia)*

Abstract. Based on the first documents introduced into scientific circulation, extracted from the archives of Russia (RGIA, TsGA of Moscow, RAS, etc.) and Kazakhstan (archive of the Burabay district of Akmola region), as well as memoirs, scientific literature, and biographies, the article considers family members of the inspector and teacher of the Kolomna men's gymnasium I.M.Sedlak against the background of the historical events happened from the mid-1870s to the middle of the 1970s in the Russian Empire and Soviet Russia. On the example of the fate of the Sedlak family, the paper shows public positions, worldview, social behavior, and the personal fate of two generations of provincial intellectuals, which, to the best of their ability, influenced the development of education and science and socio-political processes in the Russian periphery.

Keywords: historical and biographical studies, Moscow province, provincial intelligentsia, Slavic grant-aided students, gymnasium.

Историко-биографические сочинения, утвердившись в XIX веке трудами Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, Н. К. Шидлера, В. О. Ключевского в качестве одного из направлений отечественной исторической науки, эволюционировали в советское время от жизнеописаний «главнейших деятелей» к рассмотрению персон иного, более демократического ряда. И хотя в 1920-х гг. книги «старой профессуры» еще по традиции были посвящены царственным персонам [33, 21], но основной массив публикаций составляли биографий героических борцов «за Рабочее дело» и «святую Свободу», продолженные позднее сериальным изданием «Пламенные революционеры» и близкими к нему по тематике сборниками в столице и регионах [24; и др.]. Партийное руководство вполне резонно считало их важным средством коммунистического воспитания молодого поколения страны Советов. Влияние скорее просветительское, чем идеологическое имело издание с 1930-х гг. знаменитой серии «Жизнь замечательных людей», значительно расширившей перечень тех, с кого «юноше, обдумывающему житье» предлагалось «сделать бы жизнь» – ученых, военных, литераторов, путешественников, артистов, изобретателей, художников, государственных деятелей и др. А присутствие среди авторов специалистов-историков превращало эти научно-популярные книги в полновесные исследования. В 1950-х – 1980-х гг. общественное признание получили научные монографии А. А. Зимина (об И. Пересветове) и В. Б. Кобрин (об Иване Грозном), «петровский цикл» Н. И. Павленко.

Но подлинный расцвет историко-биографического жанра наступил на рубеже XX и XXI вв., что объясняется и общественным запросом на такого рода сочинения, и политическими переменами в стране в 1991 г., и эволюцией исторической науки в целом к локальности и микро-истории, антропоцентризму и междисциплинарности. Новации проявились, во-первых, в практически неограниченном выборе изучаемых персон, во-вторых, в расширении источниковой базы за счет привлечения мемуаров, документов рассекреченных фондов отечественных архивов и материалов о жизни Русского Зарубежья разного времени, в-третьих, в применении методов междисциплинарного анализа, в том числе, связанного с компьютерными технологиями, в-четвертых, в разработке биографических сюжетов не только профессиональными историками, но и краеведами, журналистами и др. Следствием этого стало обилие публикаций, рассчитанных как на массового читателя [11], так и на специалистов [8; 9; 20; 34; и др.]. Показательно то, что наряду с героями серий «Великие исторические персоны» или «Императорская Россия в лицах» освещение получила жизнь множества людей периферии из различных социальных страт и сфер деятельности и известных, главным образом, в пределах своих регионов (населенных пунктов). Это: предприниматели, священнослужители, крестьяне, провинциальная интеллигенция [2, с. 144–154; 35; 25, с. 160–164; 7, с. 284–301; 16, с. 292–298; 36; и др.]. Исследовательский опыт трех десятилетий показал, что включение биографических материалов из российской периферии в общеисторический и региональный нарратив резко расширяет «человеческую» (индивидуальную) составляющую наших представлений о прошлом, серьезно актуализирует проблему «цены» прогресса, реформ и революций, способствует развитию генеалогии и исторической психологии и, доказав востребованность персональных сюжетов наукой, стимулирует дальнейшую их разработку историками.

Что касается выбора объекта нашего исследования, то здесь роль сыграло следующее. Во-первых, при изучении состава учителей подмосковных мужских гимназий императорского времени внимание на себя обратил преподаватель древних языков Коломенской гимназии, статский советник Иосиф Матвеевич Седлак (1853 – 1920), который в качестве инспектора был видной фигурой во многих событиях, происходивших в этом учебном заведении в начале XX в. Неоднократное упоминание о нем в архивных документах, мемуарах и историко-педагогической литературе вкупе с родственными отношениями одного из его сыновей (Алексея Иосифовича) с

известным революционером-народовольцем и ученым Николаем Александровичем Морозовым способствовали «погружению», как выяснилось, в сложную и трагическую историю семьи Седлак. Во-вторых, историко-биографические работы о педагогах, работавших вдреволюционных гимназиях Московской губернии, отсутствуют. И, в-третьих, представилась редкая возможность проследить социальное поведение и эволюцию мировоззрения двух поколений одной семьи провинциальных интеллигентов за столетие – в позднеимперский и до позднесоветского периодов.

Хронологические рамки исследования обусловлены, в нижней границе, временем приезда И. М. Седлака в Россию из Австро-Венгрии, а в верхней – уходом из жизни младшей его дочери – Лидии Иосифовны.

Для изучения обстоятельств жизни этой семьи были привлечены фонды ряда архивохранилищ: Российской академии наук (РАН), Российского государственного исторического архива в С.-Петербурге (РГИА), Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА г. Москвы), Музея-заповедника «Коломенский кремль», Архива Бурабайского района Акмолинской области (Республика Казахстан), а также семейный фонд И. Корнелюк, знавшей дочерей И. М. Седлака (благодарим И. Корнелюк за предоставление документов, материалов и фотографий). Использовались мемуары некоторых известных выпускников Владимирской мужской гимназии – Д. Н. Кардовского и К. Бальмонта, а также научные исследования по истории высшей и средней школы. И результаты историко-биографических поисков оказались весьма интересными и важными.

Удалось установить, каким образом Иосиф Седлак (чеш. – *Iosef Sedlák*) – выходец из Богемии (Западной Чехии) и подданный Австро-Венгерской империи – оказался в России: с июля 1873 по май 1875 года он проходил обучение в находившемся в Петербурге Учительском институте славянских стипендиатов. Напомним, что это учебное заведение было учреждено в 1867 г. для обеспечения масштабной реорганизации среднего образования России, начатой в 1864 г. министром народного просвещения А.В. Головниным и продолженной усилиями его преемника – Д. А. Толстого [5, с. 91–104; 6, с. 22]. Реформа предполагала преобразование действующих и открытие новых мужских гимназий двух типов – классических (гуманитарных, с преподаванием латинского и греческого языков в больших объемах – примерно 40% учебных часов) и реальных – с расширенным преподаванием предметов естественно-математического цикла (со временем, такие гимназии были превращены в реальные училища). Однако при реализации реформы быстро обнаружился её серьезный изъян – недостаточность учителей классических, древних, языков, которую не в состоянии были восполнить императорские университеты, готовившие ученых-филологов. В перспективе ситуацию могло изменить к лучшему открытие в 1867 г. Петербургского историко-филологического института – его студенты, обучавшиеся за счет казны, обязаны были по окончании проработать в школах не менее шести лет. Но первый выпуск – 25 человек – ожидался только в 1871 г., а потребность в учителях, особенно в провинции, оставалась весьма значительной. Поэтому Министерство народного просвещения приняло решения, подобные петровским начала XVIII в. Во-первых, в качестве гимназических педагогов пригласить уже действовавших филологов-классиков, преимущественно, из славянских регионов Австро-Венгрии (для овладения русским языком им предстояло проучиться на специальных курсах). А во-вторых, начать подготовку преподавателей в стенах двухгодичного Учительского института, куда в качестве стипендиатов зачислять ежегодно примерно 20 австрийских славян (т.е. чехов, марован, лужичан, словаков, словенцев и др.), уже имевших гимназическое образование или обучавшихся классическим языкам не менее трех лет в Венском или Карловом (Пражском) университетах. Разумеется, как приглашенные, так и выпускники Института давали при поступлении обязательство определенное время прослужить в российских гимназиях по направлению Министерства просвещения. Но для полноты

картины, укажем на мотивы, которые влекли в Россию потенциальных учителей из зарубежных славян: это и материальные соображения (высокие оклады), и личные амбиции, и возможности карьерного роста, которые в Австро-Венгрии для них были затруднены вследствие национальных препоны и ограниченности мест службы. Современные историки Е. Ю. Басаргина и А. Н. Птицын [5, с. 91–104; 23, с. 173–182], изучив такой опыт экспресс-обеспечения кадров учителей, пришли к выводу о его несомненной полезности. Действительно, за короткое время (1867 – 1880 гг.) только из Учительского института выпустились 175 учителей древних языков, и это позволило, вкупе с приглашенными извне специалистами и выпускниками императорских университетов, историко-филологических институтов в Петербурге и Нежине, не только насытить гимназии преподавателями, но и придать новый импульс развитию в России филологии как науки и филологического образования в целом (какой бы аргументированной критике не подвергался «толстовский» школьный классицизм).

Что касается И. Седлака, то пока неизвестно, где он учился на своей исторической Родине (вероятнее всего – это Карлов университет), но в РГИА сохранилось его «обязательство» 1873 г. как претендента на статус славянского стипендиата в России [42, д. 182, л. 1]. Приведем этот важный документ полностью с сохранением орфографии источника:

«Я, нижеподписавшийся, желая поступить учителем Латинского и Греческого языка в одну из гимназий Русской Империи или Царства Польского, принимаю стипендию в 600 рублей ежегодно с обязательством с моей стороны: **1.** слушать лекции в С.-Петербургском Университете по предметам, кои мне будут указаны, в продолжении одного или двух лет, судя по моим успехам, **2.** слушать, сверх того, *privatissime*, лекции Латинского и Греческого языка у профессоров, которые мне будут указаны, **3.** подчиняться всем требованиям устава, **4.** выдержать, до определения меня в должность, устное испытание, установленное на звание учителя, и **5.** за каждый год стипендии прослужить в России или в Царстве Польском, куда назначит меня Начальство, два года.

Joseph Sedlak».

Препятствий для зачисления соискатель не встретил, поскольку к тому времени министерство дозволило принимать в Учительский институт неправославных славян-христиан (кроме поляков), и он приступил к учебе летом 1873 г. Жильё новоиспеченный студент снимал в Петербурге по адресу: Васильевский остров, 17-я линия, д. № 18, кв. 1. В течение двух лет Седлак, как и другие стипендиаты, изучал римскую и греческую словесность, русский язык и русскую словесность, русскую историю и географию. Занятия вели известные профессора и преподаватели Петербургского университета и Историко-филологического института – А. Д. Вейсман, И. В. Помяловский, В. И. Срезневский и др. По завершении курса наук Осип Седлак (теперь он так именовался по документам) показал «удовлетворительные познания» на испытаниях на звание учителя в гимназиях по древним языкам и был принят во Владимирскую гимназию в качестве «воспитателя пансиона и преподавателя греческого языка» [42, д. 182, л. 2].

Летом 1876 г., уже будучи во Владимире, Седлак подал прошение «о принятии русского подданства», и, получив таковое, 26 марта 1877 г. был «присоединен к православной церкви» законоучителем Владимирской гимназии священником Михаилом Ивановичем Херасковым; обряд состоялся в Пансионской церкви города [42, д. 182, л. 3; 13]. Спустя недолгое время изменилось и его семейное положение: 25 октября 1878 г. жена, Софья Павловна, подарила мужу первенца – Алексея; позднее родились еще Мария, Евгений и Лидия. Таким образом, примерно за десять лет уроженец Богемии Joseph Sedlak, став Осипом (Иосифом) Матвеевичем Седлаком,

укоренился в России – получил образование и престижную, хорошо оплачиваемую работу по специальности, перешел в православие, создал семью.

Успешно складывались дела и на педагогическом поприще. В гимназии Седлак приобрел репутацию требовательного преподавателя и воспитателя, приверженца порядка и соблюдения учениками уставных правил во всём – в поведении в школе, пансионе и за их стенами, в опрятном ношении форменной одежды, во внеучебных занятиях и интересах. (Впрочем, такую педантичность современники отмечали у большинства учителей-классиков независимо от их национальности – влияние, видимо, оказывал сам учебный предмет). Так, в воскресенье, 3 октября 1876 г., Седлак обратил внимание на оброненный учеником VII класса, пансионером Василием Аршеневским, печатный листок, который по прочтении оказался номером запрещенного журнала «Вперед» (издавался, наряду с одноименной газетой, в Лондоне известным революционером П. Л. Лавровым). Находка стала поводом к проведению внутреннего дознания: последовали обыск в пансионе, допросы виновного и изучение его переписки, обсуждение происшествия на экстренном заседании педагогического совета; уведомлены были попечитель Московского учебного округа и местные жандармы. И хотя для Аршеневского дело завершилось относительно благополучно (ему понизили отметку за поведения до «3» и отдали под «строжайший надзор» воспитателям пансиона), бдительность Седлака была оценена по достоинству [14, с. 350–352].

Еще пример. По воспоминаниям Заслуженного деятеля искусств РСФСР, художника Дмитрия Николаевича Кардовского, окончившего в 1886 г. Владимирскую гимназию, Седлак «славился как строгий и умеющий поддержать дисциплину» учитель. И в череде многих событий школьной жизни мемуарист упоминает участие Седлака в «обуздании» 17-ти летнего Константина Бальмонта (одноклассника), который за посещение собраний революционного кружка был переведен в 1884 г. из Шуйской гимназии во Владимирскую. По решению директора гимназии И. Е. Сыроечковского, «неблагонадежного» отдали под надзор Седлаку, в чьей квартире он и был поселен. Внушение Бальмонту правил «благонадежного поведения» началось с момента его первого прихода в гимназию: воспитатель обнаружил у «вольнодумца» нарушение ученической формы – отсутствие пояса с инициалами «В.Г.» («Владимирская гимназия») на бляхе. Наказание последовало незамедлительно: виновный, как дворянин, был отправлен для «наставления» к местному губернскому дворянскому предводителю [15, с. 30]. О степени тщательности надзора можно судить и по следующему эпизоду: учившийся в восьмом, выпускном, классе Бальмонт опубликовал в декабре 1885 г. в петербургском журнале «Живописное обозрение» № 48 три коротких стихотворения («Горечь муки», «Пробуждение», «Прощальный взгляд / Из Ленау /»). Это было сочтено недопустимым и, как позднее вспоминал поэт, до окончания гимназии «классный наставник запретил мне печататься». Сейчас, по прошествии 135 лет, сложно определить причины установленного Седлаком запрета. То ли встревожила мрачность строк «Горечь муки»: «Часто горечь муки закипает / В глубине души моей унылой / Часто ум в тоске изнемогает / В битве с жизнью тягостной постылой»? То ли обеспокоила проявленная гимназистом независимость действий? Но ни о каком прекращении сочинительства, а тем более, об изъятии написанного речь не велась, что позволило талантливому юноше передать свои тетради со стихами Владимиру Галактионовичу Короленко во время его приезда во Владимир и получить, позднее, лестный отзыв и советы («умное слово старшего») выдающегося литератора. В этой связи, нуждаются в корректировке часто цитируемые позднейшие отрицательные оценки Бальмонта о школе: «прожив, как в тюрьме, полтора года» или «гимназию проклиная всеми силами. Она надолго изуродовала мою нервную систему» [3, с. 11; 4, с. 447–453]. По сути, негатив относится (и совершенно справедливо) к толстовско-деляновской школе в целом, но не может быть огульно распространен на всех её

преподавателей. Тот же Седлак обозначен Бальмонтом подчеркнуто нейтрально («классный наставник»), хотя при иных отношениях заслужил бы уничижительную характеристику. И таком случае, представляется более близким к истине мнение Кардовского: «Седлак, долженствовавший внушать ему (Бальмонту – *Н.В.*) строгие правила благонадёжности, оказался культурным и порядочным человеком, и Косте жилось у него неплохо до самого окончания гимназии» [15, с. 30]. Во всяком случае, подопечный Седлака за время учебы во Владимире «ни в чем предосудительном» замечен не был, получив аттестат в 1886 г., поступил на юридический факультет Московского университета.

А вот эпизод, свидетельствующий, что Седлак обладал высоким чувством собственного достоинства. Дело в том, что один из его коллег – А. В. Батыр, будучи, по общему мнению, человеком «беспокойным» и с «неуживчивым характером», позволил себе негативные высказывания в адрес Седлака и другого классика – Андрея Викентьевича Адольфа. В протоколе заседания педагогического совета гимназии не указан смысл этих «выражений». Но если учесть упоминание в документе произнесенных обидчиком других «выражений», намекающих на засилие гимназических начальников «из иностранцев», то вероятнее всего, Батыр попрекал Седлака и Адольфа их «чуждым» России происхождением. Оба учителя «посчитали для себя оскорбительными» слова Батыра и 30 сентября 1880 г. обратились к педагогическому совету гимназии с просьбой внести оскорбления в протокол заседания (согласно практике того времени, все протоколы предоставлялись для осведомления и принятия решений попечителю учебного округа). И хотя обидчик оправдывался отсутствием в сказанном «личностей», позиция педагогов Владимирской гимназии свидетельствует об их высокой порядочности и корпоративной солидарности. В протокол была внесена следующая запись: «Совет, считая эти заявления г. Б. (Батыра – *Н. В.*) оскорбительными вообще для своего состава, определил: просить кого следует об изыскании средств к тому, чтобы подобные явления впредь не повторялись при советских заседаниях». Таким образом, не обладая возможностями административного наказания, педагогический совет предпочел не покрывать скандалиста, а передал «дело» на усмотрение окружного начальства. И эта неприглядная «история» получила продолжение. В мае 1881 г., по окончании учебных занятий, Батыр был переведен сначала в гимназию маленького городка Мариамполе в Польше/Литве, а затем – в Саратовскую гимназию на сверхштатную должность учителя; он «совершенно испортил свою служебную карьеру» – совсем уволен от службы вследствие «неприятных отношений к директору и товарищам» [14, с. 358, 386; 41, д. 194, л. 74–77].

В июне 1887 г. Седлак завершил преподавание во Владимире и переехал в Коломну в связи с переводом в Коломенскую мужскую гимназию, где проработал более 30 лет. К 1898 году, к 25-летию педагогической деятельности, он имел чин статского советника и был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны и Знаком ордена Св. Владимира 4-й степени. Обладание столь высоким чином (V класс «Табели о рангах») вкупе со Знаком ордена Св. Владимира 4-й степени обусловили получение им потомственного дворянства. В материальном отношении он относился к кругу людей обеспеченных. Приведем структуру и размер его годового дохода в 1902 г.: жалование за 12 уроков – 1250, за 9 дополнительных уроков – 540, за исполнение обязанностей инспектора – 750, квартирные – 300, пенсия – 850, всего – 3690 руб. Он владел недвижимостью – большим каменным двухэтажным домом с флигелем на Репинской улице (ныне – ул. Комсомольская, д. 7, 7а) общей стоимостью 15.000 руб. [21, с. 70].

К сожалению, имеющаяся в нашем распоряжении архивные документы, литература и мемуары не позволяют точно установить общественно-политические взгляды Седлака. Но некоторые общие контуры вырисовываются по косвенным данным. Так, находясь в середине 1870-х гг. в Петербурге в качестве славянского

стипендиата, маловероятно, чтобы он не знал о противоправительственном настрое столичных студентов, распространении нелегальной литературы (листок, брошюр, журналов), существовании революционных кружков и «хождении в народ» летом 1874 г. Однако ни в чем противозаконном он полицией замечен не был. На наш взгляд, возможной радикализации его взглядов воспрепятствовали и статус иностранного подданного (высылка из страны «подозрительного лица» была бы неминуема), и высокая мотивация получения по окончании Учительского института престижной работы, и перспектива натурализации в России. Во всяком случае, в приведенном выше эпизоде с учеником Аршеневским Седлак не только опознал (!) в оброненном листке запрещенное издание, но и немедленно доложил о находке гимназическому начальству, хотя при сочувствии радикальным идеям мог бы, скрыв сам факт, пожурить гимназиста и посоветовать ему быть впредь осмотрительным.

Далее. В период волнений коломенских гимназистов октября 1905 г. его позиция по этому поводу была вполне определенной: ученические протесты – незаконны, их требования и равно мнение родительских собраний – можно лишь принять к сведению, перемены же в школах происходят исключительно по инициативе и с позволения начальствующих лиц. Но в условиях ученических забастовок все же следует пойти на некоторое смягчение гимназического режима: «явочным порядком» допустить проведение учащимися собраний, отменить внешкольный надзор, разрешить кружки самообразования и посещение библиотек и пр. [44, д. 4500, л. 8, 11, 18, 33–34об]. Другой факт. Когда Евгений, младший сын Иосифа Матвеевича, будучи студентом Московского университета, увлекся революционными идеями, это встретило категорическое непонимание родителей и спровоцировало разрыв отношений юноши с семьей. И потому мы, вероятнее всего, будем недалеки от истины, охарактеризовав И. М. Седлака как приверженца консервативных взглядов, сторонника монархической формы правления, противника социальных движений, хотя и допускающего здесь вынужденные компромиссы. Так что спустя столетие постараемся оценить глубину переживаний этого человека, ставшего свидетелем грандиозных общественных потрясений – отречения императора от престола в марте 1917 г., низложение Временного Правительства в ходе Октябрьской революции и крах классического гимназического образования (ему он в России посвятил свою жизнь), а в итоге – потерявшего чин, статус дворянина, сбережения и высокую пенсию!

Теперь обратимся к жизненным перипетиям других членов этой семьи. И начнем с тех, чья взрослая жизнь протекала вдали от Коломны – Евгения Иосифовича, Марии Иосифовны и Лидии Иосифовны Седлак. Евгений родился в 1884 г. во Владимире. Окончив в 1902 г. Коломенскую гимназию, он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Но первые два года учебы совпали, как он написал позднее в автобиографии, «с полосой сильнейших студенческих движений (1904 – 1905 – 1906 гг.), ...которые сильно способствовали революционизированию моих политических убеждений» [40, л. 52]. Речь идет об решающей роли московских универсантов в организации протестных акций столичных студентов, в открытии университета для устройства собраний с допущением «сторонних лиц», в уличных демонстрациях и баррикадных боях декабря 1905 г. Незавершенность поиска документов в архиве Департамента полиции не позволяет с уверенностью судить как о степени общественной активности Е. Седлака, так и о причинах исключения из университета в 1904 г. и обстоятельствах жизни в 1905 – 1906 гг. В любом случае, его действия были прямым нарушением университетского Устава и обусловили конфликт с учебным начальством и властями. Разумеется, что такой образ мыслей и поведение сына вызывали тревогу со стороны родителей. Отрицание мировоззренческого выбора Евгения (особенно Софьей Павловной – недаром в хранящейся в архиве автобиографии подчеркнут «разлад» именно с ней), взаимная неуступчивость и

обида привели к фактическому прекращению связей между родными людьми на долгие семь лет – до 1911 года [40, л. 52].

Между тем, осенью 1906 г. Е. Седлак восстановился в университете, а спустя два года, успешно завершив обучение, получил диплом 1-й степени по агрономической химии. Можно с уверенностью говорить, что столь решительный поворот юноши от «политики» к академическим занятиям был не случаен и отражал происходившую тогда серьезную смену общественных настроений, особенно выраженную среди интеллигенции. Здесь повлияли и спад революционного движения после поражения восстаний в декабре 1905 г., и разочарование в революции как насильственном способе социального переустройства, и репрессии правительства, которое ввело смертную казнь по приговорам военно-полевых судов. А применительно к нашему герою, сказались, наверняка, и увещания родителей.

Обладание университетским дипломом позволило Евгению продолжить учебу «для пополнения знаний» на 3-м курсе Московского сельскохозяйственного института (ныне – Тимирязевской академии). В этом учебном заведении бывшим универсамтам предоставлялись значительные льготы – им выплачивалась стипендия (!), а время обучения включалось в стаж государственной службы; всем выпускникам гарантировалась работа в учебных заведениях и государственных учреждениях сельскохозяйственного профиля – агрономических, лесоводческих, селекционных, коневодческих, химических, инженерных и т.п.

После окончания института (1910 г.) Евгений прослужил год в Пензе вольноопределяющимся 16-го мортирного артиллерийского дивизиона, а после сдачи экзамена на чин прапорщика осенью 1911 г. и увольнения с 1 октября в запас – подал прошение в Министерство государственных имуществ о назначении на вакантное преподавательское место. Но в полученном вскоре уведомлении сообщалось о назначении с 1 января 1912 г. на две должности: преподавателя лесоводства и естественных наук в Боровской лесной школе и помощника лесничего в Боровском лесничестве Кокчетавского уезда Акмолинской области (ныне – Акмолинская область Казахстана). И, видимо, в ожидании министерского назначения он некоторое время находился (или побывал) в Коломне и восстановил отношения с семьей – такой вывод напрашивается при сравнении записи в автобиографии с хроникой его жизни 1911 г. [40, л. 53].

Но в Боровом работать Е. Седлаку пришлось недолго – в августе 1914 г. он был призван на службу связи с началом войны с Германией, и уже с 1 сентября находился в составе 10-й армии на территории Восточной Пруссии. О его личной храбрости свидетельствуют полученные три боевые награды. Во время февральского (1915 г.) наступления германских войск на город Прасныш (Привисленский край Польши) взводный офицер Седлак «был сильно контужен в голову и шею» и, будучи на перевязочном пункте, попал плен. Как военнопленный он был помещен в офицерский лагерь крепости города Найссе (нем. Neisse) в Силезии, где находился до конца 1918 г., когда после Ноябрьской революции в Германии и Компьенского перемирия начались освобождение и репатриация военнопленных воевавших держав. К тому времени в России уже разразилась кровопролитная Гражданская война, и, как следствие, эшелоны с русскими военнопленными месяцами передвигались по охваченным боями территориям, пересекая то границы образованных на обломках империи новых государств, то линии фронтов между «красными» и «белыми». Поэтому неудивительно, что на станцию Петропавловск (ближайшую к Боровому) Е. Седлак прибыл начале февраля следующего года. [40, л. 53–54]. И обратим внимание, что возвратиться он предпочел не в Коломну, а на место прежней работы! Сыграли здесь роль обстоятельства его личной жизни, перспектива заняться наукой и преподаванием или повлиял непреодоленный разлад с родителями? Пока это остается неизвестным.

Ситуация, в которой оказался Е. Седлак, была типичной для того бурного времени. Миллионы настрадавшихся в плену офицеров и солдат с трудом разбирались в смысле новой российской «Смуты», и в большинстве стремились, в первую очередь, устроиться в мирной жизни. Однако жестокие реалии гражданского противостояния зачастую принуждали их, вопреки желанию, вновь братья за оружие. Вот и Е. Седлак, приказом Омского военного присутствия (в 1918 – 1920 гг. Амолинская область называлась Омской) получивший отпуск до 15 июня 1919 г. и признанный комиссией негодным к строевой службе по контузии, был в августе назначен заведующим хозяйством Омского ветеринарного лазарета армии адмирала А. В. Колчака. Правда, служить ему пришлось менее 3-х месяцев: не желая отступать с лазаретом к Иркутску, он предпочел 14 ноября вернуться в Омск до занятия города Красной Армией. В ноябре прошел проверку «Особой комиссией по распределению военнопленных и перебежчиков» при Реввоенсовете 5-й армии, которая убедившись в его непричастности к карательным операциям колчаковцев, отправила Евгения в распоряжение Омского губернского революционного комитета, а тот назначил бывшего прапорщика, «согласно желанию», помощником лесничего Боровского лесничества и преподавателем Лесных курсов (школа была закрыта) [40, л. 55–56]. С этого момента здесь и протекала преподавательская и научная жизнь Евгения Иосифовича до кончины в 1946 г. Заметим попутно, что, работая в Боровом, никаких претензий по поводу дворянского происхождения, службы в императорской и колчаковской армиях он не получал (при «чистке» госаппарата в 1924 г. «оставлен в должности») и репрессиям не подвергался.

Вернувшись к любимому делу, Е. И. Седлак проявил себя как прекрасный преподаватель, энергичный управленец, талантливый ученый и мудрый наставник. На всех этих поприщах полезность его трудов были неоспоримы. Во-первых, в начале 1920-х г. он сберёг имущество закрытой Лесной школы от разграбления, а затем приложил огромные усилия для её восстановления с перспективой реорганизации в техникум, т.е. среднее специальное учебное заведение, выпускники которого могли поступать в профильные вузы. С такими предложениями он неоднократно обращался к местным властям, выступал на уездных, губернских и краевых «лесных» съездах. В итоге, в октябре 1923 г. школа была открыта, а с 1 октября следующего года – преобразована в Лесной техникум. Назначенный его директором он, в короткий срок подобрав квалифицированных специалистов, смог организовать полноценный учебный процесс, приступить к строительству учебных и производственных зданий, расширить опытно-учебную базу. Значительная занятость делами техникума обусловила постепенный отказ от других должностей (районного инспектора лесов, учебного лесничего) и статусно-карьерных предложений (заведующего Асмолинским губернским Лесным отделом). И как ни покажется странным, эти сугубо ситуационные решения оказались верными в связи с политическими переменами в СССР на исходе 1920-х гг., когда в кадровой политике возобладала линия назначения на руководящие должности только членов ВКП(б). В соответствии с общей «установкой», 1 февраля 1928 г. беспартийный Е. И. Седлак был освобожден от обязанностей директора ввиду, как он указал в автобиографии, «назначения на моё место партийного лица» [40, л. 56–57]. И, наверняка, такое отдаление от «власть предержащих» спасло ему жизнь в эпоху «большого террора» 1930-х годов...

Другой получившей общественное признание сферой деятельности Е. И. Седлака было преподавание специальных дисциплин, а именно: лесоводство, лесные культуры, лесные питомники, дендрология, метеорология. Одновременно он заведовал учебным питомником и садами – дендрологическим и плодовым. Увлеченность и преданность делу принесли свои результаты – техникум обрел такую учебную базу, которая, по отзывам видных специалистов и ученых, послужила примером для многих профильных учебных заведений страны. Два года питомник был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. А сотни

благодарных воспитанников техникума не только переносили полученные знания и опыт в различные уголки Казахстана, но и поддерживали с Учителем «письменную связь», обращаясь за советом и получая необходимые консультации [40, л. 46об–47].

И, наконец, в научных кругах Е. И. Седлак пользовался большим авторитетом как естествоиспытатель и ученый-практик. В очерке по истории Щучинского Высшего колледжа экологии, лесного хозяйства и туризма (преемника Лесного техникума) сказано, что Е. И. Седлак впервые в Северном Казахстане репродуцировал 296 видов и сортов деревьев и кустарников для обогащения видового состава местных лесов, озеленения и защитного лесоразведения. Современные исследователи подчеркивают, что Е. И. Седлаком, который был энтузиастом лесокультурного дела в Казахстане, впервые «работы с интродуцированными видами растений проводились на научной основе». И результаты интродукции деревьев и кустарников в дендросаде были впечатляющими: из 52 испытанных им интродуцентов пригодными для введения лесные культуры оказались 27 видов [18, с. 9]. В составе группы ученых Академии наук СССР он в довоенное время участвовал в исследовании природы Государственного заповедника «Боровое», став автором научных статей [26; 27]. Особенно эта работа активизировалась с приездом в Боровое многочисленного корпуса биологов – академиков и профессоров, эвакуированных в Казахстан в 1941 г. И как признанный специалист Седлак выступал в качестве рецензента одной из разрабатываемых учеными научных тем с внесением в них изменений и дополнений [1, с. 43, 44, 213].

Об официальном признании заслуг Евгения Иосифовича Седлака свидетельствует объявленная ему в 1939 г. приказом Народного комиссариата земледелия Казахской ССР благодарность с развернутым обоснованием: «за долголетнюю работу, за создание лесопитомника и дендросада, служащих для подготовки кадров лесоводов и агрономов, снабжения колхозов и совхозов посадочным материалом для озеленения, заложения плодово-ягодных и декоративных садов». Там же содержалась рекомендация дирекции и общественности Боровского лесного техникума «ходатайствовать перед Верховным Советом Каз. ССР о присвоении ему звания Героя Труда» [40, л. 49]. И хотя это предложение не имело последствий (документы о получении высшей награды за труд в «личном деле» отсутствуют), уважение к педагогу и ученому, служившему примером «для всего педагогического коллектива и воспитанников техникума», было и остается высочайшим! И поэтому не случайно, что местом последнего упокоения Е. И. Седлака стал любимый им дендропарк на территории Щучинского колледжа. А издание рукописных работ Евгения Иосифовича и упоминание его имени в научной литературе и юбилейных статьях (последние из учтенных относятся к 2019 г.) являются весомым подтверждением значимости выбранного им пути [28; 1, с. 43, 44, 213; 17; 18, с. 9, 10, 12].

Переходя к обстоятельствам жизни сестер Седлак, укажем, предварительно, на наличие здесь многих «белых пятен», что объясняется недостаточной обеспеченностью источниками. Тем не менее, имеющиеся материалы позволяют реконструировать основные вехи их биографий. Родившиеся во Владимире Мария (1880 г.?) и Лидия (1885 г.) окончили Коломенскую женскую гимназию на рубеже XIX и XX вв. Старшая, Мария, как и многие девушки из интеллигентных семей, не избежала увлечения «животрепещущими вопросами»: достижения политических свобод, социальной справедливости, народного блага и женского равноправия. Серьезное влияние на её мировоззрение оказал муж – активный участник революционного движения Дмитрий Георгиевич (Егорович) Прокудин-Горский, к которому она переехала из Коломны, вероятнее всего, в Москву. В 1905 г. он руководил боевой дружиной Северной железной дороги, а Мария – являлась депутатом от Курской железной дороги в одном из первых профессиональных объединений страны – Всероссийском железнодорожном союзе, возникшем явочным

порядком в апреле 1905 г. За участие в организации транспортных забастовок она была в 1906 г. арестована и находилась в одной из полицейских частей Москвы; готовилась её ссылка в Туруханский край вместе с группой из шести депутатов-железнодорожников. В их защиту московские студенты 31 мая провели общегородской митинг, а депутаты Первой Государственной Думы обратились с запросом к властям о законности такой ссылки «без суда и следствия» [12, с. 948–949; 36]. Видимо, протестные акции изменили позицию Министерства внутренних дел, и ссылка в Восточную Сибирь не состоялась (это подтверждается отсутствием Марии Иосифовны в списках членов «Общества бывших каторжан и ссыльнопоселенцев» за 1934 г.). Для того, чтобы оценить степень погружения четы Прокудиных-Горских в «революционное дело» упомянем, что к описываемым событиям у них, по всей видимости, уже был сын – Лев Дмитриевич. Но это не стало весомым поводом оставить ряды «борцов за народную свободу», ибо таковы были приоритеты времени и революционной среды, к которой они принадлежали. И спустя столетие можно только посочувствовать старшему поколению семьи Седлак, в которой сразу двое детей (Мария и Евгений) оказались «бунтарями», противопоставившими себя и власти, и традиционному образу жизни.

Иначе сложилась судьба Лидии. В середине 1900-х годов она получила медицинское, фельдшерское, образование в Москве, но затем (по непонятным причинам) переехала в Новороссийск. 16 октября 1914 г. оказалась свидетелем обстрела бухты и города турецкими военными кораблями, о чем немедленно сообщила родителям в открытом письме, упомянув одновременно о полученной от брата Евгения армейской фотографии [45]. В 1920-х – 1930-х гг. она работала в одном из санаториев в Геленджике (курортном городке под Новороссийском), в Краснодарском Институте опытного табаководства. Тогда же в Новороссийске обосновалась и Мария, которая работала бухгалтером кассы социального страхования [40, л. 52]. Её муж – корреспондент газеты железнодорожников «Гудок», остался в Москве, где скончался в 1931 г.; сын, ставший музыкантом-скрипачом, жил в Кинешме. В начале Великой Отечественной войны сестры эвакуировались в Боровое, к Евгению Иосифовичу, и возвратились в Новороссийск, вероятно, в начале 1950-х гг. По свидетельству близко знавшей их И. Корнелюк, к старости сестры оказались одиночками – Лев Дмитриевич умер в Кинешме в 1942 г., не было в живых и братьев. Узнав о неизлечимой болезни, Мария Иосифовна, чтобы не обременять сестру, предпочла в 1961 г. сама уйти из жизни. Лидия Иосифовна пережила её на 13 лет и скончалась в доме престарелых [45].

Намного больше других был связан с Коломной Алексей Иосифович. Окончив в 1897 г. Коломенскую гимназию, он, девятнадцатилетним, поступил на юридический факультет Московского университета. После завершения учебы в 1901 г. был направлен в Московский окружной суд, где его «командировали», т.е. прикрепили для «занятий» к судебным следователям по уголовным и гражданским. После полутора лет такой стажировки ему присвоили 27 марта 1903 г. звание «старшего кандидата», а 30 апреля произвели в «коллежские секретари» (X класс «Табели о рангах»). Последующие три года он исполнял обязанности сначала помощника судебного следователя «с правом самостоятельного производства следственных действий» по Коломенскому уезду, а затем – судебного следователя в Коломенском и Егорьевском уездах. Но осенью 1906 г. в его службе произошла серьезная перемена: приказом по Министерству юстиции он был 29 сентября «откомандирован» к исправлению должности судебного следователя 2-го участка Мологского уезда Ярославского окружного суда. На новой должности его годовой доход составил 2300 руб., включив жалованье – 1000, столовые – 500, квартирные – 300, канцелярские – 500 руб. [43, д. 11928, л. 2, 28–28об, 35–35об].

Уехав из Коломны, Алексей Иосифович за десять лет службы в Ярославской губернии прошел карьерный путь от судебного следователя до Уездного члена

Ярославского окружного суда по Пошехонскому уезду и в 1913 г. получил чин надворного советника (VII класс «Табели о рангах») [43, д. 11928, л. 6, 10, 15, 17]. Работая в Мологе, он женился на Надежде Александровне Морозовой – сестре революционера Н. А. Морозова, чья родовая усадьба «Борок» находилась в Мологском уезде. На первый взгляд, перечень успешных служебных перемещений свидетельствует об абсолютной политической лояльности молодого юриста. Однако определенные сомнения возникают при изучении его переписки 1912 г. с Н. А. Морозовым, который был осужден 24 ноября 1911 г. Московской судебной палатой к годичному заключению за публикацию книги стихов «Звёздные песни», содержащих «дерзостное неуважение к верховной власти». В письме от 6 марта А. И. Седлак предлагает свою помощь, чтобы добиться отбывания наказания в Мологской тюрьме, начальник которой обещал для знаменитого узника режим «самой широкой свободы» с возможностью быть независимым в занятиях, распределении времени и прогулок на тюремном дворе, а также пользоваться отдельным дешевым «столом» или питанием «с воли». Правда, это намерение не было реализовано, и Морозова этапировали в Двинскую крепость, где он находился до освобождения в феврале 1913 г. по амнистии по случаю 300-летия Дома Романовых, но сам факт предложения весьма примечателен и говорит, что автор письма был не чужд и некоторой фронде [38, д. 1666, л. 4–5; 10, с. 726, 727].

Благополучно складывающаяся жизнь семьи была нарушена революционными событиями Февраля и Октября 1917 г. Состояние неопределенности и циркулирующие в обществе после Февраля слухи о грядущих увольнениях судебных в связи реформой имперских судов вынудили А. И. Седлака сделать необычный шаг. 2 июня он подал Министру юстиции Временного правительства П. Н. Переверзеву прошение о назначении на любое место, «соответствующее служебному положению на территории Европейской России в судебной коллегии или в прокуратуре». Но за стандартной формулировкой прошения скрывались иные, глубинные, мотивы поиска работы, о которых он, прося Морозова о помощи, откровенно рассказал в письме от 27 июня 1917 г. Приведем много проясняющий фрагмент этого письма: «Я никогда не преследовал никаких карьерных целей, и в первый раз в жизни мне приходится обращаться с такими проблемами. Но сейчас для меня наступил критический момент... Для трудовой интеллигенции наступают теперь тяжелые дни, и по окончании войны безработица достигнет таких размеров, что устроиться где-нибудь будет крайне трудно, а надвигающийся финансовый крах грозит лишить нас всего, что мы имеем». И еще: «У нас было только дня три светлой неомраченной радости – первые дни революции, а потом настроение с каждым днем стало падать, и теперь, когда все рушится кругом нас и проваливается в какую-то бездну, уже приходится спрашивать себя не о том, как будешь жить завтра, а о том будешь ли жив» [38, д. 1666, л. 14–16]. И бывший народоволец, чьи заслуги в борьбе со «старым режимом» теперь оценивались высоко, составил зятю протекцию, охарактеризовав его в письме министру следующим образом: «Упорный работник, несколько сдержанный, умеющий заставлять себя уважать и ценить, как человека, на обещание его всегда можно положиться. Он достаточно молод – всего 35 лет, отказывался неоднократно от прокуратуры, находя ее для себя не подходящей при старом режиме. В связи с ожидаемым упразднением Окружного суда, Седлак ищет работу, желательно, в Министерстве Юстиции» [43, д. 11928, л. 21–22].

Результат ходатайств оказался положительный: с 21 июля 1917 г. Седлак был назначен Членом окружного Ярославского суда, что являлось повышением в сравнении с прежней должностью (показательно уведомление Министерством юстиции об этом приказе Н. А. Морозова) [43, д. 11928, л. 26; 38, д. 1666, л. 21, 23]. Но пребывание в новом статусе оказалось недолгим, так как декретом Совета народных комиссаров от 22 ноября старая судебная система упразднялась и создавались народные выборные суды с участием народных заседателей. Правда, в марте 1918 г.

Алексею Иосифовичу удалось на три месяца устроиться в Управление начальника снабжения Красной Армии Северного фронта. Но с лета он вновь оказался безработным. В поисках места Седлак подал заявления «в Мологский и Коломенский совдепы» о назначении «на какую-нибудь должность», признаваясь в письме Морозову от 25 декабря, что «всего охотнее принял бы место по народному образованию, конечно, в провинции». И как вполне допустимый рассматривался отъезд в Коломну (хотя там «полный голод»), поскольку «больше деваться некуда» и «может быть ... найду какое-нибудь занятие»; вывод в письме звучит обреченно: «Я решил взять какое ни на есть место, лишь бы оно хоть сколько-нибудь обеспечивало нас» [38, д. 1666, л. 250б–26].

Работа по специальности нашлась только в январе 1919 г., когда Седлак был избран (!) постоянным народным судьей 9-го района Мологодского уезда Ярославской губернии [38, д. 1667, л. 510б]. Сам факт избрания свидетельствует и о его незапятнанной репутации, и о высокой профессиональной квалификации. Добавим, что переход на такого рода службу давал некоторые привилегии (материальные, моральные) и открывал, при условии лояльности, определенные карьерные перспективы, поскольку власть нуждалась в «буржуазных специалистах». К тому же могли положительно повлиять (а, возможно, и повлияли при устройстве) родственные отношения с Н. А. Морозовым, чей авторитет в родных краях был непререкаем.

Однако начавшаяся в Мологе адаптация Седлака к советским реалиям была прервана переездом в Коломну. На наш взгляд, здесь сказались ряд обстоятельств. Во-первых, неустойчивость положения народного судьи, который, на основании декрета ВЦИК от 30 ноября 1918 г., избирался собранием городского Совета рабочих и крестьянских депутатов и мог быть им же отозван. Но основная опасность для Седлака заключалась в ст. 12 об условиях избрания народным судьей, согласно которым он должен: «1) иметь право избирать и быть избираемыми в Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов; 2) иметь политический опыт работы в пролетарских организациях партии, профессиональных союзах, рабочих кооперативах, фабрично-заводских комитетах и Советских учреждениях; 3) иметь теоретическую и практическую подготовку для должности Советского Судьи» [29, с. 1196–1197]. И если теоретическая и практическая подготовка выпускника юридического факультета и бывшего судебного следователя были неоспоримы, то по поводу его права избираться в Совет или обладания политическим опытом рано или поздно могли возникнуть сомнения ревнителей нового строя, что грозило отзывом с должности или переизбранием с перспективой остаться без средств существования. В Коломне же, где располагались промышленные предприятия и численность населения в 3 раза больше, чем в Мологе, найти работу юриста представлялось реальнее. Во-вторых, продовольственное снабжение Мологи было плохим, а цены на рынках очень высокими. И, наконец, в Коломне оставались престарелые больные родители (для обеспечения семьи 66-летний Иосиф Матвеевич продолжал преподавать – теперь в 1-й Советской школе II-й ступени, открытой в бывшей мужской гимназии; 19 февраля 1920 г. он скончается от «старческого упадка сил» [39, д. 175, л. 2190б–220]), жившие под угрозой «уплотнения» до одной комнаты, т.е. вселения сторонних лиц решением муниципальных властей и превращения их большого дома в коммунальное жилье на основании декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене частной собственности в городах». Таким образом, решение о переезде в Коломну напрашивалось само собой, и состоялось в июле 1919 г.

Переехав в Коломну, А. И. Седлак десять лет трудился в Коломенском уездном Бюро юстиции («правозащитником», консультантом) и юрисконсультантом в Коломенском уездном исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [38, д. 1667, л. 510б–52]. Работа в исполкоме решила на время проблемы «уплотнения», «излишков» жилья и возможного «подселения», ибо

служащие госучреждений, как и носители других особо нужных государству профессий, обладали здесь иммунитетом (поэтому уход из жизни Софьи Павловны в 1922 (?) г. жилищные условия семьи не изменил).

В течение 1920-х гг. жизнь Седлаков в Коломне постепенно наладилась. Супругам удалось в июне 1930 г. съездить в Геленджик – повидаться с родными и отдохнуть [38, д. 1666, л. 33]. Однако в августе, в ходе «чистки» аппарата местных Советов от тех, кто «вредит интересам рабочего класса», А. И. Седлака сняли с должности (признан «отнесению к 3-й группе», т.е. с запретом занимать должность такого рода, по специальности). Жаловаться же в Москву он посчитал бесполезным («выйдет еще хуже»). В письме Морозову от 9 сентября он предельно четко охарактеризовал свое положение: «... Найти работу в Коломне едва ли будет возможно. В Москве найти легче, но негде жить. Порознь жить на два дома мы не можем. Кроме того, придется бросить все свое имущество. Здесь на домашние вещи никаких нет покупателей, т.к. весь год продавалось за бесценок разное конфискованное или отобранное у граждан имущество. С другой стороны, мы давно осознаем, что надо бы уехать из Коломны, где с каждым днем во всех отношениях жизнь становится невыносимее, моральная атмосфера совсем невозможна». И о полном разочаровании говорит следующая фраза: «Специальность эта (юриста – Н. В.) все равно отмирает, для её существования в современном обществе (в СССР) нет никаких предпосылок» [38, д. 1666, л. 29об, 33об]. В итоге, оставшись в Коломне, он был вынужден работать счетоводом, помощником бухгалтера, юрисконсультom в хозяйственных учреждениях и на машиностроительном заводе, сменив за десять лет 7 мест [38, д. 1667, л. 52–52об]. Отстранение от службы в исполкоме обернулось и постоянным безденежьем, которое не могла преодолеть даже финансовая помощь Н. А. Морозова. К тому времени родовой дом Седлаков перешел в ведение коммунального отдела, и за супругами сохранились только две комнаты общей площадью 28 кв. м. Тяжелые переживания по поводу случившейся несправедливости и бытовые неурядицы серьезно подорвали их здоровье. В начале 1940 г. Алексей Иосифович простудился во время командировки в Москву, получил после ранее перенесенного гриппа «осложнение на сердце» и скончался в больнице 17 января [38, д. 1667, л. 46об.].

Навестившая тогда одинокую и больную 82-х летнюю Надежду Александровну её родственница М. Зыкова сообщала в письмах Н. А. Морозову о планах помещения сестры в «инвалидный дом» или отправки к родным в Геленджик, о приглашении женщины для присмотра, об угрозах переселения в другое жилье («комнату в 8 м») или «подселения», о начислении пенсии по потере кормильца (70 руб.) и плате за лишнюю жилплощадь, о непорядочных квартирантах («могут всё у нее растащить»). В одном из писем упоминались «3 скрипки Ал. Иосиф» и перечислялись имеющиеся в доме ценные вещи – книги, столовые сервизы, бронзовые канделябры и подсвечники, мебель, которые можно «разумно продать» и на вырученные средства «достаточно питаться» [38, д. 703, л. 2–6, 8–8об]. В свою очередь, Надежда Александровна в письмах брату жаловалась на одиночество и болезни, сетовала по поводу бесцеремонности служащих местного жилищно-коммунального отдела и низких цен, предлагаемых за мебель и библиотеку покойного супруга [38, д. 1667, л. 42–42об, 44–50]. Летом 1940 г. Надежда Александровна Седлак скончалась.

Итак, анализ приведенных в статье фактов показывает, что обстоятельства жизни членов семьи И. М. Седлака были теснейшим образом связаны с событиями отечественной истории середины 1870-х – середины 1970-х гг. Пореформенная трансформация российских средних школ в сторону расширенного изучения латинского и греческого языков обусловила приток в мужские гимназии большого числа преподавателей-классиков – этнических славян, проживавших в Австро-Венгрии. Получив образование в Учительском институте славянских стипендиатов, чех из Богемии Иосиф Матвеевич Седлак имел возможность, в случае осложнения

адаптации в России, отработать определенный «Обязательством» четырехлетний срок и вернуться в Богемию. Однако удачная педагогическая деятельность во Владимире и устройство семейной жизни способствовали его закреплению на «новой» Родине, а затем – успешной карьере в Коломне. Считая школу «храмом науки», а преподавание – служением, он, как и подавляющее большинство учителей провинциальных гимназий, был консерватором и сторонился любой оппозиционной или политической деятельности. Но ни традиционализм семьи, ни авторитет родителей не уберегли его детей от влияния переживаемой страной эпохи «бурь и потрясений». И если судебная стезя юриста Алексея Иосифовича соответствовала до 1917 г. господствовавшим в образованном обществе периферии представлениям о благополучии и успехе, то Лидия Иосифовна, получив медицинские знания, полагала применить их на пользу народу, а Евгений Иосифович и Мария Иосифовна увлеклись революционными идеями. Правда, после поражения Первой российской революции бывшие «радикалы», разочаровавшись в «крайних взглядах и действиях», сменили «вехи» в пользу профессиональных знаний и семьи.

Пережив Гражданскую войну в «глубинке», вся семья Седлак осталась в Советской России, в том числе, и Евгений Иосифович, который имел шанс в рядах отступавших из Сибири «белых» войск оказаться в эмиграции в Китае. Видимо, такого рода вопрос не обсуждался ни «старыми», ни, главное, «молодыми» Седлаками, так как личные обстоятельства и убеждения каждого не провоцировали бегство (отъезд) за границу, а, наоборот, давали надежду на приспособление к новой власти: Алексей Иосифович – рассчитывал на востребованность своего служебного опыта и на поддержку Н. А. Морозова, Мария Иосифовна – на Д. Г. Прокудина-Горского, Евгений Иосифович и Лидия Иосифовна – на свой авторитет как специалистов. К тому же материальными средствами для устройства на чужбине интеллигенция периферии не располагала. И действительно, в нэповской России все они получили работу, определенную стабильность и возможности самореализации. Однако сохранявшееся у советского и партийного аппарата недоверие к «бывшим» и опора на «выдвиженцев» из народа и членов ВКП(б) обусловили отстранение Е. И. Седлака от директорства в Боровском лесном техникуме и увольнение А. И. Седлака с ответственной должности в Коломне. И если Евгений Иосифович компенсировал себя в преподавании и науке, то для Алексея Иосифовича случившаяся несправедливость стала источником переживаний (в небольшой Коломне сложно найти достойную работу) и ускорила преждевременный уход из жизни. Документальных свидетельств об антисоветских настроениях в семье Седлак не обнаружено, но косвенно их недовольство проявилось и в письмах А. И. Седлака 1930-х гг. о кадровой политике «верхов», и в реплике Е. И. Седлака о сменившем его директоре – «партийном лице», и в факте сближения сестер Седлакв эвакуации, в Боровом, с семьей ссыльного инженер-полковника К. И. Туроверова.

Таким образом, проведенные биографические изыскания позволили значительно расширить наши представления об общественной позиции, мировоззрении, социальном поведении и судьбах провинциальной интеллигенции России XIX и XX столетий. Одновременно, история просвещения в Московской губернии и в Коломне, в частности, обогатилась новой информацией об одном из видных деятелей дореволюционного гимназического образования.

Но, как оказалось, результаты изучения истории семьи И. М. Седлака имели не только академическую, научно-познавательную полезность, но были востребованными в смежных сферах – музейном деле и краеведении, приобрели общественное и культурно-историческое значение. Дело в том, что научный сотрудник Музея-заповедника «Коломенский кремль» О. Ю. Пономарева, знакомясь несколько лет назад с фондом музейных предметов, заинтересовалась хранящимся с 1940 г. инструментом XVIII в. К инструменту, находившемуся в плохом состоянии, прилагалась сопроводительная записка: «Скрипка 1731 г. немецкой работы.

Принадлежала незаконнорожденной дочери фабриканта Морозова – Надежде Константиновне Морозовой-Седлак. Проживающих в поместье Щурово»; на обороте: «Приобретена от горфина, который после смерти Седлак 1940 г. имущество взял в фонд государства ноябрь 1940 г.». Сейчас невозможно определить источник этой записи, но как рабочая версия об имени последнего владельца инструмента она была заявлена на конференции, посвященной 840-летию Коломны (июнь 2017 г.). Со своей стороны, автором настоящей статьи были предоставлены документальные доказательства ошибочности как самой версии, так и направления поиска в целом. И хотя, действительно, усадьбу Щурово под Коломной в 1906 г. приобрели супруги Ксения Александровна и Иван Давыдович Морозовы, но ни в их родословных, ни в жизненных перипетиях никогда не встречалась фамилия Седлак. А, главное, скончавшаяся в Коломне в 1940 г. Надежда Александровна (!) Седлак никакого отношения к семье предпринимателей Морозовых не имела и была вдовой Алексея Иосифовича Седлака – старшего сына И. М. Седлака.

К тому времени «скрипка», определенная как альт, прошла научную экспертизу во Всероссийском музейном объединении музыкальной культуры имени М. И. Глинки (ВМОМК), в ходе которой окончательно выяснилось происхождение инструмента: он был изготовлен в 1731 г. мастером Кристианом Штримом из Данцига (подтверждена надпись на нижней деке «Kristian Strim Danzig 1731»). После принятия решения о государственной реставрации инструмента её успешно выполнил М. Я. Азоян – главный художник-реставратор струнных смычковых инструментов Отдела реставрации, консервации и экспертизы ВМОМК, эксперт по культурным ценностям Министерства культуры РФ.

Возвращение в Коломну альта уже в статусе особо ценного музейного экспоната предполагало принятие решения о его дальнейшей судьбе: останется ли он частью экспозиции, предназначенной исключительно для визуального осмотра, или возвращенное звучание позволит использовать более широко, т.е. по прямому назначению – в публичных концертно-музыкальных и культурно-просветительских мероприятиях. И сотрудники музея-заповедника «Коломенский кремль» посчитали наиболее приемлемым, совместно с кафедрой отечественной и всеобщей истории Государственного социально-гуманитарного университета и преподавателями 1-го Московского областного музыкального колледжа (Коломна), повторить Проект музея им. Глинки «Звучит Госколлекция». Коломенские музыканты поддержали идею концерта: преподаватель О. В. Новоселова разыграла альт и подобрала репертуар, исходя из особенностей инструмента, а также провела репетиции струнного ансамбля. 1 октября 2017 г., в Международный день музыки, в Музее-заповеднике «Коломенский кремль» состоялась историческая лекция-концерт Проекта «Первые звуки после долгого молчания», посвященная «Одной Эпохе» и «Одному Инструменту» из собрания музея. Музейный зал в интерьере XVIII в. с трудом вместил всех желающих. Выступавшие лекторы осветили историю реставрации альта (О. Ю. Пономарева), сложную судьбу семьи Седлак (Н. С. Ватник), историю скрипичных инструментов (О. В. Новоселова). Благодаря струнному трио – в составе преподавателей Музыкального колледжа О. В. Новоселовой (скрипка, альт) и В. В. Корсаковой (виолончель) и студентки Российской академии музыки им. Гнесиных А. В. Фоминой (альт) – первыми звуками после почти 80-летнего молчания альта стала музыка Иоганна Себастьяна Баха. Очевидный зрительский успех лекции-концерта и благожелательные оценки в СМИ обусловили его повторение в апреле 2018 г. в Музыкальном колледже (в сопровождении оркестра солировала О. В. Новоселова), а позднее – в октябре – для студентов исторического и филологического факультетов ГСГУ [31, 32].

Признанием значимости совместной работы стало представление Проекта «Первые звуки после долгого молчания» на XX Международном фестивале «Интермузей-2018», состоявшемся с 31 мая по 3 июня в Москве. Проект вызвал

интерес у участников фестиваля – профессионалов музейного дела и представителей предпринимательских кругов. Различные аспекты исторической канвы Проекта – судьбы семьи Седлак – были автором сообщены специалистам-историкам на научных конференциях 2019 г. в Московском государственном областном университете и Российском государственном гуманитарном университете.

...А нежные звуки старинного альта напоминают нам сегодня о Коломне прошлого века и большой семье Седлак, которая оказалась «унесенной ветром» войн и революций, став частью нашей общей Истории.

Список источников и литературы

1. Абсеметов М. О. Деятельность эвакуированных ученых в Казахской ССР в 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.10/ Нац. исследовательский Томский гос. университет. Томск, 2017. 480 с.
2. Аксенов А. И. Московская предпринимательская династия Зиминых: прошлое и настоящее // История Московского края: проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 1. М.: Древлехранилище, 2006.
3. Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1969. 712 с. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.)
4. Бальмонт М. Ю. Константин Бальмонт – необычный ученик Владимирской гимназии // Материалы XIX межрегиональной краеведческой конференции (25 апр. 2014 г.). Владимир: Владим. обл. науч. б-ка им. М. Горького, 2015. С. 447-453.
5. Басаргина Е. Ю. Из истории классического образования в России: Учительский институт славянских стипендиатов // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2010. № 14-1. С. 93-104.
6. Басаргина Е. Ю. Из истории реформы Д. А. Толстого: А. И. Георгиевский // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1 (2). С. 20-23.
7. Блохина В. П. История крестьянского рода Зверевых как часть истории подмосковного села Большие Мытищи. XVIII - XX вв. // История Московского края: проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 5. М., 2015.
8. Боханов А. Н. Николай II. М.: Вече, 2008. 524 с.
9. Боханов А. Н. Борис Годунов. Между двумя династиями. М.: Вече, 2012. 352 с.
10. Валянский С. И., Недосекина И. С. Отгадчик тайн, поэт и звездочет: о жизни и творчестве русского ученого-энциклопедиста Н. А. Морозова. М.: Крафт+, 2004. 784 с.
11. Герои и антигерои Отечества: сб. / сост. В. М. Забродин. М.: Информапресс, 1992. 447 с.
12. Государственная дума. (1;1). Стенографические отчеты/ Гос. дума. 1906 г. Сессия 1-я. Т. 2: Заседания 19-38 (с 1 июня по 4 июля). СПб., 1906. 2013 с.
13. Домовая Церковь Александра Невского при мужской гимназии [Электронный ресурс] // Любовь безусловная: сайт. URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/vladimir/i/37-1-0-3464> (дата обращения: 1.03.2020)
14. Захаров А. В. Историческая записка о Владимирской губернской гимназии за время 1833-1904 годов. Ч.1-2. Владимир: Тип. губернского правления, 1909. [2], II, 402, 46 с.
15. Кардовский Д. Н. Об искусстве: Воспоминания, статьи, письма / сост. Е. Д. Кардовская. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1960. 340 с.
16. Кожевникова А. А. И. А. Шляков и его вклад в развитие краеведения Ярославской губернии // Третьи всероссийские краеведческие чтения (Москва

- Коломна, 22-23 июня 2009 г.) / отв. ред. В. Ф. Козлов. М.: Москвоведение: Московские учебники, 2009.
17. Ключкин В. У истоков лесной науки региона // Акмолинская правда. 2019. № 4. 10 янв.
 18. Крекова Я. А., Залесов С. В. История интродукции древесных растений на территории Западной Сибири и Северного Казахстана // Леса России и хозяйство в них. 2019. № 2 (69). С. 4-14.
 19. Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. Бальмонт. М.: Молодая гвардия, 2014. 345 с.
 20. Ляшенко Л. М. Александр II, или История трех одиночеств. М.: Молодая гвардия, 2002. 359 с.
 21. Московское дворянство: алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах Архива Московского дворянского депутатского собрания. М.: Тип. Л. В. Пожидаевой, [1910]. 614 с.
 22. Пресняков А. Е. Александр I. Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1924. 188 с.
 23. Птицын А. Н. Южнославянские учителя в России в последней трети XIX века // Наука, инновации, технологии. 2013. № 2. С. 173-182.
 24. Революционеры текстильного края / В. А. Балукон [и др.]; науч. ред.-сост. В. П. Терентьев. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1980. 327 с.
 25. Синельников Т. П. Подвиг смирения. Архимандрит Владимир (Василий Петрович Добролюбов) // Третьи Яхонтовские чтения: материалы науч.-практической конф. Рязань, 12-15 окт. 2004 г. Рязань, 2005. С. 165-176.
 26. Седлак Е. И. Боровской лесной питомник // Государственный заповедник и Курорт Боровое: сб. ст./ под ред. проф. П. Л. Драверта. Омск: Омское обл. гос. изд-во, 1940. С. 91-100.
 27. Седлак Е. И. Материалы к климатической характеристике Боровского района // Записки по лесному опытному делу Боровского лесного техникума. Вып. 1. Омск, 1931. С. 73-79.
 28. Седлак Е. И. Материалы по интродукции деревьев и кустарников в лесах Северного Казахстана // Труды КазНИИЛХ. 1966. Т. 6. С. 159-200.
 29. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917 – 1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. 1483 с.
 30. Справочная книга об учебных заведениях Московского учебного округа на 1901-1902 учебный год. Ч. 1. М.: Канцелярия попечителя Московского учеб. округа, 1902. 461 с.
 31. В День музыки в Коломне зазвучал альт XVIII века // Угол зрения. 2017. № 40 (871). 11 окт. С. 4.
 32. Тарасова Е. Тайны старинного альта // Угол зрения. 2018. № 41 (923). 17 окт.
 33. Чулков Г. И. Императоры. Психологические портреты. М.: Госиздат, 1928. 367 с.
 34. Чибиряев С. А. Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. М.: Воскресенье, 1993. 238 с.
 35. Филаткина Н. А. Династия Морозовых: лица и судьбы. М.: Изд. Дом ТОНЧУ, 2011. 582 с.
 36. Шаблин А. А. Влазнев В. К.: сельский краевед в пореформенной России. Рязань: Русское слово, 2013. 207 с.
 37. 1905 г. на Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железной дороге: сб. ст., воспоминаний, документов. М., 1931. 128 с.
 38. Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4.
 39. Архивный отдел Администрации городского округа Коломна Московской области. Ф. 132. Оп. 1.

40. Государственный архив Бурабайского района Акмолинской области (Республика Казахстан). Ф. Боровский сельскохозяйственный (лесной техникум). Личное дело Седлака Е. И.
41. РГИА. Ф. 733. Оп. 165.
42. РГИА. Ф. 733. Оп. 169.
43. РГИА. Ф. 1405. Оп. 545.
44. ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 3.
45. Архив семьи И. Корнелюк.

References

1. Absemetov M. O. *Deyatel'nost' evakuirovannykh uchenykh v Kazakhskoy SSR v 1941–1945 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.10 [Activity of evacuated scientists in the Kazakh SSR in 1941–1945: thesis]*. National Research Tomsk State University, Tomsk, 2017. 480 p.
2. Aksenov A. I. *Moskovskaya predprinimatel'skaya dinastiya Ziminykh: proshloye i nastoyashcheye [Moscow entrepreneurial dynasty of the Zimin: past and present]. Istoriya Moskovskogo kraya: problemy, issledovaniya, novyye materialy*. Issue 1. Moscow: Drevlekhranilishche publ, 2006.
3. Balmont K. D. *Stikhotvoreniya [Poems]*. Leningrad: Sovetskiy pisatel' publ, 1969. 712 p. (B-ka poeta. Bol'shaya ser. 2-ye izd.)
4. Balmont M. Yu. Konstantin Bal'mont – neobychnyy uchenik Vladimir-skoy gimnazii [Konstantin Balmont, an unusual student of the Vladimir gymnasium] *Materialy XIX mezhhregional'noy krayevedcheskoy konferentsii (25 apr. 2014 g.) [Materials of the 19th interregional conference of local lore (April 25, 2014)]*. Vladimir: Vladim. obl. nauch. b-ka im. M. Gor'kogo publ, 2015. pp. 447-453.
5. Basargina Ye. Yu. Iz istorii klassicheskogo obrazovaniya v Rossii: Uchi-tel'skiy institut slavyanskikh stipendiatov [From the history of classical education in Russia: Teaching Institute of Slavic scholarship holders]. *Indo-evropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European language knowledge and classical philology]*. 2010. No. 14-1. pp. 93-104.
6. Basargina Ye. Yu. Iz istorii reformy D. A. Tolstogo: A. I. Georgiyevskiy [From the history of the reform of D.A. Tolstoy: A. I. Georgievsky]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2012. No. 1 (2). pp. 20-23.
7. Blokhina V. P. Istoriya krest'yanskogo roda Zverevykh kak chast' istorii podmoskovnogo sela Bol'shiye Mytishchi. XVIII - XX vv. [The history of the peasant family of the Zverevs as part of the history of the village near Moscow Bolshiye Mytishchi. 18th–20th centuries]. *Istoriya Moskovskogo kraya: problemy, issledovaniya, novyye materialy [History of the Moscow region: problems, research, new materials]*. Issue 5. Moscow, 2015.
8. Bokhanov A. N. *Nikolay II [Nicholas II]*. Moscow: Veche publ, 2008. 524 p.
9. Bokhanov A. N. *Boris Godunov. Mezhdv dvumya dinastiyami [Boris Godunov. Between two dynasties]*. Moscow: Veche publ, 2012. 352 p.
10. Valyanskiy S. I., Nedosekina I. S. *Otgadchik tayn, poet i zvezdochet: o zhizni i tvorchestve russkogo uchenogo-entsiklopedista N. A. Morozova [Guesser of mysteries, poet and astrologer: about the life and work of the Russian scientist-encyclopedia N.A. Morozov]*. Moscow: Kraft+ publ, 2004. 784 p.
11. *Geroi i antigeroy Otechestva: sb. [Heroes and antiheroes of the Fatherland]*. Comp. by V. M. Zabrodin. Moscow: Informapress publ, 1992. 447 p.

12. Gosudarstvennaya дума. (1;1). Stenograficheskiye otchety [State Duma. (1; 1). Verbatim records]. Gos. дума. 1906 g. Sessiya 1-ya. T. 2: Zasedaniya 19-38 (s 1 iyunya po 4 iyulya) [State Duma. 1906 Session 1. Volume 2: Sessions 19-38 (June 1 to July 4)]. SPb., 1906. 2013 p.
13. Domovaya Tserkov' Aleksandra Nevskogo pri muzhskoy gimnazii [House Church of Alexander Nevsky at the male gymnasium] [Electronic resource]. *Lyubov' bezuslovnyaya*: site. URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istoriya/vladimir/i/37-1-0-3464> (accessed: 1.03.2020)
14. Zakharov A. V. *Istoricheskaya zapiska o Vladimirskoy gubernskoy gimnazii za vremya 1833-1904 godov. CH.1-2* [Historical note about the Vladimir provincial gymnasium for the period 1833-1904. Part 1-2]. Vladimir: Tip. gubernskogo pravleniya publ, 1909. [2], II, 402, 46 p.
15. Kardovskiy D. N. *Ob iskusstve: Vospominaniya, stat'i, pis'ma* [About art: Memories, articles, letters]. Comp. by E.D. Kardovskaya. Moscow: Izd-vo Akademii khudozhestv SSSR publ, 1960. 340 p.
16. Kozhevnikova A. A. I. A. Shlyakov i yego vklad v razvitiye krayevedeniya Yaroslavskoy gubernii [I. A. Shlyakov and his contribution to the development of local history of the Yaroslavl province]. *Tret'i userossiyskiye krayevedche-skiye chteniya (Moskva–Kolomna, 22-23 iyunya 2009 g.)* [Third All-Russian Local History Readings (Moscow - Kolomna, June 22-23, 2009)]. Ed. V. F. Kozlov. Moscow: Moskvovedeniye: Moskovskie uchebniki publ, 2009.
17. Klyukin V. U istokov lesnoy nauki regiona [At the origins of the region's forest science]. *Akmolinskaya pravda*. 2019. No. 4. 10 January.
18. Krekova Ya. A., Zalesov S. V. *Istoriya introduktsii drevesnykh rasteniy na territorii Zapadnoy Sibiri i Severnogo Kazakhstana* [History of the introduction of woody plants on the territory of Western Siberia and Northern Kazakhstan]. *Lesa Rossii i khozyaystvo v nikh* [Forests of Russia and the activity in them]. 2019. No 2 (69). Pp. 4-14.
19. Kupriyanovskiy P. V., Molchanova N. A. *Bal'mont* [Balmont]. Moscow: Molodaya gvardiya publ, 2014. 345 p.
20. Lyashenko L. M. *Aleksandr II, ili Istoriya trekh odinochestv* [Alexander II, or the Story of Three Loneliness]. Moscow: Molodaya gvardiya publ, 2002. 359 p.
21. *Moskovskoye dvoryanstvo: alfavitnyy spisok dvoryanskikh rodov s kratkim ukazaniyem vazhneyshikh dokumentov, nakhodyashchikhsya v rodo-slovnykh delakh Arkhiva Moskovskogo dvoryanskogo deputatskogo sobraniya* [Moscow nobility: an alphabetical list of noble families with a brief indication of the most important documents in the ancestral files of the Archives of the Moscow noble deputy assembly]. Moscow: Tip. L. V. Pozhidayevoy publ, [1910]. 614 p.
22. Presnyakov A. Ye. *Aleksandr I* [Alexander I]. Petersburg: Brokgauz-Yefron publ, 1924. 188 p.
23. Ptitsyn A. N. *Yuzhnoslavyanskiye uchitelya v Rossii v posledney treti XIX veka* [South Slavic teachers in Russia in the last third of the XIX century]. *Nauka, innovatsii, tekhnologii* [Science, innovations, technologies]. 2013. No 2. Pp. 173-182.
24. Balukov V. A. [et al.] (Ed. V. P. Terent'yev) *Revolutsionery tekstil'nogo kraya* [Revolutionaries of the textile region]. Yaroslavl': Verkh.-Volzh. kn. izd-vo publ, 1980. 327 p.
25. Sinel'nikov T. P. *Podvig smireniya. Arkhimandrit Vladimir (Vasilii Petrovich Dobrolyubov)* [A feat of humility. Archimandrite Vladimir (Vasily Petrovich Dobrolyubov)]. *Tret'i Yakhontovskiye chteniya: ma-terialy nauch.-prakticheskoy*

- konf Ryazan', 12-15 okt. 2004 g. [Third Yakhontov Readings: Materials of Scientific and Practical Conf. Ryazan, 12-15 Oct., 2004]. Ryazan, 2005. Pp. 165-176.*
26. Sedlak Ye. I. (Ed. by prof. P. L. Dravert) Borovskoy lesnoy pitomnik [Borovskoy forest nursery]. *Gosudarstvennyy zapovednik i Kurort Borovoye: sb. st. [State reserve and resort Borovoye: collection of articles]*. Omsk: Omskoye obl. gos. izd-vo publ, 1940. Pp. 91–100.
 27. Sedlak Ye. I. Materialy k klimaticheskoy kharakteristike Borovskogo rayona [Materials for the climatic characteristics of the Borovsk region]. *Zapiski po lesnomu opytному delu Borovskogo lesnogo tekhnikuma [Notes on the experimental forestry case of the Borovsk forestry college]*. Issue 1. Omsk, 1931. Pp. 73-79.
 28. Sedlak Ye. I. Materialy po introduktsii derev'yev i kustarnikov v lesakh Severnogo Kazakhstana [Materials on the introduction of trees and shrubs in the forests of Northern Kazakhstan]. *Trudy KazNIILKH [Proceedings of Kazakh Research Institute of Forestry and Agroforestry]*. 1966. Vol. 6. Pp. 159–200.
 29. *Sobraniye uzakoneniyy i rasporyazheniyy pravitel'stva za 1917 – 1918 gg. [Collection of legalizations and government orders for 1917–1918]*. Upravleniye delami Sovnarkoma SSSR [Administration of the USSR Council of People's Commissars]. Moscow, 1942. 1483 p.
 30. *Spravochnaya kniga ob uchebnykh zavedeniyakh Moskovskogo uchebnogo okruga na 1901-1902 uchebnyy god [Reference book on educational institutions of the Moscow educational district for the 1901–1902 academic year]*. Part 1. Moscow: Kantselyariya popechitelya Moskovskogo ucheb. okruga publ, 1902. 461 p.
 31. V Den' muzyki v Kolomne zazvuchal al't XVIII veka [On the Day of Music in Kolomna, an 18th century viola sounded]. *Ugol zreniya*. 2017. No 40 (871). 11 okt. Pp. 4.
 32. Tarasova Ye. Tayny starinnogo al'ta [Secrets of the ancient viola]. *Ugol zreniya*. 2018. No 41 (923). 17 Oct. Pp. 1-2.
 33. Chulkov G. I. *Imperatory. Psikhologicheskiye portrety [Emperors. Psychological portraits]*. Moscow: Gosizdat publ, 1928. 367 p.
 34. Chibiryayev S. A. *Velikiy russkiy reformator: Zhizn', deya-tel'nost', politicheskiye vzglyady M. M. Speranskogo [The great Russian reformer: Life, activity, political views of M. M. Speransky]*. Moscow: Voskresen'ye publ, 1993. 238 p.
 35. Filatkina N. A. *Dinastiya Morozovykh: litsa i sud'by [The Morozov Dynasty: Faces and Fates]*. Moscow: Izd. Dom TONCHU publ, 2011. 582 p.
 36. Shablin A. A. *Vlaznev V. K.: sel'skiy krayeved v porefor-mennoy Rossii [Vlaznev V. K.: rural ethnographer in post-reform Russia]*. Ryazan': Russkoye slovo publ, 2013. 207 p.
 37. *1905 g. na Moskovsko-Kurskoy, Nizhegorodskoy i Muromskoy zheleznoy doroge: sb. st., vospominaniy, dokumentov [1905 on the Moscow-Kursk, Nizhny Novgorod and Murom railways: article collection, memoirs, documents]*. Moscow, 1931. 128 p.
 38. *Arkhiv RAN [Archive of the RAS]*. Fund. 543. Inventory 4.
 39. *Arkhivnyy otдел Administratsii gorodskogo okruga Kolomna Moskovskoy oblasti [Archive department of the Administration of the city district Kolomna, Moscow region]*. Fund 132. Inventory 1.
 40. *Gosudarstvennyy arkhiv Burabayskogo rayona Akmolinskoy oblasti (Respublika Kazakhstan) [State Archives of Burabay District of Akmola Region (Republic of Kazakhstan)]*. Fund Borovskiy sel'skokhozyaystvennyy (lesnoy tekhnikum) [Borovsk agricultural (forestry college)]. Lichnoye delo Sedlaka Ye. I. [Personal file of E. I. Sedlak].
 41. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]*. Fund 733. Inventory 165.

42. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 733. Inventory 169.*
43. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 1405. Inventory 545.*
44. *Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye goroda Moskvyy «Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv goroda Moskvyy» (GBU «TSGA Moskvyy» [State budgetary institution of the city of Moscow "Central State Archives of the City of Moscow" (GBU "TsGA Moscow")]. Fund 459. Inventory 3.*
45. *Arkhiv sem'i I. Kornelyuk [Archive of I. Kornelyuk's family].*

Сведения об авторе

Ватник Нисон Семенович,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной и всеобщей
истории ГОУ ВО МО «Государственный
социально-гуманитарный университет»
(e-mail: vanis@list.ru).

Information about the Author

Vatnik Nison Semyonovich,
Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of the Department of
national and world history of
State social humanitarian University
(e-mail: vanis@list.ru).

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ

УДК 81-1
ББК 81.411.2-5

Дата поступления статьи 16.11.2020
Дата решения о публикации 18.11.2020

СИМВОЛИКА СОЛНЦА И ЛУНЫ В РУССКИХ И БОЛГАРСКИХ ВЕРБАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ

В. И. Абрамова

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Ю. В. Архангельская

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

С. И. Георгиева

*Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского
(г. Пловдив, Болгария)*

Аннотация. В статье рассматривается репертуар символьных значений солнца и луны (месяца) в русской и болгарской лингвокультурах. В результате анализа традиционных текстов разных жанров (народных песен, заговоров, закличек, колядок, загадок), а также пословиц, поговорок и фразеологических единиц русского и болгарского языков, содержащих компоненты солнце (солнышко) / слънце и луна (месяц) / месечина, авторы дают классификацию обозначаемых ими символов. Солнце символизирует источник жизни, благодать; божественную сущность (с приходом христианства – Иисуса Христа); течение времени; царское (княжеское) величие; счастье, удачу; непреложность устройства мира; яркость, неординарность, необычность кого-либо или чего-либо; луна (месяц) – иной, чужой, перевернутый или загробный мир, в котором активизируются демонологические персонажи; изменчивость; душевное томление.

Ключевые слова: солнце, луна, месяц, символ, символьное прочтение, вербальный текст культуры, русский язык, болгарский язык.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-512-18008.

THE SYMBOL OF THE SUN AND THE MOON IN THE RUSSIAN AND BULGARIAN CULTURE VERBAL TEXTS

V. I. Abramova

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Ju. V. Arkhangelskaya

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

S. I. Georgieva

*Plovdiv University "Paisii Hilendarski"
(Plovdiv, Bulgaria)*

Abstract. *The article analyzes the repertory of symbolic meanings of the Sun and the Moon (crescent) in the Russian and Bulgarian cultures of language. As a result of analysis of the traditional texts of different genres (folk songs, spells, carols, riddles) as well as proverbs, sayings and phraseological units of the Russian and Bulgarian languages containing the components of солнце (солнышко) / слънце and луна (месеца) / месечина the authors give the classification of the designated symbols. The sun symbolizes the source of life, the bliss, the godliness (with the overcome of Christianity – Jesus Christ); the flow of time; regal (princely) highness; happiness, luck; immutability of the world order; intensity, flamboyancy, novelty of someone or something; the moon (the crescent) – other, alien, upside down or beyond the grave world, in which the demon characters are activated; variability, yearning of soul.*

Keywords: *sun, moon, crescent, symbolic interpretation, culture verbal text, the Russian language, the Bulgarian language.*

The reported study was funded by RFBR, project number 19-512-18008.

Солнце и Луна – древнейшие космические символы, известные абсолютно всем народам земного шара с первобытных времен, с каменного века, но если европейцы поклонялись в первую очередь Солнцу, то у народов Азии главным светилом считалась Луна [17, с. 240-241; 417]. Актуальность данных символов в традиционной культуре подтверждает, например, их присутствие в составленном А. Ф. Журавлевым частотном списке минимальных смыслов, которые вовлечены в мифологические сюжетные мотивы. Этот список (фреквентарий), по мнению автора, может быть использован для установления культурной ценности и изучения культурной символики различных мифологических понятий. По данным этого исследования частотность употребления единиц *Солнце* и *Луна* в «Мифологическом словаре» под редакцией Е. М. Мелетинского достаточно высока и составляет 422 и 197 соответственно [11, с. 19].

Лексемы *солнце* и *луна* присутствуют и в т. н. списке Сводеша (Swadesh list), разработанном в 50-е годы XX в. американским лингвистом М. Сводешем [20]. С его помощью ученый предложил оценивать степень родства между языками, опираясь на их устойчивый базовый словарь [21]. По Сводешу, существует два набора базисной

лексики: 100-словный и, более подробный, 207-словный. В последний под номером 147 входит лексема *солнце*, под номером 148 – *луна*.

Репертуар символьных значений *Солнца* и *Луны* достаточно обширен. *Солнце* означало у разных народов верховное божество, источник жизни, жизненную силу, свет, царское величие, богатство, изобилие, радость, счастье [17, с. 417]. *Луна* в связи с ее движением по небосклону (ее фазами и циклами) стала у большинства народов символом измерения времени, а на Востоке лунный календарь лежит в основе всех систем летоисчисления [17, с. 241].

В различных мифологических системах Солнце и Луна могут воплощать и мужское, и женское начало, персонифицироваться в образах родственников или супругов. Широко распространен в индоевропейской мифологии мотив небесной свадьбы Солнца и Месяца [13, с. 78].

В пантеон древних славян входило сразу несколько солярных божеств – Сварог, Дажьбог, Хорс. Например, Дажьбог считался подателем земных благ, поскольку Солнце обеспечивало славянам богатый урожай. Оно защищало людей от злых сил, тьмы и холода, поэтому славяне наносили солярные знаки (круг, крест в круге, колесо, розетка) на предметы быта в качестве оберегов [25, с. 497].

Луна в славянских верованиях, в том числе русских и болгарских, устойчиво ассоциировалась с загробным миром и областью смерти, поэтому противопоставлялась Солнцу как символу жизни. Солнце и Луна также включались у славян в оппозицию *свой – чужой*: «Болгары говорили, что Луна светит для турок; как турки “не знают ни веры, ни закона, так и Луна меняется постоянно”», существует болгарское выражение «*месячина е турска приятелка*» (луна – друг турок) [3, с. 144, 147]. Такое отношение к туркам связано с тем, что Болгария несколько столетий находилась под турецким владычеством. Русские называли Луну «цыганским солнышком», что тоже символизировало ее инаковость, чуждость: Луна воспринималась как спутник цыган и воров, которые совершали свои темные дела ночью, ориентируясь в ее холодном свете [5, с. 540-541]. Примечательно в связи с этим, что в болгарской легенде цыган хотел взять Луну для освещения своего дома, поэтому она, ходившая до этого низко, поднялась высоко в небо [3, с. 144]. Противопоставлены Солнце и Луна и в лингвокультурных кодах: Солнце чаще включается в антропоморфный, Луна в зооморфный и гастрономический, о чем будет сказано ниже.

Вместе с тем исследователи отмечают, что в славянских названиях отразились и следы древнего культа Луны (например, болгарские *дядо Боже*, *дядо Господ* для обозначения Луны). В славянских верованиях также присутствует мотив родства Солнца и Луны: они – родные братья, брат и сестра, муж и жена [3, с. 144]. Эти представления отразились в загадках и обрядовых песнях. Так, в болгарской загадке о Солнце и Луне говорится: «Двама братя са гонят и дене и ноце и не моят да са стигнат» (Два брата гонятся друг за другом и днем и ночью, и не могут догнать друг друга) [23, с. 145]. В зимнем календарном фольклоре восточных славян (колядные песни) присутствует величальная формула, в которой хозяин дома сопоставляется с месяцем, хозяйка с солнцем, а дети со звездами: «Таусень / Вот ходили мы, / Вот искали мы / По проулочкам, / По заулочкам. / Вот Иванов двор. / У Ивана на дворе / Да три терема стоят. / Как и светлой-от месяц / – Сам Иван-от господин. / Красно солнышко / – То Паладюшка его. / Часты звездочки / – Его детушки».

Солнце и луна (месяц) не противопоставлены друг другу, а наоборот, выступают в роли «союзников» и в заговоре от колдунов, злых людей и порчи: «Се яз, раб имярек, стану благословя(сь), пойду перекрестяс(ь), оболоку на себя красное солнце, опояшус(ь) светлой зорей, поттычюс(ь) частыми звездами, возму в руке млад светел месяц, и пойду в чистое поле» [18].

Рассмотрим символичные значения *Солнца* и *Луны*, которые можно обнаружить в пословицах, загадках и других традиционных и современных вербальных текстах русской и болгарской культур. Начнем с *Солнца*.

1) *Солнце* и его диминутив *солнышко* в русской лингвокультуре символизирует источник жизни, благодать. Например, *Что мне золото – светило бы солнышко; Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить; Худо лето, когда солнца нету; Солнце пригреет – все поспеет; Дождь прибьет – солнышко поднимет; Солнце сияет, а месяц только светит; При солнышке тепло – при матери добро; Не солнышко: всех не обогореешь (на всех не угреешь)* [9, стлб. 377]; *место под солнцем* [6, с. 380-381]. Ср. болгарские загадки про солнце: *Една свещ а на цял свят свети (Одна свеча на целый мир светит); Една капка мед по сичкио свет (Одна капля меда по всему свету)* [23, с. 83, 87]; болгарские фразеологизмы: *огря ме и това слънце* (букв: «кого-либо согрело солнце») – «что-либо хорошее случилось с кем-либо»; *огряло ме е слънчице* (букв. «меня согрело солнышко») – «кто-либо обрадовался»; *търся място под слънцето* – «искать» возможность жить каким-либо способом; *не съм слънце да огрея някого или някъде* – «кто-либо не в состоянии помочь всем».

То же символическое прочтение имеет компонент *солнце (солнышко)* в устойчивых обращениях и величальных формулах, называющих близкого, любимого человека (чаще девушку, женщину, ребенка), кормильца, благодетеля в народно-поэтической и разговорной речи, в словарях обычно дается с пометой «возвышенное, интимно-ласковое»: *солнце мое / солнце мое лучистое / солнышко мое / солнышко (мое) красное (ясное) / красно солнышко / свет ты мое солнышко*. Например: «[Петр]: Говори, мое солнышко, что тебе нужно: золота, серебра, каменье самоцветных – себя заложу, а тебе подарю» (А. Островский, «Не так живи, как хочется»); «Постойте! Я вас выручу! – вдруг объявила бойкая Бурмистрова кума И побежала к барину; Бух в ноги: – *Красно солнышко!* Прости, не погуби!» (Н. Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо») [Цит. по: 2, с. 138-139]. Солнышко князь (стольно-киевский) – почтительное обращение героев былин, преданий к князю Владимиру как подателю блага для народа (прозванному в народе «*Владимир – красное солнышко*»): «Говорит Сухмантий Одихмантьевич: – Солнышко князь стольно-киевский! Мне, мол, было не до лебедушки: А за той за матушкой Непрой рекой Стояла сила татарская неверная...» (Сухман. Былина. Зап. в 1860) [Цит. по: 2, с. 139]. То же в болгарском языке, ср.: «– Линда, съпругът ти. Линда неохотно стана, хвана телефонната слушалка и каза: – Здравей, *слънчице мое*. Как си? Аз съм добре» («– Линда, твой муж. Линда неохотно встала, взяла телефонную трубку и сказала: – Привет, *солнышко мое*. Как дела? Я в порядке». (С. Георгиев, Митниченска сага (2004), BNC) [26].

Данные устойчивые выражения свидетельствуют о значимости Солнца в жизни и мировоззрении наших предков, которым казалось, что Солнце живет подобно человеку: оно рождается (восходит, встает), проходит свой путь над землей и умирает (заходит, садится, ложится), т.е. продолжает свое движение за линией горизонта, в невидимом, потустороннем мире. Примером антропоморфизации солнца являются русские загадки: *Красная девушка в окошко глядит (солнце); Красная девушка по небу ходит (солнце)* [10, с. 950], поговорка: *солнце с землей женятся* (о приходе лета), закличка: *Солнышко, солнышко, выглянь-ко в окошечко: твои детки плачут, по камешкам скачут, сыр колушают, в окошко кидают* [9, стлб. 378], а также болгарские устойчивые выражения: *хваща ме / хвана ме слънцето* (букв.: «меня схватило солнце») – «кто-либо быстро и легко загорает»; *още слънце не го е видяло* (букв.: «еще солнце его не видело») – «что-либо совершенно новое».

2) Народные представления о солнце испытывали влияние церковно-книжной традиции. Византийская и древнерусская гимнография уподобляла Христа «праведному солнцу», а христианство – исходящему от него свету. Таким образом

Солнце стало символом Бога и божественного. Символическое значение солнца в Священном Писании весьма разнообразно: «захождение и затмение солнца означает гнев Божий, Его праведное наказание, также бедствие, скорбь и страдание»; «его свет и ясное сияние означает счастливое состояние»; «Господь, как источник всякого света, блага и блаженства, образно называется в Священном Писании солнцем» (солнце правды – Иисус Христос); «солнце служит образом Слова Божия»; «носители Слова Божия имеют солнце своим символом» [4, с. 666].

С почитанием Солнца как божества связано множество правил и запретов, которые возникли в языческую эпоху и не противоречили народному христианству. Эпитеты солнца в русском языке: святое, праведное, божье, чистое. «На Солнце крестились и молились. Из уважения к солнцу старались не поворачиваться к нему спиной даже во время работы в поле; не справляли свою нужду так, чтобы это могло видеть солнце; не плевали в сторону солнца, считая, что иначе воцарится тьма; не показывали на солнце пальцем, опасаясь “выколоть ему глаз” и т.д.» [25, с. 497]. Образная основа многих болгарских фразеологических единиц свидетельствует об этом, например: *пикал съм срещу слънцето* (букв.: «я писал против солнца») – ‘кто-либо невинен’; *ще видиш откъде изгрява слънцето, ще те науча откъде изгрява слънцето, ще / ти дам да / разбереш откъде изгрява слънцето, ще ти кажа откъде изгрява слънцето* (букв. «я тебе покажу, с какой стороны восходит солнце») – употребляется как угроза жестокого наказания.

3) Солнце (солнышко) – символ течения времени: *Солнце с избы своротило* (т.е. с лица избы, перешло за полдень); *К моим часам солнышко приходит спрашиваться, так верны; Взойдет солнце красное – прощай светел месяц; Солнце встанет, так и утро настанет; Солнце низенько, так и вечер близенько; Солнышко садится – лентяй веселится; солнышко всходит – лентяй с ума сходит* [9, стлб. 377].

4) Солнце (солнышко) – символ царского (княжеского) величия. Например: *Одно красное солнце на небе, один царь на Руси; Солнце – князь земли, Луна – княжна; Светится одно солнце на небе, а царь русский на земле; Ни солнышку на всех не угреть, ни царю на всех ни угодить* [10, с. 243].

5) Солнце – символ счастья, удачи. Например, *Взойдет солнце и над нашими воротами, Взойдет солнце и к нам на двор (или: и на наш двор)* [9, стлб. 377]. Ср. болг.: *и на нашата улица ще изгрее слънце* (букв.: «и на нашей улице будет греть солнце»), *ще дойде слънцето и пред нашата врата* (букв.: «солнце дойдет и до нашей двери»).

6) Солнце (солнышко) – символ непреложности устройства мира в следующих пословицах: *Солнце сияет на благие и злые* [9, стлб. 377], а также с инверсией последних двух компонентов *Солнце сияет на злые и благия* [15, с. 294], т.е. солнце не принимает ничью сторону, бесстрастно, существует по своим законам, не зависящим от человека; *Солнышко нас не дожидается; Солнышко восходит, барских часов не спрашивается; Солнышко в мешок не поймает* (ср. болг.: *затулям слънцето с решето* – букв. «закрывать солнце решетом», т.е. ‘делать бесполезное, бессмысленное дело’); *Дальше солнца не сошлют; Солнце на лето, зима на мороз; На солнышко, что на смерть, во все глаза не взглянешь; На солнце не гледи: заблеснит; Когда солнышко взойдет от заката* (т.е. никогда); *И в солнце есть пятна; Хорошо солнышко: летом печет, зимой не греет!* [9, стлб. 377]; *Дай Бог, чтоб мне до утра красного солнышка не видать* (шутливая божба: ночью солнце в любом случае никто не видит) [10, с. 654]. То же в загадке: *По заре зарянской катится шар вертянский; никому его не обойти, не объехать (солнце); Стоит дуб стародуб, на том дубе стародубе сидит птица веретеница; никто ее не поймает: ни царь, ни царица, ни красна девица (небеса и солнце)* [10, с. 950]. Подобным символьным значением обладает компонент солнце в следующих болгарских фразеологизмах: *майките ни на едно слънце са сушили ризите си* (букв.: «наши

матери на одном и том же солнце сушили свою одежду»), *на едно слънце сме се пекли* (букв.: «мы на одном и том же солнце загорали»), *на едно слънце сме яли, на една месечина спали* (букв.: «кто-либо под одним и тем же солнцем ел, под одной и той же луной ночевал») – ‘кто-либо не в родственных отношениях с кем-либо’.

7) В современном русском языке *Солнце* может символизировать яркость, неординарность, необычность кого-либо или чего-либо. Данное символическое значение можно обнаружить в устойчивой единице «*звезда по имени Солнце*» (источник – песня и одноименный альбом группы «Кино»), которая, по нашим наблюдениям, еще не становилась объектом фразеографирования, и в порожденной ею фразеомодели «*X по имени Солнце*». Последняя часто встречается в современных публицистических и рекламных текстах: «*Фрунзик по имени Солнце*» – название статьи Т. Улановой о знаменитом армянском актере Фрунзе Мкртчяне [24]; «*Герой по имени Солнце*» – статья Е. Свешниковой о майоре Сергее Солнечникове, который погиб, спасая жизнь солдату-срочнику [19]; «*Хиппи по имени Солнце*» – статья Л. Васильева о съемках фильма «Дом Солнца» (режиссер Гарик Сукачев, 2010), главным героем которого является хиппи, по прозвищу Солнце [7]; «*Корабль по имени Солнце*» – название рассказа и цикла фантастических произведений Г. и С. Малышевы [14]; «*Рыба по имени Солнце*» – название статьи, в которой рассказывается о блюде из форели, рекомендуемом шеф-поваром ресторана «Англетерь» («Столица», 1997.10.28, НКРЯ) [16].

Если солнце связывается в народных представлениях со светом, теплом и жизнью, то луна противопоставляется ему: это небесное светило, которое устойчиво ассоциируется с загробным миром, с областью смерти, с нечистой силой. По болгарским верованиям, солнце и луна движутся в разных направлениях, т.е. солнце движется слева направо, а «луна – справа налево, т.е. «против солнца» (так, как чертят круг в черной магии)» [3, с. 145].

По наблюдениям исследователей, «лексема *луна* закреплена за научной картиной мира и произведениями художественной литературы, а слово *месяц*, наоборот, функционирует преимущественно в наивно-бытовой картине мира и доминирует в фольклорных жанрах и текстах» [12, с. 144]. То же наблюдается в болгарском языке: так, во фразеологических словарях не зафиксированы единицы с компонентом *луна*, однако встречается немало фразеологизмов с астронимом *месец*, *месечинка* [8, с. С. 77].

В русских и болгарских вербальных текстах культуры можно обнаружить следующие символические значения *луны / месяца*.

1) *Луна* – символ иного, чужого, перевернутого мира (на Луне свои законы, на Земле свои). Славяне верили, что лунный свет вреден для человека. Существовали запреты выходить из дома или выносить из него ребенка ночью, когда светит луна, спать под лунным светом. «Некоторые детские болезни объясняли тем, что “месяц засветил ребенка”» [25, с. 335]. В народных верованиях данное символическое значение луны связано с представлениями о загробном мире. У А.Н. Афанасьева читаем: «Приготовляя с вечера опару для поминальных блинов, крестьянки становятся против месяца и шлют к нему такое воззвание: “Месяц ты, Месяц, золотые твои рожки! Выглянь в окошко, подуй на опару”» [1, с. 82]. Следы представления о связи месяца с загробным миром мы видим и в устойчивых болгарских выражениях, например: *на месечина, ще видя / ще получа* – ‘никогда’, поскольку болгары считали, что умершие души отправляются на месяц, а мертвым ничего не надо. В то же время в свете луны, по народным поверьям, активизировались демонологические персонажи. Так, в болгарском языке существует фразеологизм *свалям месеца някому*, *свалям / сваля месечина* со значением ‘занимаюсь невероятно тяжелой физической работой’ («сваляне на месечината», т.е. сбрасывание месяца считается у болгар самым страшным грехом, потому что это, по народным верованиям, делали ведьмы и колдуны; ср. также: *свалям месечината от небето някому* – ‘хвастаюсь перед кем-

либо, даю невероятные обещания»). Кроме того, у южных славян существует поверье, что у месяца есть хвост, но поймать его можно только после сложных колдовских манипуляций, что отражено в мотивации фразеологизма *хващам / хвана месечината за опашката* со значением 'кто-либо достиг воображаемого успеха и гордится этим', поскольку простому смертному схватить месяц за хвост невозможно. В болгарском языке есть также фразеологическая единица *виждам / видя дявола на месечина* (букв. «видеть дьявола на месяце»), которая имеет значение 'переживать невероятные трудности, неприятности'. Мотивационная основа предположительно такова: черного дьявола трудно увидеть на фоне черного неба. Существует и другая мотивация происхождения данного фразеологического образа: по болгарским поверьям, лунные пятна – это провинившийся и проклятый Богом ангел, ставший дьяволом [3, с. 152].

Луна является знаком иного, другого мира и в устойчивых выражениях *с луны свалился* (рус.) и *паднал от луната* (болг.) – так говорится о человеке, который не знает того, что давно всем известно.

Символьное прочтение образа луны (месяца), лунного света как знака иного, потустороннего, часто враждебного мира поддерживается во многих произведениях русской литературы, таких, например, как «Бесы» А.С. Пушкина, «Майская ночь, или утопленница», «Ночь перед Рождеством», «Вий», «Портрет» Н.В. Гоголя, «Враги», «Палата № 6» А.П. Чехова, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка и др.

В современном русском языке относительно недавно появились устойчивые выражения «*темная сторона луны*» и «*обратная сторона луны*», по нашим наблюдениям, они еще не подвергались фразеографированию. Компонент *луна* в этих единицах поддерживает представление об ином, перевернутом мире, который может содержать некую тайну, что-то скрытое от глаз, недоступное всем. Например, «Ты видишь только *темную сторону луны*, причем сознательно» (Варвара Синицина. Муза и генерал (2002), НКРЯ) [16]; «*Обратная сторона Луны*» – документальный цикл фильмов, посвященных ученым, чьи имена увековечены на лунной карте, но не очень хорошо известны широкой аудитории (был показан на телеканале «Россия К» 15-18 декабря 2014 года). У этой единицы существует фразеологический эквивалент в болгарском языке – *обратната страна на луната*.

Символическое значение *луны* как иного, другого, перевернутого мира сохраняется в некоторых дериватах этого слова. В начале XX века философ В. В. Розанов написал трактат «Люди лунного света», представляющий собой размышления о сексуальности и ее отрицании (отказе от плотского) в христианстве. Слово «лунный» в данном случае сохраняет символику другого, иного, отличного от естественного или общепринятого. В современном языке выражение «*люди лунного света*» употребляется по отношению к представителям сексуальных меньшинств: в 2013 году был снят сериал с таким названием о людях с нетрадиционной ориентацией (режиссер Е. Полянская). Значение инаковости сохраняется и в слове «*лунатик*» в значении 'невменяемый, неадекватно поступающий человек', и в слове «*лунный*» в словосочетании «*лунная походка*» – особая танцевальная техника, когда при движении вперед имитируется движение назад (калька с английского moonwalk, визитная карточка американского поп-исполнителя Майкла Джексона). Выражение стало популярным в русском языке, возможно, потому, что в нем поддерживается именно этот символ.

В значении другого, чужого, перевернутого мира луна противопоставлялась солнцу и освещаемому им своему, понятному миру. В то же время, как отмечают исследователи, «культы луны и солнца имели много общих мотивов и ритуальных форм» [25, с. 335]: при виде нарождающегося месяца снимали шапку, крестились и молились. О значимости луны (месяца) свидетельствует включение ее (его) в антропоморфный, зооморфный и гастрономический лингвокультурный коды, что

отразилось, в частности, в русских загадках: «Ночью ходит, а днем спит», «В голубой станице девица круглолица. Ночью ей не спится – в зеркало глядится», «Сивый жеребец через ворота глядит», «Белоголовая корова в подворотню смотрит», «Баран в хлеве, ворота в стене», «Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка», «У нас над двором краюха висит», «Над двором-двором стоит чаша с молоком», «Постелю рогожку, посею горошку, положу калач – никому не взять» [10, с. 950].

Взаимозаменяемы солнце и луна и в таком библеизме, как ничто не вечно под луной / под солнцем (Екк.: 1,4–7, 9–11) [5, с. 352].

2) Луна – символ изменчивости. Загадки о месяце: *Без крыльев летит, без кореньев растет; Молодой был – молодцом глядел, Под старость устал – меркнуть стал, Новый родился – опять развеселился* [10, с. 950]. Как молодой месяц, покажется да и спрячется. Пропал, как молодой месяц – говорят о редком госте хозяева. Отдельные фазы луны в говорах называют «месяц намолоду» (первая четверть луны), «месяц на рогу» (первая или последняя четверть луны) [22, с. 132]. Часто изменчивость месяца в фольклорных лирических песнях иллюстрирует непостоянство любви: «Светил, светил месяц, ноне стал поблекать, Любил парень девчоночку, ноне пришлось спокидать!».

3) Луна – символ душевного томления, в том числе любовного. Это значение прочитывается во фразеологизме «выть на луну», в народной песне «Светит месяц, светит ясный». Это символическое значение было подмечено поэтами и писателями, часто присутствует в художественных текстах (например, у А. А. Фета – «На заре ты ее не буди...», К. Д. Бальмонта – «Печаль луны», О. Э. Мандельштама – «Когда городская выходит на стогны луна...», А. П. Чехова – «Дом с мезонином», И. А. Бунина – «Жизнь Арсеньева» и многих других).

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что в русской и болгарской лингвокультурах символические значения солнца и луны в целом совпадают. Древний культ солнца, которому поклонялись многие европейские народы, в том числе славяне, наложил отпечаток на использование обозначающих его слов как символов в традиционной и современной вербальных культурах. В связи с этим солнце (болг.: слънцето) обладает более разнообразной символикой в сравнении с луной / месяцем (болг.: месечина). Солнце в русской и болгарской вербальных культурах может служить знаком источника жизни, благодати; символизировать божественную сущность (с приходом христианства – Иисуса Христа); течение времени; царское (княжеское) величие; счастье, удачу; непреложность устройства мира; яркость, неординарность, необычность кого-либо или чего-либо; луна (в народно-поэтических текстах – месяц) – иной, чужой, перевернутый или загробный мир, в котором активизируются демонологические персонажи; изменчивость; душевное томление. Некоторые символические значения (например, царское величие – у солнца) в настоящее время могут считаться устаревшими. Другие (например, потусторонность, инаковость – у луны), наоборот, постоянно поддерживаются благодаря поэзии, беллетристике и кинематографии.

Список источников и литературы

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1995. 804 с.
2. Балакай А. Г. Доброе слово: словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX – XX вв.: в 2 т. Т. 2. Кемерово, 1999. 318 с.

3. Белова О. В., Толстая С. М. Луна // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. Т.3. М.: Международные отношения, 2004. С. 143 – 147.
4. Библийская энциклопедия: [Труд и изд. архим. Никифора]. [Репринт. воспроизв. изд. 1891 г.] М.: Изд-е Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990. 904 с.
5. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. 704 с.
6. Большой фразеологический словарь русского языка / отв.ред. В. Н. Телия. 4-е изд. М.: Аст-Пресс Книга, 2010. 784 с.
7. Васильев Л. Хиппи по имени Солнце [Электронный ресурс] // Труд.ru: [сайт]. 2010-2020. 2007. 28 июля. № 133. URL: https://www.trud.ru/article/28-07-2007/118965_xippi_po_imeni_solntse.html (дата обращения: 27.03.2020).
8. Георгиева С. Русская фразеология в зеркале болгарского языка. Sofia: Heron Press Ltd, 2011. 151 с.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд., испр. и значительно доп.; под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ: в 4 т. Т. 2. СПб.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1914. [4] с., 2030 стб.
10. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957. XXVIII, 991 с.
11. Журавлев А. Ф. Эволюции смыслов. М.: ЯСК, 2016. 472 с.
12. Заикина О. Н. Источники света в славянской языковой картине мира (на примере слов «луна», «месяц») // Двести лет со дня рождения академика Измаила Ивановича Срезневского: сб. докладов Междунар. интернет-конф. [1-31 марта, 2012 г.] Ярославль: ЯГПУ, 2012. С. 141 – 146.
13. Иванов В. В. Лунарные мифы // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. М.: Советская Энциклопедия, 1988. 719 с.
14. Мальшева Г., Мальшев С. Корабль по имени солнце [Электронный ресурс] // Лаборатория Фантастики: сайт. 2005-2020. URL: <https://fantlab.ru/work928188> (дата обращения: 27.04.20).
15. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Т. 1. СПб., 1902. VIII, 779 с.
16. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] : сайт. 2003-2020. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.04.2020).
17. Похлебкин В. В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: Центрполиграф, 2007. 543 с.
18. Русские заговоры из рукописных источников XVII - первой половины XIX в. [Электронный ресурс] / сост. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2010. URL: <https://clck.ru/NwGTM> (дата обращения: 23.04.20).
19. Свешникова Е. Герой по имени солнце [Электронный ресурс] // МК.ru. 29.03.2012. URL: <https://www.mk.ru/incident/2012/03/29/687072-geroy-poimeni-solntse.html> (дата обращения 27.03.2020).
20. Сводеш М. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. Вып 1. М., 1960. С. 23 – 52.
21. Сводеш М. К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании // Новое в лингвистике. Вып 1. М., 1960. С. 53 – 87.
22. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 18. Л.: Наука, 1982. 367 с.
23. Стойкова С. Български народни гатанки. София, 1984. 675 с.

24. Уланова Т. Фрунзик по имени Солнце [Электронный ресурс] // Культура.ru. 02.07.2015. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/best/104250-frunzik-po-imeni-solntse/> (дата обращения: 27.03.2020).
25. Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2003. 624 с.
26. Болгарский национальный корпус = Български национален корпус = Bulgarian National Corpus [Электронный ресурс] : сайт. URL: <http://search.dcl.bas.bg/> (дата обращения: 30.04.20).

References

1. Afanas'ev A. N. *Poeticheskie voprosy slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov*. [Poetic views of the Slavs on nature: The experience of comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with the mythical tales of other related peoples]. V 3 t. T. 1. Moscow: Sovremennyy pisatel', 1995. 804 p.
2. Balakay A. G. *Dobroe slovo: Slovar'-spravochnik russkogo rechevogo etiketa i prostonarodnogo dobrozhelatel'nogo obkhozhdeniya XIX – XX vv.* [Kind word: Glossary-reference book of Russian speech etiquette and common folk benevolent XIX - XX centuries]: V 2 t. Kemerovo, 1999. T. 2. P – YA. 318 p.
3. Belova O. V., Tolstaya S. M. *Luna* [Moon] // Slavyanskaya drevnost': Ehtnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. / pod obshch. red. N.I. Tolstogo; Institut slavyanovedeniya RAN. Moscow: Mezhd. otnosheniya, 2004. T.3: K (Krug) – P (Perepelka). P. 143 – 147.
4. *Bibleyskaya ehntsiklopediya* [Bible encyclopedia]. Reprintnoe izdanie. Moskovskaya Patriarkhiya: Izdanie Svyato-Troitse-Sergievoy Lavry, 1990. 904 p.
5. Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskii spravochnik* [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference]. St. Petersburg: Folio-Press, 1999. 704 p.
6. *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large phraseological dictionary of the Russian language. Value. Use. Cultural studies review]. / Otv.red. V.N. Teliya. 4-e izd. Moscow: Ast-Press Kniga, 2010. 784 p.
7. Vasil'ev L. *Khippi po imeni Solntse* [Hippie named sun] // Trud.ru. 28.07.2007. № 133. [Electronic resource] URL: https://www.trud.ru/article/28-07-2007/118965_xippi_po_imeni_solntse.html (reference date: 27.03.2020).
8. Georgieva S. *Russkaya frazeologiya v zerkale bolgarskogo yazyka* [Russian phraseology in the mirror of the Bulgarian language]. Sofia: Heron Press Ltd, 2011. 151 p.
9. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Chetvertoe ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe izdanie pod red. I.A. Boduehna-de-Kurteneh. V 4 t. S.-Pb – Moscow: Izd-e t-va M.O. Vol'f, 1914. T. 2.
10. Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow: Gos.izd.khud.lit., 1957.
11. Zhuravlev A. F. *Ehvolutsii smyslov* [The evolution of meanings]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YASK, 2016. 472 p.
12. Zaikina O. N. *Istochniki sveta v slavyanskoy yazykovoy kartine mira (na primere slov «luna», «mesyats»)* [Light sources in the Slavic linguistic picture of the world (for example, the words "луна", "месяц")] // Dvesti let so dnya rozhdeniya akademika

- Izmaila Ivanovicha Sreznevskogo: sbornik dokladov mezhdunarodnoy internet-konferentsii. Yaroslavl', YAGPU: 2012. P. 141 – 146.
13. Ivanov V. V. *Lunarnye mify [Lunar myths]* // Mify narodov mira. Ehntsiklopediya. (V 2 tomakh). Gl.red. S.A. Tokarev. Moscow: «Sovetskaya Ehntsiklopediya», 1988. T. 2. K – YA. 719 p.
 14. Malysheva G., Malyshev S. *Korabl' po imeni solntse [Ship named the sun]* [Electronic resource] URL: <https://fantlab.ru/work928188> (reference date: 27.04.20).
 15. Mikhel'son M. I. *Russkaya mysl' i rech': Svoe i chuzhoe. Opyt russkoy frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy [Russian thought and speech: One's own and another's. Experience of Russian phraseology. Collection of figurative words and parables]*. V 2 t. St. Petersburg, 1902-1903. T. 1. 779 p.
 16. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]* [Electronic resource] URL: <http://www.ruscorpora.ru> (reference date: 30.04.2020).
 17. Pokhlebin V. V. *Slovar' mezhdunarodnoy simvoliki i ehmbematiki [Dictionary of international symbolism and emblematics]*. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2007. 543 p.
 18. *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII-pervoy poloviny XIX v. (Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura slavyan) [Russian conspiracies from handwritten sources of the XVII-first half of the XIX century (Traditional spiritual culture of the Slavs)]* / sost. Toporkov A.L. M.: Indrik, 2010. [Electronic resource] URL: http://www.nordicrunes.ru/solyarnie_znaki_slavyan.htm (reference date: 23.04.20).
 19. *Sveshnikova E. Geroy po imeni solntse [Hero named the Sun]* // Moskovskiy komsomolets. 30.03.2012. №25904. [Electronic resource] URL: <https://www.mk.ru/incident/2012/03/29/687072-geroy-poimeni-solntse.html> (reference date: 27.03.2020).
 20. Svodesh M. *Leksikostatisticheskoe datirovanie doistoricheskikh ehntnicheskikh kontaktov [Lexicostatistical Dating of prehistoric ethnic contacts]* // Novoe v lingvistike, vyp 1, 1960. P. 23 – 52.
 21. Svodesh M. *K voprosu o povyshenii tochnosti v leksikostaticheskom datirovanii [To the question of increasing accuracy in lexicostatic Dating]* // Novoe v lingvistike, vyp 1, 1960. P. 53 – 87.
 22. *Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]* / gl. red. F.P. Filin. Leningrad: Nauka, 1982. Vyp. 18. 367 p.
 23. Stoykova S. *B'lgarski narodni gatanki [Bulgarian folk puzzles]*. Sofiya, 1984. 675 p.
 24. Ulanova T. *Frunzik po imeni Solntse [Frunzik named the Sun]* // Kul'tura. 02.07.2015. [Electronic resource] URL: <https://portal-kultura.ru/articles/best/104250-frunzik-po-imeni-solntse/> (reference date: 27.03.2020)
 25. Shaparova N. S. *Kratkaya ehntsiklopediya slavyanskoy mifologii [Brief Encyclopedia of Slavic Mythology]*. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST»: OOO «Izdatel'stvo Astrel»: OOO «Russkie slovari», 2003. 624 p.
 26. *Bulgarian National Corpus* [Electronic resource] URL: <http://search.dcl.bas.bg/> (reference date: 30.04.20).

Сведения об авторах

Абрамова Вероника Игоревна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого»
(e-mail: istinijobraz@mail.ru).

Information about the Authors

Abramova Veronika Igorevna,
Candidate of philological Sciences, Associate
Professor of the Department of Russian
language and literature of Tula State Lev
Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: istinijobraz@mail.ru).

Архангельская Юлия Владимировна,
кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник кафедры
документоведения и стилистики русского
языка ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого»
(e-mail: archangelju@yandex.ru).

Георгиева Стефка Иванова,
доктор филологических наук, профессор
Пловдивского университета им. Паисия
Хилendarского
(e-mail: stefka3@abv.bg).

Arkhangelskaya Julia Vladimirovna,
Candidate of philological Sciences, senior
researcher of the Department of
documentation and stylistics of the Russian
language of Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(e-mail: archangelju@yandex.ru).

Georgieva Stefka Ivanova,
Doctor of philological Sciences, Professor of
Plovdiv University "Paisii Hilendarski"
(e-mail: stefka3@abv.bg).

**РАСШИРЕНИЕ СЕМАНТИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ
(НА ТУЛЬСКОМ ДИАЛЕКТНОМ МАТЕРИАЛЕ)**

Н. А. Красовская

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. В статье рассматриваются лексические единицы, относящиеся к тематической группе «Природа. Растительный мир». Автор обращает внимание на особенности их употребления в диалектной речи. В тульских говорах, в частности, отмечается расширенное использование лексем земля, корень, сад, дерюга. Автор пытается определить особенности и некоторые причины употребления названных лексем во вторичной номинации. По мнению исследователя, особенности употребления могут наблюдаться в связи со сложной историей слова, наличием в диалектах древнего значения, которое утратилось или утрачивается в литературном языке. На отдельные факты использования слова в речи может влиять и наличие у него особого, символического значения, делающего саму лексему частью фольклорной традиции. Резюмируя, подчеркнем, что употребление слов тематической группы «Природа. Растительный мир» во вторичной номинации довольно частотно.

Ключевые слова: тематическая группа, семантика, переносное употребление, природа, тульские говоры, лингвокультурология.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-512-18008.

**EXTENSION OF THE SEMANTICS OF LEXICAL UNITS DESIGNING
THE NATURAL PHENOMENON
(ON THE TULA DIALECTIC MATERIAL)**

Nelli A. Krasovskaya

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The article considers lexical units related to the thematic group «Nature. Vegetable world». The author pays attention to the features of their use in dialect speech. There is an increased use of tokens land, root, garden, deryuga particularly in Tula dialects. The author tries to determine the features and some reasons for the use of these tokens in the secondary nomination. According to the researcher, the peculiarities of use can be observed in connection with the complex history of the word, the presence in dialects of the ancient meaning, which has been lost or is being lost in the literary language. The presence of a special, symbolic meaning that makes the lexeme itself a part of the folk tradition can also influence individual facts of using the

word in speech. Summarizing, we emphasize that the use of the words of the thematic group «Nature. Vegetable world» in the secondary nomination is quite frequent.

Key words: *thematic group, semantics, portable use, nature, Tula dialects, linguoculturology.*

The reported study was funded by RFBR, project number 19-512-18008.

Природа для человека с традиционным мировоззрением – неотъемлемая часть жизни. Мир природы дает богатую почву для размышления, формирования взглядов, устоев. Окружающая человека среда влияет и на способы номинирования фактов и явлений быта и бытия.

Надо сказать, что диалектные лексические единицы любой территории и любого языка дают богатые размышления о том, какими способами люди называют мир вокруг. Диалектная лексика отражает историю и культуру этноса, народа, издревле проживающего на определенной территории. Безусловно, территориально маркированные лексические единицы во многом указывает на глубинные процессы формирования культурных смыслов, культурных символов. Находят свое отражение диалектизмы и в фольклоре того или иного народа. Именно поэтому обращение к диалектной лексике всегда связано с постижением традиций жителей того или иного региона, того или иного этноса.

В данном случае мы обратимся к материалу тульских говоров. На наш взгляд, лексика данной группы говоров может быть очень показательна, потому что тульские говоры относятся к говорам, которые можно рассматривать как сложившиеся на территории традиционного заселения русскими, то есть эта группа относится к первичным говорам.

Оговоримся, что в данном случае мы не рассматриваем в рамках статьи общеизвестные значения слов, на основании которых мы и относим их к тематической группе «Природа. Растительный мир», а останавливаемся только на употреблении слов во вторичной номинации или в значениях, которые можно считать устаревающими.

Прежде всего, остановимся на слове *земля* и на его варианте – *земь*. Если обращать внимание на звуковую и грамматическую форму указанных лексем, то следует отметить, что они отличаются окончаниями и отнесенностью к разным грамматическим склонениям. *Земля* принадлежит ко второму субстантивному типу склонения. А *земь* – к третьему субстантивному типу. Следует также обратить внимание на то, что корневая морфема в словах отличается наличием (и отсутствием) результатов чередования, возникшего в результате палатализации согласных.

Мы останавливаемся на двух значениях данных лексем, зафиксированных в тульских говорах: это значение 'снизу, внизу по отношению к чему либо, в нижней части чего-либо' и 'основной цвет, фон, оттенок'.

Если говорить об особенности употребления слова *земля* в значении 'фон, цветовое поле, основа', то практически такую же семантику у этого слова мы встречаем в «Большом академическом словаре»: «8. Поле, фон ткани, обоев, по которому сделан рисунок» [1, с. 716]. Следует заметить, что толкование этого слова в БАСе подтверждается примерами из произведений XIX века, из творчества Лажечникова и Л. Н. Толстого. Наша речевая практика и исследовательская деятельность подсказывают, что данное употребление на сегодняшний день является либо устаревшим, либо устаревающим и сохраняется в диалектной речи. Надо отметить, что слово *земля* в таком значении представлено и в исторических словарях, так, «Словарь русского языка XI-XVII в.» фиксирует семантику «фон, поле, по которому на чем-либо сделан рисунок» [13, с. 377]. В таком же значении слово *земля* отмечается и в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского: «поле, главный цвет ткани, фон» [14, с. 975] «Словарь русских народных говоров»

(СРНГ) данное значение у слова *земля* не дает.

Можно сделать промежуточный вывод о том, что употребление слово *земля* в указанном значении довольно традиционно, однако в современном активном употреблении не встречается (выборочный анализ материала Национального корпуса русского языка подтверждает наше предположение), однако в диалектной речи используется довольно последовательно. Так, в тульских говорах нами было отмечено употребление: «*Земля черная, а по ней белая клетка и мутожки* (с. Малёвка, Богор.). *По земли у нас понёвы были другие*» (д. Пруды. Волов.)

Продолжая анализ, обратимся к лексеме *земь*. Отметим, что мы не принимаем, например, во внимание употребление слова *земь* в значении «земляк, выходец из того же района». Дело в том, что по нашим данным, названная лексема в указанном значении больше характерна для социальных диалектов или жаргонов, хотя не исключено, что природа этого значения – территориально маркирована. Еще раз укажем на близость (и формальную, и семантическую) лексем *земля* и *земь*. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского сказано: «земь – то же, что земля» [14, с. 975]. В диалектной речи слово *земь* встречается в значении 'земля, пол, низ'. С такой семантикой слово фиксируется в СРНГ: «Земь, и, ж. Пол (земляной и дощатый). В курных избах пол большей частью земляной, а в светлицах всегда деревянный, но зовется также земью; полом называют замощенное пространство, под коим зимою держат птиц. Трубч., Брян., Карач. Орл., Сполохов. Орл., 1913-1917, Калуж. Пол в избе был обычно земляной, редко деревянный; в обоих случаях называли его земь. Южн., Бломквист.» Земляной пол. Касим. Ряз., 1824. Ряз. Одна половина избыного пола по большей части бывает натуральная из земли, отчего и называется земью. Тул., Ефремов. У меня в хате земь, моста нетути. Брав. Пол в избе называется мостом, если он деревянный и земь, если земляной. Курск., Абрамов. Смазала земь в хате. Ворон. Тамб., Сталингр., Дон., Ставроп., Терек. ...» [6, с. 262]. Следует отметить, что в словаре указывается в основном южнорусская территориальная принадлежность данного слова. В таком же значении данная лексема используется и носителями тульских говоров: «*Как от земли и до потолка сидели у неё куклы, а мы смотреть ходили.* (д. Ново-Архангельское, Одоев.) *А я смотрю: петух из-под земли, из-под ворот, а их уж открывают, так и снесли петуху голову* (с. Стояново. Одоев.)»

Обратимся к иным лексикографическим источникам. В «Словаре русского языка XI-XVII в.» данное значение отмечается у слова *земля*: «2. Низ, основание чего-либо» [9, с. 375]. Можно предположить, что в современном диалектном употреблении слова *земь* сохранилось значение, которое существовало у слова *земля* в древнерусский период. Примеры современной живой разговорной речи, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка, в основном свидетельствуют об использовании данного слова с глаголами *удариться, броситься, кинуться, грохнуться*. Данное использование слова поддерживается и материалами «Фразеологического словаря русского языка», в котором при слове *земь* имеется помета *устар. и простореч.* и приводится фразеологизм *грянуться об землю* [12, с. 437]. Таким образом, можно отметить, что рассматриваемое нами значение слова *земь* поддерживается историческими словарями и данными, однако в настоящее время сохранилось в диалектном употреблении, в современных толковых словарях в таком значении не фиксируется.

Следующая лексема, которая, с одной стороны, непосредственным образом связана с землей, а с другой стороны, представляет собой основную часть природного устройства мира, – это лексема *корень*.

Анализируя материалы словарей и материалы, полученные в ходе полевой работы, мы обратили внимание на то, что слово *корень* имеет в говорах расширенное употребление, которое отсутствует в современном массовом использовании. Так, в с. Непрядва и д. Пруды Воловского района Тульской области неоднократно встречалось

употребление данного слова в значениях 'место, родной дом', 'кладбище, место захоронения'. Такая семантика представлена в следующих контекстах: «А вот там дом стоял, там их корень и есть, дома-то нет, но на корень они всегда приезжают... А еще на корень ходят, там у них все и похоронены, все Хруновы там, вот хоть и космонавт был, а на могилки-то всегда приезжал. Как-то идем, а они там убираются...». Мы сталкиваемся с тем, что слово *корень*, относящееся к тематической группе «Природа. Растительный мир», имеет значение, которое соотносит лексему с предметным и локальным регистрами. В данном случае, при переносе, как мы полагаем, действуют не только механизмы метонимические, но и метафорические, основанные на общности в системе оценок.

Подчеркнем, что СРНГ дает близкую семантику слова *корень*: «17. Родина, родные места. Мой корень там-то (родина, оседлость). Тамб., Даль. Курск. 18. Заселенная земля; жилое место. Тамб., Макаров» [7, с. 323]. Похожее на указанное значение мы встречаем в «Словаре древнерусского языка XI-XIV вв.», в котором имеется следующее толкование: «Происхождение, род, семья, племя» [4, с. 266]. Таким образом, можно предположить, что диалектное употребление слова *корень* в значении 'место, родной дом', зафиксированное нами, схоже с тем, что указано в СРНГ и в некоторых исторических словарях: данная семантика, по нашему мнению, близка древнерусскому значению и несколько расширяет его.

Семантика 'кладбище, место захоронения' представляет собой перенос вышеуказанного значения на основании наличия общих сем. Близость подтверждают и размышления А.Г. Преображенского: «...лит. *kēras* выветрившийся, узловатый, ветвистый пенъ, корчъ; *kegē'ti*, *kegē'ju* расти кустом...» [2, с. 353]. У М. Фасмера находим: «...лит. *kēras* "куст, корень, засохший пенъ", лтш. *seŋga* "волосы (на голове), особенно растрепанные", *seŋs* "куст", лит. *kirna* "острый пенъ", др.-прусс. *kirno* "куст", лит. *kerē' ti* "пускать корни"» [11]. Можно таким образом предположить, что в русских говорах у корневой морфемы слова *корень* постепенно развиваются семы, связанные со значением 'кладбище, место захоронения' на основании общей семантики вывороченности, места, где осталась яма от удаленного корня.

Таким образом, мы предполагаем, что в диалектной речи у слова *корень*, действительно, имеются значения, которые сейчас воспринимаются как не относящиеся к миру природы, а связаны с локальным или антропоморфным регистрами.

Следующая лексема, которая, можно сказать, является логичным продолжением рассмотрения, – это лексема *сад*. В ходе нашей исследовательской деятельности данная лексическая единица встретилась в значении 'свадебное дерево'. Например, были зафиксированы такие речения (в основном в Воловском районе Тульской области): «Сидеть за садом. Невеста за садом сидела. Ее за сад сажали...» (с. Непрядва Волов.). Можно сказать, что данная лексема используется в том же значении, в котором используется слово *ёлка*, *ель*. Употребление указанных слов с обрядовой семантикой мы неоднократно фиксировали на территории распространения тульских говоров. Наши наблюдения подтверждаются данными СРНГ: «Сад выкупать. В обряд сватовства – наряжать сосну разноцветными бумажками, развешивать на неё подарки. Муром. Влад., Ремезов, 1897» [8, с. 18]. В этом смысле интересно отметить, что, согласно материалам «Славянских древностей», сад является символом девичества, привольной жизни, на которую может кто-то посягать («топтать сад»), украшенное свадебное дерево, действительно, считается символом девичества, прекрасной молодой поры цветения, то есть садом [3]. Надо отметить, что в толковых словарях современного русского языка, разнообразных исторических словарях значения, подобного рассматриваемому, мы не обнаружили.

Следующая лексема, на которой мы останавливаемся, это *дерюга*. Данное слово известно в толковых словарях литературного языка, но обычно имеет помету

обл. Надо сказать, что основной массе носителей языка известно значение, которое не является изначальным. Сама корневая морфема –дер- имеет природную семантику. Если мы приведем данные СРНГ, то окажется, что *дерюга* в значении ‘предмет материальной культуры’ и *дерюга* в «природном» значении рассматриваются как омонимы, первым из которых приводится слово с семантикой ‘толстый, грубый холст’: «1. Дерюга... 1. Толстый грубый холст из сученых охлопков или тряпок, используемый для различных целей. = Дерюга. Скоп. Ряз., 1820. Тамб., Ворон., Курск. Возьми дерюгу, постели да спи. Тул. ...» [5, с. 27]. Далее находим: «2. Дерюга... 1. Безлесное место. Территория б. Ростово-Суздальского княжества, Мельниченко, 1964. II Место, расчищенное из-под леса. Тотем. Волог., 1898. II Небольшая поляна. Устюжн. Волог., 1898. 2. Мн. Небольшой лесок, выросший на очищенном от леса месте или в поле...» [5, с. 28]. Надо отметить, что в тульских говорах рассматриваемая лексема также употребляется в значении ‘грубый холст, половик из грубого холста’. В данном случае мы встречаемся еще с одним вариантом изменения значения лексемы, которое в силу семантики корня относилось к тематической группе «Природа. Растительный мир»: значение данного слова настолько изменилось, что в основном в разговорной или диалектной речи оно функционирует для обозначения реалии предметного мира, но уже не растительного.

Приведенные выше данные и анализ лексикографического материала и материала, полученного в ходе проведения полевых исследований, свидетельствует, что семантика лексем, относящихся к тематической группе «Природа. Растительный мир», довольно последовательно взаимодействует с тематической группой «Человек», а также системно изменяется за счет использования для обозначения предметов, явлений и мест.

Процесс расширенного употребления лексем, относящихся к тематической группе «Природа. Растительный мир», в говорах может быть отчасти обусловлен наличием древнего значения, которое утратилось в литературном языке (*земь* – ‘низ, пол’); устареванием семантики, которая была представлена в литературном языке, но в настоящее время практически не встречается в живой разговорной речи (*земля* – ‘фон, поле’); наличием локальной семантики, которая развилась именно в говорах (*корень* – ‘кладбище’); использованием лексемы для обозначения обрядовых явлений, как определенного символа (*сад* – ‘свадебное дерево’); постепенным нивелированием «природной» составляющей семантики (*дерюга* – ‘грубый холст’). Основа для употребления слов тематической группы «Природа. Растительный мир» в иных значениях может быть различна, как мы выяснили, она может быть обусловлена древней историей слова, его локализацией, наличием дополнительного символического значения.

Список источников и литературы

1. *Большой академический словарь русского языка. Т. 6. М.; СПб: Наука, 2006. 825 с.*
2. *Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Тип. Э. Лисснера и Д. Совко, 1910. 716 с.*
3. *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.*
4. *Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 10-ти т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 3. М.: Русский язык, 1990. 511 с.*
5. *Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Л.: Наука, 1973. 369 с.*
6. *Словарь русских народных говоров. Вып. 11. Л.: Наука. 1976. 363 с.*
7. *Словарь русских народных говоров. Вып. 14. Л.: Наука, 1978. 375 с.*
8. *Словарь русских народных говоров. Вып. 36. СПб: Наука, 2002. 344 с.*

9. Словарь русского языка XI-XVII в. Вып.5. М.: Наука, 1978. 392 с.
10. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Вып. 1. СПб.: Тип. Императорской АН, 1903. [1] с., 1684, 272 стб., 13 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] // Gufo.me: [сайт]. 2005-2020.
URL <https://gufo.me/dict/vasmer/%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%8C> (дата обращения: 15.12.2019).
12. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. А. Н. Тихонова. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.

References

1. Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka [Large academic dictionary of the Russian language]. Vol. 6. Moscow; St. Petersburg: Nauka publ, 2006. 825 p.
2. Preobrazhenskiy A.G. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1. M.: Printing house of E. Lissner and D.Sovko, 1910-1914. 680 p.
3. Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. Ed. by N.I. Tolstoy. Vol.4. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya publ, 2009. 656 p.
4. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI-XIV vv.) [Dictionary of the Old Russian language of the 11th – 14th centuries]. Ch. ed. R.I. Avanesov. T.3. M.: Russkiy yazyk publ, 1990. 511 p.
5. Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Issue 8. L.: Nauka publ, 1973. 369 p.
6. Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Issue 11. L.: Nauka publ. 1976. 363 p.
7. Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Issue 14. L.: Nauka publ, 1978. 375 p.
8. Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Issue 36. St. Petersburg: Nauka publ, 2002. 344 p.
9. Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Issue 5. Moscow: Nauka publ, 1978. 392 p.
10. Sreznevskiy I. I. Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka [Materials for the dictionary of the Old Russian language]. Vol. 3. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1903. 996 p.
11. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. [Electronic resource] // URL <https://gufo.me/dict/vasmer/%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%8C> (accessed: December 15, 2019)
12. Frazеологический словарь современного русского литературного языка [Phraseological dictionary of modern Russian literary language]. Ed. A.N. Tikhonov. Vol. 1. Moscow: Flint: Nauka publ, 2004. 832 p.

Сведения об авторе

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и
литературы ФГБОУ ВО «ТГПУ им.
Л.Н. Толстого»
(e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru).

Information about the Author

Krasovskaya Nelli Alexandrovna,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Russian
language and literature of Tula State Lev
Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru).

УДК 81-1
ББК 81.411.2-5

Дата поступления статьи 16.11.2020
Дата решения о публикации 18.11.2020

СИМВОЛЫ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

М. Л. Лаптева

*Астраханский государственный университет
(г. Астрахань, Россия)*

Ж. Э. Кинжигалиева

*Астраханский государственный университет
(г. Астрахань, Россия)*

Аннотация. В данной статье в рамках семиотического подхода к современной массовой культуре рассматриваются культурные знаки, которые приобрели символическое значение и получили объективацию в лексико-фразеологической системе русского языка. Анализу подвергаются антропонимические единицы – имена популярных героев книг и фильмов, получивших широкое распространение через каналы массовой коммуникации и расширивших семантическую структуру (Мата Хари, Шерлок Холмс, Пинкертон, мать Тереза, Робин Гуд). Значения рассматриваемых единиц раскрываются в контекстах, также представляющих собой фрагменты текстов массовой культуры. Особое внимание уделяется образам, которые активно тиражируются в дискурсивном пространстве кинематографа. Как особый символ эстетики массовой культуры выделяется Голливуд, получивший репрезентацию во фразеологизмах с символьным компонентом *Какие люди в Голливуде!* и *голливудская улыбка*.

Ключевые слова: массовая культура, языковой символ, образ, фразеологизм, антропоним, репрезентация, семантическая структура, значение, смысл.

UDC 81-1
LBC 81.411.2-5

Date of receipt of article 16.11.2020
Date of publication decision 18.11.2020

MASS CULTURE SYMBOLS IN LEXICAL-PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION

M. L. Lapteva

*Astrakhan State University
(Astrakhan, Russia)*

Zh. E. Kinzhigalieva

*Astrakhan State University
(Astrakhan, Russia)*

Abstract. The article deals the culture signs which acquired the symbolic semantic and got the objectification the lexical-phraseological system of the Russian language in view semiological approach to contemporary mass culture. The article analyzes the anthroponymic units – famous book and movie heroes names which got wide spreading by mass culture channels and increased the semantic structure (*Mata Hari, Sherlock Holmes, Pinkerton, mother Theresa, Robin Hood*). The

meaning of the units in question is revealed in contexts that are also fragments of texts of mass cultures. The work pays special attention to images that are actively replicated in cinematograph discourse field. Hollywood which got representation in phraseological units with symbolic component «Look who's here in Hollywood!» and «the Hollywood smile» is marked out as special mass culture aesthetic symbol.

Keywords: *mass culture, language symbol, image, phraseological unit, anthroponym, representation, meaning structure, meaning, sense.*

В соответствии со сложившимся в настоящее время семиотическим подходом к массовой культуре последняя понимается как особая культурная среда, в которой имплицитно существуют смысловые структуры и модели распознавания значений широкими массами носителей языка. Семиологов, прежде всего, интересует то, как устроено коммуникативное пространство, в котором функционируют и распознаются тексты массовой культуры, при этом проблема массового и элитарного не рассматривается, а эстетическая оценка самим текстам не дается.

В нашем понимании массовая культура представляет собой не столько как систему знаков, сколько некую среду, в которой функционирует нечто как знак. В связи с этим следует рассматривать тексты массовой культуры не как комплексы уже устоявшихся знаков, при изучении которых исследователю необходимо обнаружить явные и скрытые значения, закрепленные за ними объективно, а как процесс семиозиса, в ходе которого тот, кто воспринимает информацию, обнаруживает в некоторых объектах знаковые функции и интерпретирует их в соответствии с определенными кодами, принятыми в системе массовой культуры.

По утверждению В. А. Масловой, «каждый символ должен интерпретироваться только с учетом специфики его функционирования в конкретном социокультурном контексте. Символ, закодированный в контекст разных культур, имеет в них различный смысл» [1, с. 178]. Следовательно, на наш взгляд, возникает необходимость в разграничении (а) культурного знака, получившего смысловое развитие и ставшего символом; (б) фразеологизма как результата оязыковления символа и (в) фразеологизма, содержащего в семантической структуре символический или квазисимволический компонент.

По словам Ю. М. Лотмана, «символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [2, с. 221]. Следует отметить, что в некоторых случаях символ может осознаваться как часть «чужой» культуры и как таковой репрезентироваться в национальном лингвокультурном пространстве в составе инокультурного фразеологизма.

В массовой культуре символами, вызывающими восхищение лингвокультурного сообщества, становятся, вне всякого сомнения, популярные мульт- и киногерои, музыканты и актеры, признаваемые звездами.

С. Г. Азарян и И. В. Мещерякова утверждают, что «массовая культура имеет пантеон своих героев на телевизионном экране, причем довольно популярных среди части населения той или иной страны. <...> Это, как правило, гангстеры, полицейские, детективы, шпионы, изворотливые мошенники, либо вымышленные персонажи комиксов и мыльных опер. Типичными героями массовой культуры стали Джеймс Бонд, разнообразные секс-бомбы, топ-модели и т.д.» [3]. Следовательно, несложно установить смысловую связь типа *массовая культура – СМИ – телевидение – Джеймс Бонд – агент 007*. Таким образом главный персонаж романов британского писателя Яна Флеминга, вымышленный агент М16 сэр Джеймс Бонд (англ. James Bond), командер ВМФ Великобритании, агент 007, отличительными чертами которого являются авантюризм, решительность, нацеленность на силовое решение конфликтов, а также страсть к женщинам, азартным играм и алкоголю,

благодаря серии фильмов «Агент 007» («бондиана»), снятых по данным романам, становится маркером массовой культуры. Подтверждением является тот факт, например, что актуализированный сериалом образ британского агента приобретает национально-специфическое свойство «массовости» и в некогда популярной песне группы «Блестящие» «Агент 007»: «Я тебе сказала вчера: «Всего хорошего!» / Больше в эти игры играть я не хочу, послушай/ Я не шушу, ведь мне непросто совсем / Любить агента 007». И, наконец, в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» находим: *Агент 007 – (шутл.) ‘О разведчике, шпионе, человеке авантюрного склада характера’* [4, с. 16–17].

Во фразеологическом фонде русского языка выделяется немало фразеологизмов, источником происхождения которых является дискурсивное пространство антропонимики. Расширение семантического потенциала антропонима, ассоциативные и коннотативные смыслы, которыми он «обрастает», «смысловые обертоны» приводят к развитию символического значения данного имени в рамках русского лингвокультурного пространства. Приведем несколько примеров.

Символом авантюризма становится имя *Мата Харри*, принадлежащее легендарной шпионке времен Первой мировой войны, которая была обвинена французскими властями в передаче секретных сведений Германии и казнена. По данным Энциклопедического словаря крылатых слов и выражений В. Серова [5], *Мата Хари* – «женщина авантюрного склада характера». В современной массовой культуре данный образ также активно используется, например, в дискурсивном пространстве кинематографа: 1) *Джейк широко распахнул голубые глаза и с насмешливо-невинным видом посмотрел на девушку. – Но у тебя так прекрасно получается, любовь моя! Ты настоящая Мата Харри. Что бы я без тебя делал? Улучив момент, он опять подступил к Касси и обнял ее (Сериал «Возвращение в Эдем-2» // <http://www.gorod-kino.ru>); 2) – Вы должны нам помочь. – В голосе полковника звучал металл. – Вы произвели на Гурджиева впечатление, и он будет готов с вами встретиться еще не один раз. И вы будете с ним встречаться. И будете выполнять наши задания... Все, Соболина, теперь ты настоящая Мата Харри... (Агентство «Золотая пуля» // <http://www.bookol.ru>).*

Герой детективных рассказов Конан Дойля, сыщик, раскрывающий преступления методом логического анализа – *Шерлок Холмс* – относится к символам массовой культуры также в результате многократного копирования образа в кинематографе. Так, часто иронически или шутливо *Шерлоком Холмсом* называют ловкого, проницательного детектива, сыщика или человека, демонстрирующего наблюдательность или аналитичность мышления [4, с. 766]. Например: 1) – Ты пахнешь сиренью. Ее много в нашем парке. Ты, наверное, долго сидела, раз запах такой насыщенный. Но ты моя неугомонная девочка и не умеешь сидеть без дела... да и мороженое ты любишь, – с улыбкой произнес Андрей. – Ты мой *Шерлок Холмс*, – расцеловала мужа девушка. – И так хорошо меня знаешь... (О. Лунная. Кофе с корицей); 2) – Ах ты мой *Шерлок Холмс*! Ты же меня все равно всегда найдешь... – С сегодняшнего дня я снимаю с себя это почетное звание, – самокритично заявила Вика (Т. Морозова. Три грации).

Еще в начале XX века в России имели популярность анонимные книги о приключениях проницательного и удачливого американского детектива *Пинкертона*. Большой тираж этих книг, выпускаемых сериями, сделал образ Пинкертона настолько популярным, что антропоним Пинкертон становится именем нарицательным, обозначая любого удачливого сыщика, а впоследствии начинает употребляться только иронически, применительно к детективу, в чьем профессионализме и успехе следует усомниться. Таким образом, массовизация образа влияет на распространение его отрицательного символического прочтения. Например: *Я не сторонница крайних мер, вы знаете, и если вы дадите мне слово, что остановитесь, я никому ничего не расскажу. – Да что вы можете рассказать,*

Нат Пинкертон в юбке! Чем вы мне угрожаете? Думаете, я вас боюсь? (Александра Маринина. Иллюзия греха (1996) – НКРЯ).

В языке закрепляется и номинация **пинкертоновщина** – ‘низкопробная детективная литература, а также манера поведения, типичная для детективов-любителей или плохих профессионалов (ирон.)’ [5].

Казалось бы, символами массовой культуры становятся не только образы, получившие негативную оценку, но и образы, сохранившиеся в языковой памяти членов лингвокультурного сообщества с положительной коннотацией. Так, символом доброты и отзывчивости можно назвать *мать Терезу*. Фразеологическое значение единицы **мать Тереза** – ‘деятельная, отзывчивая женщина, которая всячески стремится помочь близким’ – сформировалось в дискурсивном пространстве инокультурной антропонимики и связано с деятельностью католической монахини, основательницы женской монашеской конгрегации «Сестры Миссионерки Любви», занимающейся служением бедным и больным. Однако такие символы добра не столько популярны в современной массовой культуре, через каналы которой пропагандируются иные модели поведения – жесткого, прагматичного, а порой и циничного. Сравним: 1) *Блогер Кнор написал, что «да уж очень интересно будет посмотреть, как Елена будет просить Путина о повышении зарплаты учителям и закрытии «Дома 2», прям не певица, а Мать Тереза»*, а вот *Denver* отметил, что «Благородство, честность и открытость Елены Ваенги уже набило оскомину» (<http://www.uznayvse.ru>); 2) *С точки зрения бизнеса – <...> всегда можно сказать, что это не моя целевая аудитория. А я никому не обещал быть матерью Терезой, и пытаться вытаскивать из болота и тащить вверх тех, кто не только неплатёжеспособен (это не главное), но и морально к этому не готов (а вот это куда важнее)* (<http://fincake.ru>).

Широкую известность имеет имя *Робин Гуда* – героя английских народных баллад, грабившего богатых и отдававшего награбленное бедным, защитника угнетенных. Тиражируемость этого образа (в том числе в кинематографе) делает его символом благородства, а фразеологизм **Робин Гуд** закрепляется в языке в значении – ‘благородный разбойник, борец за правое дело, отчаянно смелый и бескорыстный, защитник слабых и обиженных’ [4, с. 596-597]. В современных электронных средствах массовой информации нередко происходит «эксплуатация» таких образов и «подкуп» ими зрителей, что в целом является характерным для массовой культуры приемом. Например: *Ролик, на котором телеведущий Сергей Светлаков выступает в роли Робина Гуда на дороге, собрал в YouTube тысячи просмотров. Как выяснили журналисты программы «Развод по-русски», это была пиар-акция, но какая красивая!* (<http://www.ntv.ru>).

Телевидение и кино являются культурными пространствами, где появляются, а затем и распространяются продукты современной массовой культуры, число которых неизменно увеличивается. Отметим, что все активнее в русском языке используется слово **концепт-арты** – рисунки, определяющие визуальную эстетику фильма, в частности, образы персонажей. Многие образы киногероев получают настолько удачными, что входят в наше сознание, в том числе и языковое: *человек-паук, доктор Стрэндж, робокоп, рагнарек, Халк, красавица и чудовище и др.* Все это вымышленные, активно тиражируемые персонажи, быстро набравшие популярность и ставшие символами массовой культуры. Например, Халк – герой комиксов, мультфильмов и кинофильмов – символ силы, скорости, неуязвимости: *Вспомнив сериал, герой которого в минуту опасности преображался в зеленого монстра, я восторженно выкрикнул: «Incredible Hulk!» «Невыносимый Халк», – неправильно, но точно перевел довольный Довлатов* (Александр Генис. Довлатов и окрестности (1998) – НКРЯ). В современном спортивном дискурсе имя вымышленного персонажа употребляется в перифразе **уральский Халк**, которым устойчиво называют известного российского бойца Ивана Штыркова: **Уральский**

Халк готов провести бой с Магой Исмаиловым, **Уральский Халк** проиграл впервые в карьере и др. (новостные ленты).

Благодаря научно-фантастическому фильму режиссера Д. Кэмерона «Аватар», впервые вышедшему на экран в 2009 году, визуализируется в массовой культуре и изначально сакральный образ **аватара**. Напомним, что **аватар** – это объект индуизма, ведической религии, брахманизма, где он трактуется как земное воплощение, инкарнация Божества.

Однако обратим внимание на следующий контекст: *Что там думает русский язык? **Аватар** – сетевой образ человека. «Образ» – неодушевленное имя существительное, а вот «аватар» – одушевленное. Это как «манекен» и «труп» – мертвые, а «кукла» и «мертвец» – живые. «Аватар» означает «воплощение», но кто или что воплощается в Сети? Ведь **аватар** автору не тождествен. Глеб был убежден, что **аватар** – сложный синтез нескольких сущностей. Как минимум трех* [Алексей Иванов. Комьюнити, 2012 – НКРЯ].

В данном примере герой пытается решить своего рода «лингвистическую загадку» и отнести существительное **аватар** к разряду одушевленных или неодушевленных, и семантический показатель в данном случае является весьма спорным, поскольку в компьютерном жаргоне аватаром называется ‘персонаж некоей виртуальной реальности, компьютерной игры, представляющий некоего действительно существующего (обычно управляющего им) человека, игрока’ [Викисловарь]. Другое употребление лексемы **аватар** тоже характерно для компьютерного (сетевого) дискурса – ‘маленькое изображение, представляющее определенного человека (пользователя) в виртуальной реальности (форумах, блогах, ICQ и т. д.), наиболее полно отражающее сущность, внешность, характер обладателя’ [6].

Символом эстетики массовой культуры можно назвать Голливуд, откуда в Россию в свое время пришли и приходят до сих пор стандарты красоты, модные веяния, различные ценности. Являясь центром американской киноиндустрии, так называемой фабрикой звезд, Голливуд ассоциируется в языковом сознании рядовых носителей русского языка с чем-то дорогим, роскошным, привлекающим внимание и в то же время недостижимым и т.п.

В одной из песен популярной в конце 80-х-начале 90-х гг. XX века группы «Комбинация» звучат слова: *Пусть наши мальчики немножко подождут, / Огнями манит нас далекий Голливуд. / Пусть Голливуд запомнит наши имена, / К тебе вернемся мы, любимая страна. / **Какие люди в Голливуде**, / Сплошные звезды, а не люди* (муз. А. Кривицкого, ст. Л.А. Рубальской). Фраза *Какие люди в Голливуде!*, впервые употребленная в дискурсивном пространстве популярной песни, приобретает широкую степень употребительности, становится репрезентантом концепта «Приветствие» и используется как шутливо-ироническое восклицание при неожиданной встрече: ***Какие люди в Голливуде! Не ожидал тебя здесь встретить!*** (из устной речи). Несмотря на то что Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений Э. Серова отмечает только одно значение данного выражения, анализ контекстного употребления говорит в пользу формирования еще одного – ‘(публ.) Восторженная реплика по поводу выхода очередного фильма, поступившей новости из мира кино, шоу-бизнеса и под.’. Например: 1) «**Какие люди в Голливуде!**» – воскликнул уругвайский кинокритик Альваро Санхурхо, увидев в титрах одного из американских фильмов 40-х годов среди артистов, исполнявших второстепенные роли, имя Фиделя Кастро (Невское время, № 200(1603), 31.10.1997 г.); 2) «**Какие люди в Голливуде!**» На экраны страны выходит зубодробительный блокбастер Брэда Берда «Миссия невыполнима: Протокол Фантом» – 4-я часть популярной франшизы про суперагентов с участием суперзвезды Голливуда Тома Круза (<http://www.tribuna.ru>); 3) **Какие люди в**

Голливуде! «Вечеринка в стиле Голливуд!» – это яркая звездная программа для тех, кто хотел бы почувствовать себя настоящей звездой! (<http://www.perfect.by>).

Следует вспомнить еще одно устойчивое выражение, в значении которого символический компонент связан с образом Голливуда – **голливудская улыбка**. Прежде всего, компонент голливудский вызывает ассоциации с голливудскими актерами, чьи улыбки отличаются белизной ровных рядов зубов. Такая улыбка становится, с одной стороны, эталоном красоты и внешней привлекательности, вежливости обращения, а с другой стороны, искусственности и несоответствия внутреннему содержанию и настроению человека. Сравним: 1) *Инстинкт подсказывал мне, что я обязана улыбаться, задавать встречные вопросы и вообще поддерживать разговор. Когда я наконец заперла за собой дверь в номере и вернула себе нормальное выражение лица, расставшись с вымученной **голливудской улыбкой**, сразу же позвонил телефон* (Срочное погружение // «Домовой», 04.03. 2002 г. – НКРЯ); 2) *Сама эта мысль показалась Вале смешной и нелепой. Она вспомнила благородного офисного работника с зализанной шевелюрой и безупречно начищенными ботинками, с дурацкой **голливудской улыбкой** и никому не нужной вежливостью – и засмеялась* (Татьяна Тренина. Русалка для интимных встреч (2004) – НКРЯ). Несложно заметить, что в обоих представленных контекстах выражение **голливудская улыбка** вступает в синтагматические связи с лексемами с отрицательной коннотацией: **вымученная голливудская улыбка**, **дурацкая голливудская улыбка**. В Национальном корпусе русского языка нами обнаружено всего 15 вхождений, содержащих рассматриваемое выражение. При этом в 7 случаях оно функционирует в контекстах «стоматологической» тематики (*идеальная голливудская улыбка, белоснежная голливудская улыбка, стоматолог сделал ей голливудскую улыбку и т.п.*), а в остальных случаях – как репрезентант атрибута вежливости.

Отмечая роль улыбки и смеха в русском коммуникативном пространстве, стоит сослаться на работы И. А. Стернина, в которых не раз подчеркивалось, что характерными особенностями членов русского лингвокультурного сообщества в этом плане является бытовая неулыбчивость, поскольку русский человек не видит в улыбке коммуникативного смысла, воспринимая ее как отражательный, симптоматический сигнал настроения-благополучия в материальном плане [7, с. 98]. Подтверждением этой мысли может стать паремиологический фонд русского языка, где народные представления активно поддерживают отношение «против» смеха: **Шутка до добра не доводит. И смех наводит на грех. Иной смех плачем отзывается. Это смех перед слезами. Смехом сыт не будешь** и мн. др. Не зафиксировано нами и фразеологизмов, репрезентирующих позитивное отношение к смешному или положительно характеризующих эту область. Интересен тот факт, что в русском языке все фразеологизмы, объектом фразеологической номинации которых является область смешного (смех, улыбка, юмор и т.п.), носят инокультурный характер и отмечены отрицательными лингвокультурными коннотациями. Сравним: **гомерический хохот** – книжн. ‘неудержимый, громкий раскатистый смех’, **мефистофельская улыбка** – ‘коварная улыбка’; **мефистофелевский хохот** – ‘злорадный, сатанинский смех’; **сардонический смех** – книжн. ‘злобный, желчный, едкий, язвительный смех’; **саркастическая улыбка** – ‘улыбка, исполненная сарказма, горькая, насмешливая, презрительная’; **улыбка авгуров** – ‘обмен улыбками людей, хорошо понимающих друг друга’; **американский юмор** – ‘юмор, не содержащий скрытого смысла, пошлый, натуралистичный, тупой’; **английский юмор** – ‘странный, не вызывающий веселья и смеха’ [8, с. 124].

Популярный образ всегда приспособлен к массовому потреблению, то есть ориентирован на возможности и потребности обывателя. Такой образ зачастую лишен какой-либо глубокой содержательности, не представляет собой нравственной

ценности, носит преходящий характер, но в определенное время имеет коммерческий успех.

Хотя современный человек окружен многообразным миром артефактов, далеко не все из них приобретают символическое значение. Символические объекты культуры всегда служат для передачи определенных идей и ценностей. Интересным объектом массовой культуры является кукла Барби, ставшая со времени ее создания еще в 50-х годах XX века одним из наиболее популярных артефактов американской культуры, который затем завоевал мировой рынок, в том числе и российский. Конечно, прежде всего, кукла Барби воплощает в себе ценности и представления американской культуры, так называемой американской мечты – мечты о красивой и обеспеченной жизни. Кукла сосредоточена на нарядах, развлечениях, живет в красивом интерьере, празднично проводит время, выбирает друзей и т.п. Она становится иконой стиля, символом красоты.

Однако образ куклы Барби при всей его популярности чужд русской культуре. Подтверждая сказанное, приведем в пример фразеологизм **кукла американская** – ‘о женщине развязного поведения, ведущей свободный образ жизни, злоупотребляющей косметикой и т.п.’ [9, с. 16]. Скорее всего, оборот **кукла американская**, если и не возник, то получил актуализацию в дискурсивном пространстве кинофильма «Родня» (1981 г.): [Марья Васильевна] Ты посмотри, на кого ты похожа! **Кукла американская!** Да если тебя умыть, сама знаешь, че получится! В представленном контексте выражение **кукла американская** используется по отношению к женщине, злоупотребляющей косметикой. В мотивационной базе такого смыслообразования роль играют оба компонента фразеологической единицы. Объективная логика происходящих семантических изменений обнаруживается в процессе взаимопроникновения некоторых смыслов лексических единиц: *кукла* → ‘женщина’ и *американская*, т.к. Америка воспринимается в качестве символа западной культуры, возводящей в культ независимое, свободное поведение. Также можно предположить, что образную основу выражения составляет стереотипное представление именно о кукле Барби.

Подводя итог, скажем, что популярные герои книг и фильмов, вызывающие наибольшее восхищение и удивление членов лингвокультурного сообщества и тиражируемые через средства массовой коммуникации, нередко становятся символами, получающими языковую объективацию, лексико-фразеологическую репрезентацию. Задача исследователя – проследить, какие образы неоднократно используются в культурном пространстве, подвергаются массовизации и каким образом изменяется с учетом культурных трансформаций семантическая структура языковых символов.

Список источников и литературы

1. Маслова В. А. *Ното lingualis* в культуре. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
2. Тхорик В. И., Фанян Н. Ю. *Лингвокультурология и межкультурная коммуникация*. М.: ГИС, 2006. 206 с.
3. Азарян С. Г., Мещерякова И. В. Массовая культура: точки соприкосновения с телевизионным экраном [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2010. Вып. 3 (18). URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/581-mass-culture-of-common-ground-of-television-screens.html> (дата обращения: 30.10.2019).
4. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. *Русская фразеология: историко-этимологический словарь*. М.: Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. 926 с.
5. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений* / авт.-сост. В. Серов. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.

6. Аватар [Электронный ресурс] // Викисловарь : [сайт]. [2004–2019]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/аватар> (дата обращения: 01.11.2019).
7. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева; РАН, Ин-т языкознания. М., 1996. С. 97–112.
8. Лаптева М. Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики. М.: Кнорус ; Астрахань: Астрахан. ун-т, 2016. 212 с.
9. Лаптева М. Л. «Чужое» в «своем» фразеологическом пространстве: познавательный словарь-справочник. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2019. 204 с.

References

1. Maslova V. A. *Homo lingualis v kul'ture: monografiya* [*Homo lingualis in the culture*]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. 320 p.
2. Thorik V. I., Fanyan N. Yu. *Homo lingualis v kul'ture: monografiya* [*Linguoculturology and intercultural communication*]. Moscow, GIS Publ., 2006. 206 p.
3. Azaryan S. G., Meshcheryakova I. V. *Massovaya kul'tura: tochki sopri-kosnoveniya s televizionnym ekranom* [*Mass culture: areas of common interest with television screen*]. Journal of Analytics culturology, 2010, no 3 (18). Available at: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/581-mass-culture-of-common-ground-of-television-screens.html> (accessed 30 October 2019)
4. Birikh A. K., Mokiyeenko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'*. [Russian phraseology. Historic-etymological dictionary]. Moscow, Astrel Publ.: AST Publ., 2007. 926 p.
5. Birikh A. K., Mokiyeenko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'* [*Encyclopaedical dictionary of winged words and phrases*]. Comp. by V. Serov. Moscow: Lokid-Press Publ., 2005. 880 p.
6. *Svobodnaya entsiklopediya «Vikislovar'»* [Wiktionary]. Available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki/аватар> (accessed 1 November 2019).
7. Sternin I. A. *Kommunikativnoye povedeniye v strukture natsional'-noy kul'tury* [*Communications behavior in national culture structure*]. Trudy RAN *Etnokulturnaya specifika yazikovogo soznaniya* [Proc of the Russian Academy of Sciences, Institute of linguistics "Ethnocultural specificity of linguistic consciousness"]. Moscow, 1996. pp.97-112.
8. Lapteva M. L. «Chuzhoye» v «svoem» frazeologicheskom prostranstve: poznavatel'nyy slovar'-spravochnik [“Own” and “Alien” in the cognitive discursive Russian phrasemics space. Moscow, Knorus Publ., Astrakhan, ID Astrakhan University Publ., 2016. 212 p.
9. Lapteva M. L. «Chuzhoye» v «svoem» frazeologicheskom prostranstve: poznavatel'nyy slovar'-spravochnik [“Alien” in the “Own” phraseological space: cognitive dictionary-book of reference]. Astrakhan, Sorokin Roman Vasil'evich Publ., 2019. 204 p.

Сведения об авторах

Лаптева Мария Леонидовна,
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой современного
русского языка ФГБОУ ВО «Астраханский
государственный университет»
(e-mail: hohlina2004@yandex.ru).

Кинзигалиева Жанна Эркиновна,
аспирант кафедры современного русского
языка ФГБОУ ВО «Астраханский
государственный университет»
(e-mail: utezhanova@gmail.com).

Information about the Authors

Lapteva Maria Leonidovna,
Doctor of Philology, Associate Professor, head
of the Department of modern Russian
language of Astrakhan State University
(e-mail: hohlina2004@yandex.ru).

Kinzhigalieva Zhanna Erkinovna,
Postgraduate student of the Department of
modern Russian language of
Astrakhan State University
(e-mail: utezhanova@gmail.com).

УДК 81-1
ББК 81.411.2-5

Дата поступления статьи 16.11.2020
Дата решения о публикации 18.11.2020

О НЕКОТОРЫХ СИМВОЛИЧЕСКИХ АНТРОПОМОРФНЫХ КОМПОНЕНТАХ РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЕРБАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ)

Д. А. Романов

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению символических значений, реализуемых в русскоязычных вербальных текстах культуры. В качестве эмпирического материала избраны прецедентные языковые единицы (фразеологизмы, паремии, крылатые слова и смежные явления) антропоморфного семантического поля. Для типологического описания избраны прецедентные языковые единицы, входящие в пять групп с лексемами-опорами: голова, нос, глаз, губа. В исследовании принята следующая схема системного описания обозначенных групп: 1) слово-база, 2) его производные, актуальные для реализации тех же символических значений, 3) символические значения с иллюстрациями языковыми единицами прецедентного характера, 4) отдельные замечания о реализации указанных символических значений в иных прецедентных вербальных текстах культуры (названиях литературных произведений, кинофильмов, некоторых образах известных текстов авторской и народной атрибуции, имеющих широко известное вербальное воплощение и т.п.). Предпринята попытка определять символическое значение ключевой лексемы не по значению прецедентной единицы в целом, а по тому, какой импульс для формирования этой единицы, для ее складывания, а самое главное – для необходимости ее воспроизведения носителями языка дает эта лексема. Источниками языкового материала для анализа значений и их последующего иллюстрирования стали личные наблюдения автора и опросы носителей языка, а также лексикографические издания. Исследование символического потенциала тех или иных лексем в прецедентных вербальных единицах может быть объективным только в случае неоднократного обращения к нему разных ученых и разностороннего его обсуждения. Предлагаемые в статье трактовки закономерно рассматриваются как одна из реплик возможной дискуссии и закономерно предполагают возможность их корректировки.

Ключевые слова: семантика, символическое значение, антропоморфный код, прецеденция, лексема, фразеология, паремия, культура.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-512-18008.

ABOUT SOME SYMBOLIC ANTHROPOMORPHIC COMPONENTS OF THE RUSSIAN CULTURAL CODE (ON THE MATERIAL OF PRECEDENTAL VERBIAL UNITS)

D. A. Romanov

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Absytract. *The work is devoted to the consideration of symbolic meanings realized in Russian-language verbal texts of culture. Precedent language units (phraseological units, paremias, winged words and related phenomena) of an anthropomorphic semantic field were chosen as empirical material. For the typological description, precedent language units were selected, which are included in five groups with support tokens: head, nose, eye, Lip. The study adopted the following scheme of a systematic description of designated groups: 1) the word base, 2) its derivatives, relevant for the implementation of the same symbolic meanings, 3) symbolic meanings with illustrations of language units of a precedent nature, 4) individual comments on the implementation of these symbolic meanings in other precedential verbal texts of culture (names of literary works, films, some images of well-known texts of author and folk attribution, having a well-known verbal embodiment e, etc.). An attempt was made to determine the symbolic meaning of the key token not by the value of the precedent unit as a whole, but by the momentum for the formation of this unit, for its folding, and most importantly, for the need for its reproduction by native speakers gives this token. Sources of language material for the analysis of meanings and their subsequent illustration were personal observations of the author and surveys of native speakers, as well as lexicographic publications. The study of the symbolic potential of certain lexemes in precedential verbal units can be objective only in the case of repeated reference to it by different scholars and its diverse discussion. The interpretations proposed in the article are naturally considered as one of the replicas of a possible discussion and naturally suggest the possibility of their correction.*

Keywords: *semantics, symbolic meaning, anthropomorphic code, precedent, lexeme, phraseology, paremia, culture.*

The reported study was funded by RFBR, project number 19-512-18008.

Языковая прецедентность неразрывно связана с символичностью значения того или иного компонента повторяемой единицы. Едва ли можно ответить на вопрос, что в данном случае является первоосновой: осознанная социумом (народом) символика того или иного образа, отраженного словом, рождает потребность его воспроизведения или регулярная повторяемость, связанная с материальными или духовными потребностями людей, делает компоненты языковой единицы символическими. На самом деле, первооснова в данном случае не является принципиально важной, к тому же и одна, и вторая точки зрения имеют под собой солидную научную доказательную базу, берущую свое начало от работ В. И. Даля, А. А. Потебни, Д. Н. Овсяннико-Куликовского и др. Гораздо важнее – разностороннее и как можно более полное изучение связи символичности и прецедентности, так сказать, в «лексикографическом» аспекте, то есть необходимость методичного, скрупулезного описания тех символических значений и их базовых лексем, которые выступают во всех типах прецедентных языковых единиц русского языка.

Продуктивным (и это лежит на поверхности) считается подход от лексемы-основы, лексемы-вершины, лексемы-источника образных значений к языковому материалу, в котором она реализуется. Такой подход соответствует методикам классической отечественной филологии и при использовании широкого круга источников (в первую очередь разного рода словарей и справочников всех видов устойчивых единиц – от фразеологизмов до авторской афористики) дает возможность представить объективную картину бытования исследуемой связи в языке и культуре. В рамках работы над изучением символики русских вербальных текстов культуры мы предлагаем обобщение доступного нам прецедентного языкового материала антропоморфного характера. Из достаточно большого списка гипотетических базовых лексем нами произвольно избраны пять компонентов с целью апробации самого подхода к представлению символического характера реализуемых ими значений.

Вполне очевидно, что при анализе, описании, а главное – систематизации и типологизации символических значений нельзя опираться на семантику устойчивой единицы в целом, потому что в таком случае получится исследование самих устойчивых единиц, в N-ый раз повторяющее работы семасиологов и фразеологов. В принципе, здесь нет ничего плохого, однако тематические и идеографические классификации устойчивых единиц, отраженные в словарях и справочниках, уже проведены. Символичность должна определяться не по значению единицы в целом, а по тому, какой импульс для формирования этой единицы, для ее складывания, а самое главное – для необходимости ее воспроизведения носителями языка дает эта лексема.

Решение подобной задачи, при всей ее ясности, не представляется легким. Во-первых, потому что здесь классически нарушается соссюрианский принцип разграничения синхронии и диахронии: общее значение, создающее прецедентность, реализуется в синхронии, а его формирование и «вклад» отдельной лексемы в него может быть рассмотрен только в диахронии (при учете этимологического плана фразеологической или фразеологизированной единицы). Во-вторых, сам научный подход к прецедентности, базирующийся, безусловно, на учении фразеологов, не предполагает и даже запрещает дробление целостного значения прецедентной единицы; от этого предостерегает любой вузовский учебник. Но без этого совершенно невозможно определить семантическую роль того или иного компонента в складывании такого общего значения. В-третьих, ядерные и неядерные компоненты прецедентных единиц приобретают свой статус (ядерности и неядерности) не одновременно и не всегда жестко закреплению (разумеется, речь не идет о грамматической структуре); в семантическом отношении этот статус может быть «плавающим», что, кстати, находит отражение во многочисленных фразеографических источниках и легко выявляется при их сравнении. Наконец, в-четвертых, определение вклада лексемы в символическое значение, как и любая лексикографическая трактовка, изначально субъективна не только по вкладываемому в нее содержанию, но по самому характеру формального представления, а значит, может вызывать дискуссии.

Таким образом, исследование символического потенциала тех или иных лексем в прецедентных вербальных единицах может быть объективным только в случае неоднократного обращения к нему разных ученых и как можно более широкого, разностороннего его обсуждения. Значит, предлагаемые ниже трактовки мы закономерно рассматриваем как одну из реплик возможной дискуссии и закономерно предполагаем возможность их корректировки.

Рассмотрим пять антропоморфных «вершин» русской языковой символики в следующей схеме системного описания: 1) слово-база, 2) его производные, актуальные для реализации тех же символических значений, 3) символические значения с иллюстрациями языковыми единицами прецедентного характера:

фразеологизмами, устойчивыми фразами, поговорками, крылатыми словами и проч., 4) отдельные замечания о реализации указанных символических значений в иных прецедентных вербальных текстах культуры (названиях литературных произведений, кинофильмов, некоторых образах известных текстов авторской и народной атрибуции, имеющих широко известное вербальное воплощение и т.п.). Источниками языкового материала для анализа значений и их последующего иллюстрирования стали личные наблюдения и опросы носителей языка, а также лексикографические издания, указанные в списке литературы, завершающем статью.

ГОЛОВА

Актуальные производные: *головушка, безголовый, головной, головотяпы, головокружение.*

Символические значения:

1. Голова как часть человеческого тела, как орган (прямая семантика): *голову с плеч, голова трещит (раскалывается), вертеть головой, голова болит – заднице легче.*

2. Голова как основной атрибут человеческого существования, как символ самого человека, его целостности, внешнего вида (оттенки прямого значения): *повинную голову меч не сечет, негде голову приклонить, пересчитать по головам, Я упала с самосвала, тормозила головой, в омут с головой.*

3. Голова как начало, вершина (переносное, с минимальным образным потенциалом): *нумерация с головы, в головах, рыба тухнет с головы, голову вытаскишь – хвост увязнет.*

4. Голова как главное, основное (переносное, с минимальным образным потенциалом): *голова хвоста не ждет, голова у ног ума не просит.*

5. Голова как должность, занимаемое место (переносное, с минимальным образным потенциалом): *делать что-либо через голову кого-либо, городской голова.*

6. Голова как символ жизни (переносное, с большим образным потенциалом, фразеоорганизующее): *рисковать головой, оторвать голову, голову сложить, адамова голова, не сносить головы*

7. Голова как символ ума/безумия, ясности/мутности мысли, общности/странности мышления (переносное, с максимальным образным потенциалом, фразеоорганизующее; работают функциональные операторы есть/нет, включено/выключено): *голова два уха, голова садовая, голова еловая, головушка бесталанная, не дружит с головой, беда с головой, моча ударила в голову, задурить голову, голову отшибло, тараканы в голове, в голове не держится, без царя в голове, безголовый, туман в голове, к пустой голове руки не прикладывают, выскочило из головы, не тем голова забита, ветер в голове, копаться в голове, каша в голове, головотяпы, дурная голова ногам покоя не дает, работай головой, опилки в голове, с фаршированной головой (авт.), голова с лукошко, а ума – с ложку.*

8. Голова как символ нормального хода вещей, нормального состояния духа, здорового самочувствия (переносное, с большим образным потенциалом, фразеоорганизующее; работают функциональные операторы есть/нет, включено/выключено): *схватиться за голову, головокружение от успехов (авт.), потерять голову, поправить голову, бьет ключом – и все по голове, головой об стену, стоять на голове, с ног на голову, с больной головы на здоровую, голова кругом идет.*

9. Голова как символ радости, уверенности в себе, гордости, независимости (переносное, с большим образным потенциалом, фразеоорганизующее; работают операторы есть/нет, включено/выключено): *понигнуть головой, склонять голову, обнажить голову.*

10. Голова какместилище мыслей, чувств, переживаний, как показатель сознания, процесса мышления (переносное, с большим образным потенциалом, фразеоорганизующее; работают операторы есть/нет, включено/выключено): *не бери*

в голову, пришло в голову, вбить в голову, забрать в голову, выбросить из головы, головная боль.

В названиях литературных произведений, кинофильмов и т.д. чаще всего подчеркивается атрибуция головы (чья она): «Всадник без головы», «Голова профессора Доуэля», «Не болит голова у дятла». То же в образной системе литературных произведений: губернатор с фаршированной головой и Органчик у Салтыкова-Щедрина, голова поэта в «Черном человеке» Есенина. Голова-персонификатор, олицетворение человека встречается гораздо реже: Колобок, голова в «Руслане и Людмиле» Пушкина.

НОС

Актуальные производные: *носик*

Символические значения:

1. Нос как атрибут и персонификатор человека (прямая семантика и ее оттенки): *(собрать, получить и проч.) с носа, (по рублю, выделить, дать и т.п.) на нос*.

2. Нос как орудие действия (кто-то что-то делает своим носом), (прямое и переносные значения, с минимальным образным потенциалом): *нос повесить, задирать нос, воротить нос, совать нос не в свое дело, носу не высовывать, нос не высунешь, держать нос по ветру, клевать носом*.

3. Нос как объект действия (действия с чужим носом), (прямое и переносные значения, с минимальным образным потенциалом): *оставить с носом, водить за нос, щелкнуть по носу, дать в нос*.

4. Нос как мера, показатель, свидетельство чего-либо (переносное, с максимальным образным потенциалом, фразеоорганизующее): *на носу что-либо (время), под нос (образ действия), с гулькин нос (размер), носики-курносики (размер, возраст), говорить в нос (образ действия), комар носу не подточит (точность); приметы: Нос чешется – будут новости, Нос чешется – в рюмку смотреть*.

5. Нос как локация (место), (переносное, с большим образным потенциалом, фразеоорганизующее): *три к носу, под носом у, ковыряться в носу*.

6. Нос как опыт, компетентность, желание и т.п. (переносное, с большим образным потенциалом, фразеоорганизующее): *нос раскатать, нос еще научиться вытирать, нос еще не дорос*.

В художественных произведениях (названиях и образной системе) нос, как правило, персонификатор, олицетворение его носителя: «Нос» Гоголя, «Карлик-нос» Гауфа, «Мороз, Красный нос» Некрасова. Нос как атрибут встречается реже (например, Буратино).

ГЛАЗ

Актуальные производные: *глазок, сглазить*.

Символические значения:

1. Глаз как орган зрения и как деталь внешности (прямая семантика): *дать в глаз, рыбий глаз*.

2. Глаз как атрибут и персонификатор человека (оттенки прямого значения): *с глазу на глаз, глаза в глаза*.

3. Глаз как символ зрения, видения, понимания (замутненного/незамутненного, ясного/смутного, точного/приблизительного, сфокусированного/рассеянного, обычного/необычного, правильного/нарушенного), (переносное, с максимальным образным потенциалом, фразеоорганизующее): *на глазок, на голубом глазу, пустить пыль в глаза, соколиный (орлиный) глаз, глаза не на месте, песок в глазах, глаза протри, глаза слипаются, глаз не сомкнуть, глаз-алмаз, глаз-ватерпас, за глаза говорить, в глаза говорить, в чужом глазу иголку видит, а в своем бревна не замечает, смотреть чужими глазами, разуй глаза*.

4. Глаз как символ потери зрения, способности видеть, различать что-либо (переносное, с максимальным образным потенциалом, фразеоорганизующее):

вырви-глаз, хоть глаз коли, правда глаза колет, глаза потерял, глаза сломаешь, остаться без глаз, у семи нянек дитя без глазу, все глаза просмотреть, все глаза проплакать, закрыть глаза покойнику, глаза на конус.

5. Глаз как символ нежелания видеть (отвернуться, закрыть глаза и т.п.), (переносное, с максимальным образным потенциалом, фразеоорганизующее): *глаза б мои на тебя не смотрели, с глаз долой – из сердца вон, закрывать глаза на что-то, шоры на глазах, прятать глаза, отводить глаза.*

6. Глаз в сопоставлении, в сопряжении с другими органами и частями тела человека (оттенки прямого значения, с минимальным образным потенциалом): *глаз на жопу натянуть, не в бровь, а в глаз, глаза боятся, а руки делают, глаза завидующие, руки загребущие, глаза – зеркало души*

7. Глаз как символ рассматривания, вглядывания, принципиально долгого визуального контакта (переносное, с большим образным потенциалом, фразеоорганизующее): *глаз не оторвать, глаз радуется, смотрит ясными глазами, глаз не отвести, пялить глаза, раздевать глазами.*

8. Глаз как обозначение свойств, качеств, чувств человека (оттенки прямого значения, с минимальным образным потенциалом): *глаза бесстыжие, глаза на мокром месте, глаза ненасытные, глаза разгорелись, дурной глаз.*

9. Глаз как свидетельство достоверности при визуализации (оттенки прямого значения, с минимальным образным потенциалом): *находиться на глазах, искры из глаз, где были твои глаза, быть на глазах*

10. Глаз как символ результата воздействия (физического или психического), (переносное, с большим образным потенциалом, фразеоорганизующее): *вытаращить (выпучить) глаза, глаза на лоб полезли, сглазить, глаза вылезли из орбит, залить глаза.*

В образной системе художественных произведений, чрезвычайно редко в названиях (вроде «Ее глаза» Пушкина) актуализируется прямое значение и его оттенки.

ГУБА

Актуальные производные: *губошлеп, разгубаститься, губки, пригубить.*

Символические значения:

1. Деталь внешности и сопроводитель процесса приема пищи (прямое с оттенками, образный потенциал минимальный): *губки бантиком, губа толще – брюхо тоньше, губы да зубы, а языку удержу нет, пригубить.*

2. Проворонить, пропустить важное (переносное, с большим образным потенциалом, фразеоорганизующее): *губошлеп, губы развесить, губы распустить.*

3. Губа как символ желания (переносное, с большим образным потенциалом, фразеоорганизующее; работает оператор удлинение/сокращение): *разгубаститься, раскатать губу, закатать губу, губа не дура.*

4. Губа как символ недовольства, чванливости (прямое и переносное, с большим образным потенциалом, фразеоорганизующее): *кривить губы, говорить через губу, через губу не переплюнет.*

5. Губа как символ обиды (прямое и переносное, с большим образным потенциалом, фразеоорганизующее): *губы надувать, Федул губы надул.*

6. Губа как символ молчания (прямое и переносное, с большим образным потенциалом): *губы на замок.*

7. Губа как символ любви (в приметах) (прямое и переносное, с большим образным потенциалом): *губы чешутся – милого целовать, губы чешутся – целоваться.*

Номинирующая образная символика не реализуется; в образной системе художественных произведений используется преимущественно прямое значение, обогащаемое смысловыми оттенками (губы персонажей Гоголя из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», его же Афанасий

Иванович и Пульхерия Ивановна Товстогубы; верхняя губка с усиками у «маленькой» княгини Болконской в «Войне и мире» Толстого); переносная образная семантика встречается значительно реже (например, метафорическое уподобление Маяковского *На чешуе жестяной рыбы // прочел я зовы новых губ* в стихотворении «А вы могли бы?»). Следует отметить, что чрезвычайно распространенная в литературе символическая семантика 'любовь' (губы манят, шепчут признания, внушают страсть, лобзуют и т.д., и т.п.) не реализуется во фразеологическом фонде языка (кроме приведенных выше примет).

В заключение необходимо добавить, что количество выделенных символических значений также закономерно может подвергнуться расширению из-за добавления иллюстративного материала принципиально иного характера и из-за дробления синкретизма при конкретизации неучтенным прецедентным фондом языка.

Список источников и литературы

1. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005. 576 с.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо-пресс, 2000. 616 с.
3. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: Аст-пресс книга, 2010. 736 с.
4. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. В 2 т. М.: Терра, 1994. Репринт. (1 т. 792 с., 2 т. 832 с.).
5. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. Составитель А.И. Федоров. М.: Цитадель, 1997. (1 т. 391 с., 2 т. 396 с.).

References

1. Valter X., Mokienko V.M. Antiposloviy russkogo naroda [Anti-Russian people's words]. SPb.: Neva, 2005. 576 p.
2. Dal V.I. Posloviy russkogo naroda [Proverbs of the Russian people]. M.: Eksmo-press, 2000. 616 p.
3. Zimin V.I. Slovar`-tezaury russkix poslovicz, pogovorok i metkix vy`razhenij [Dictionary-thesaurus of Russian Proverbs, sayings and apt expressions]. M.: Ast-press kniga, 2010. 736 p.
4. Mixel`son M.I. Russkaya my`sl` i rech`: Svoe i chuzhoe: Opy`t russkoj frazeologii: Sbornik obrazny`x slov i inoskazanij [Russian Russian thought and speech: one's Own and another's: the Experience of Russian phraseology: a Collection of figurative words and parables]. V 2 t. M.: Terra, 1994. Reprint. (1 t. 792 s., 2 t. 832 p.).
5. Frazeologicheskij slovar` russkogo literaturnogo yazy`ka. [Phraseological dictionary of the Russian literary language] V 2 t. Sostavitel` A.I. Fedorov. M.: Citadel`, 1997. (1 t. 391 s., 2 t. 396 p.).

Сведения об авторе

Романов Дмитрий Анатольевич,
доктор филологических наук, профессор,
кафедры русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого»
(e-mail: kafrus@ramdler.ru).

Information about the Author

Romanov Dmitry Anatolyevich,
Doctor of Philology, Professor of Department
of Russian language and literature of Tula
State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: kafrus@ramdler.ru).

УДК 81-1
ББК 81.411.2-5

Дата поступления статьи 16.11.2020
Дата решения о публикации 18.11.2020

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭВФЕМИЗАЦИИ РЕЧИ

С. И. Романов

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. В последние десятилетия наблюдается возрастающий интерес к явлению эвфемии. Эвфемизмы широко распространены во всех сферах межличностной коммуникации, они используются в художественной литературе, в рекламе, в средствах массовой информации и т.д. Интенсивное распространение этого языкового явления в литературе и публицистике XXI века связано с возросшим влиянием СМИ, воздействием феномена политкорректности, развитием новых каналов коммуникации. Проблемой исследования эвфемизмов в разное время занимались такие отечественные и зарубежные лингвисты, как Г. Пауль, А. Мейе, Дж. Фрезер, Д.К. Зеленин, Р. Холдер, Л. А. Булаховский, Б. А. Ларин, А. М. Кацев, J. S. Neaman, C. G. Silver.

Ключевые слова: эвфемия, негативный денотат, коммуникация, языковое явление.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008).

UDC 81-1
LBC 81.411.2-5

Date of receipt of article 16.11.2020
Date of publication decision 18.11.2020

THEORETICAL FOUNDATIONS OF EUPHEMIZATION OF SPEECH

S. I. Romanov

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. Increasing interest in the phenomenon of euphemia has been observed in recent decades. Euphemisms are widely spread in all spheres of interpersonal communication, they are used in fiction, advertising, in the media, etc. Intensive spread of this linguistic phenomenon in literature and journalism of the 21st century is associated with the growing influence of the media, the impact of the phenomenon of political correctness, the development of new channels of communication. At different times such domestic and international linguists as G. Paul, A. Meillet, J. Fraser, D. K. Zelenin, R. Holder, L. A. Bulakhovsky, B. A. Larin, A. M. Katsev, J. S. Neaman, C. G. Silver were engaged in researching the issue of euphemisms.

Keywords: euphemia, negative denotation, communication, language phenomenon.

The reported study was funded by RFBR, project number 19-512-18008.

Впервые систематическое специальное исследование эвфемизмов было начато в XX веке. Теоретические основы изучения эвфемизмов заложены в работах многих известных ученых. В трудах Б. А. Ларина, Л. А. Булаховского, А. А. Реформатского

эвфемия изучается как универсальное явление на материале различных языков, с различных точек зрения и в разнообразных аспектах.

В. И. Жильвис, Л. П. Крысин в своих работах предлагают рассматривать данный феномен в диахроническом и синхроническом аспектах, говоря об эвфемизации речи как об одном из определяющих процессов в современном русском языке.

Другие лингвисты отражают в своих трудах различные способы образования эвфемизмов. Структурное содержание эвфемии мы можем увидеть в работах В. П. Москвина, Е. И. Шейгал.

Изучение эвфемии как комплексного лингвистического, социального и когнитивного феномена представлено работами Н. В. Тишиной и многих других авторов.

В рамках двух основополагающих подходов – социолингвистического и лингвопрагматического – всеми вышеперечисленными учеными осуществляются попытки изучить природу эвфемизмов, дать наиболее верное определение этому феномену языка, систематизировать классификацию рассматриваемых единиц.

Используя различные подходы, многие лингвисты приходят к выводу, что одной из главных отличительных черт эвфемизмов исследователи называют семантическую редукцию, иными словами «сокращение доли информации в языковой единице, сокращение числа ее дифференциальных признаков по сравнению с единицей, которая подвергается ситуационной замене» [2, с. 11]. Само явление семантической редукции имеет сходства с явлением семантической неопределенности в различных ее проявлениях. Семантическая неопределенность создается с помощью местоимений в силу их денотативной неконкретности, отсутствия семантических признаков или их синтетичность [2, с. 15] с помощью заимствованной лексики [1, с. 19] и аббревиации. Так, И. М. Кобозева считает, что семантическую неопределенность создает использование в речи гиперонима вместо его гипонима, слова *фрукт* вместо *яблоко*.

Е. П. Сеничкина в своих работах выделяет такой основной признак эвфемизмов, как обозначение негативного денотата. Следует отметить, что сам термин «негативный денотат» не является удачным, т.к. искажает основную суть эвфемизмов. Конечно, зачастую эвфемизируемый денотат имеет отрицательную оценку и требует эвфемизации. Например, когда мы говорим о смерти, болезни, старости. Но многие эвфемизмы не имеют негативного денотата, мы признаем негативным только его излишнее прямолинейное описание, которое может вызвать у реципиента негативное впечатление от произнесенного.

Представляется, что наиболее глубоко и детально изучены общие вопросы эвфемии в опубликованной работе Е. П. Сеничкиной, где представлено системное и всеохватное описание эвфемизмов. Автор сопоставляет с явлением эвфемии заведомое преуменьшения признака или свойства чего-либо, передаваемое, например, аффиксами (глуховат), изучает заимствованную лексику в функции эвфемизмов, а также терминологическую лексику, в частности медицинскую.

Все вышеперечисленные исследователи внесли огромный вклад в понимание эвфемизма как языкового явления, но до сих пор актуальной является проблема дефиниции и соответственно правильности использования самого термина «эвфемизм». Исходя из нашего анализа, мы можем сделать определенные выводы, которые могут охарактеризовать эвфемиию как лингвокультурное явление. Как прежде, так и в настоящее время потребность в эвфемизации очень велика. Доказательством тому может служить широкий спектр назначения эвфемизмов в речи – они осуществляют этико-этикетную, эмоционально-психологическую, эстетическую, общекультурные функции, играя важную роль в создании эмоционально позитивного, доброжелательного, культурного, наконец, просто успешного общения. Как фигура речи эвфемизмы осуществляют экспрессивную

функцию, занимая особое место в системе стилистических приемов и выразительных средств языка. Мнения многих лингвистов сходятся в том, что основной чертой эвфемизмов является непрямой способ наименования чего-либо; это обуславливает неоднозначную референтность и семантическую диффузность эвфемизма. Тем самым эвфемизмы наиболее сходны с фигурами, основанными на умолчании, намеке, подтексте. Эти фигуры могут – в силу свойственной им семантической неопределенности – выполнять функцию смягчения.

Список источников и литературы

1. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // *Русское слово, свое и чужое*. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19–23.
2. Сеничкина Е. П. Эвфеизмы русского языка: спецкурс : учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2006. С. 11–15.

References

1. Krysin L. P. *Eufemizmy v sovremennoy russkoy rechi* [Euphemisms in modern Russian language]. *Russkoye slovo, svoye i chuzhoye* [Russian word, ours and theirs]. Moscow: Languages of Slavic culture, 2004. Pp. 19-23.
2. Senichkina E. P. *Eufemizmy russkogo yazyka: Spetskurs* [Euphemisms of the Russian language: special course] / *Textbook*. Moscow: Higher school, 2006. Pp. 11-15.

Сведения об авторе

Романов Сергей Игоревич,
ассистент кафедры документоведения и
стилистики русского языка ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого»
(e-mail: Romanoff71@yandex.ru).

Information about the Author

Romanov Sergey Igorevich,
Assistant of the Department of documentation
and stylistics of the Russian language of
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: Romanoff71@yandex.ru).

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ КВАЗИСИМВОЛА И СМЕЖНЫХ ЕДИНИЦ

Г. В. Токарев

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Н. П. Чернева

*Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского
(г. Пловдив, Болгария)*

Аннотация. В статье рассматриваются признаки, с помощью которых возможно различить квазисимвол и смежные единицы, в частности метафору, сравнение, образ, знак культуры. При определении дифференциальных признаков прежде всего следует учитывать то, что данные единицы относятся к разным семиотическим системам: квазисимвол – к системе культуры, метафора, сравнение – к системе языка. Принадлежность к разным системам определяет семантику и функции данных единиц. Квазисимвол выражает идею, имеет императивный компонент значения, регулирует поведение интерпретатора. Метафора обозначает явления действительности, выступает средством её познания. Квазисимвол, как и другие элементы культуры, обобщается понятием знак культуры. Образная составляющая выделяется как в значении квазисимвола, так и в значении метафоры, однако играет разную роль в структуре семем данных единиц.

Ключевые слова: знак культуры, квазисимвол, метафора, сравнение, образ.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008).

THE ISSUE OF DIFFERENTIATION OF THE QUASI-SYMBOL AND RELATED UNITS

G. V. Tokarev

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

N. P. Cherneva

*Plovdiv University "Paisii Hilendarski"
(Plovdiv, Bulgaria)*

Abstract. The article considers the features that can be used to distinguish between a quasi-symbol and related units, in particular, a metaphor, comparison, image, and cultural sign. When determining differential features, it should first be taken into account that these units refer to different semiotic systems: a quasi-symbol refers to a cultural system; a metaphor or a

comparison does to a language system. Belonging to different systems determines the semantics and functions of these units. A quasi-symbol expresses ideas, has an imperative component of meaning, and regulates the behavior of the interpreter. A metaphor denotes phenomena of reality, acts as a means of cognition of reality. A quasi-symbol, like other elements of culture, is generalized by the concept of a sign of culture. The figurative component is distinguished both in the meaning of a quasi-symbol and in the meaning of a metaphor, but it plays a different role in the structure of the sememes of these units.

Keywords: cultural sign, quasi-symbol, metaphor, comparison, image.

The reported study was funded by RFBR, project number 19-512-18008.

Понятия квазисимвол (символ культуры, имеющий вербальную природу), метафора, знак культуры, образ, сравнение широко используются различными областями гуманитарного знания с античных времён. В науке предприняты успешные попытки разграничения названных смежных явлений [См. Лосев, Арутюнова и др.]. Несмотря на это данные термины продолжают быть взаимозаменяемыми в современных исследованиях. Новые области гуманитарного знания активно используют указанные понятия, вкладывая в них смысл, детерминированный своей парадигмой. Одной из таких областей является лингвокультурология, парадигма, изучающая интеракцию языка и культуры путём интерпретации лингвистических явлений в категориях культуры. Как отмечает В. Н. Телия, лингвокультурология рассматривает «воплощённые в живой национальный язык материальную культуру и менталитет» [7, с. 216]. В лингвокультурологический инструментарий вошли понятия знака культуры, образа, метафоры, сравнения, квазисимвола. Целью данной статьи является определение дифференциальных признаков квазисимвола для их отграничения от других, смежных единиц.

Для начала отметим, что лингвокультурология рассматривает как лингвистические, так и нелингвистические по своей сути явления. Так, данную науку интересуют различные способы включения культурной информации в языковую ткань. В этом аспекте лингвокультурология пристальное внимание уделяет анализу образа и метафоры. Она рассматривает данные явления не как тропы, средства образности речи, а как «скрины» осмысления тех или иных участков действительности. Образ трактуется как вербализованное свидетельство понимания окружающей человека действительности. В. Н. Телия определяет образ как ««нишу» для кумуляции мировидения» [7, с. 215]. Однако образ имеет промежуточное положение между ментальным и вербальным миром. Образ, вслед за А. А. Потебнёй, понимается как элемент лексического и фразеологического значения, как зафиксированное языком объяснение явления. Так, А. А. Потебня отмечает, что внутренняя форма, «центр образа» [6, с. 125], «...показывает, как представляется человеку его собственная мысль...» [6, с. 91]. Образ представляет собой вербализованную картинку, отражающую представление о чём-либо.

Лингвокультурология, как интерпретационная наука, объясняет образы, в том числе и потухшие. Образ важен для понимания метафоры, вербального представления явления. В науке представлены классификации метафор (Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия), ориентированные на степень прочитаемости образа, его иллюкативный эффект, принцип фиктивности, положенный в основу образа. Метафора в когнитивном ключе понимается как способ объяснения действительности, присвоения нового знания. Авторы краткого словаря когнитивных терминов так определяют метафору: «Одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [3, с. 55]. Результат данной когнитивной процедуры

находит номинативное воплощение в виде вербальной единицы: слова, фразеологизма, высказывания (в случае развёрнутой метафоры).

Отношения образа и квазисимвола менее обусловлены. Квазисимвол имеет живую образность. Она подчинена интенции данной единицы выступать средством воздействия на человека. В связи с этим образ в составе квазисимволической семемы является своего рода стимулом, порождающим определённую реакцию. Среди квазисимволов можно увидеть как мотивированные единицы: *виселица*, так и немотивированные: *баклуши*, *гроб*, *зеркало* и др. Становясь квазисимволами данные немотивированные единиц получают объяснение в виде интерпретанты. Интерпретатор может и не знать, что означают лясы, однако он, являясь частью лингвокультуры, готов адекватно вести себя при использовании данного квазисимвола, употреблённого в составе устойчивой фразы *лясы точить*, то есть он правильно интерпретирует значение квазисимвола.

Семасиология не различает метафоры и квазисимволы, определяет последние (называя их метаформами-символами) как особый вид метафоры. Это связано с тем, что одним из способов образования квазисимвола является сходство. Лингвокультурология дифференцирует данные феномены. Квазисимвол является единицей культуры, выполняет функцию моделирования поведения человека. Н. Д. Арутюнова отмечает: «Стать символом значит приобрести определяющую жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения...» [1, с. 338]. Квазисимвол акционален, он требует действий. В семантике квазисимвола можно выделить императивную составляющую. Приведём примеры.

Кусок 'знай, что нечто представляет ценность для кого-то; учти, что кто-то может пользоваться частью чего-то'. Свой кусок. Для ИТ-бизнеса эта программа особо интересна: госзаказ - лакомый кусок для любой компании. [Владислав Кулаков. Крепкое сообщество // «Computerworld», 2004]

Маяк 'ориентируйся на нечто'. Начиная с абсолютной свободы, быстро приходят если не к абсолютному рабству, то к изрядной несвободе, путеводный маяк для всего человечества оказывается каким-то сомнительным, но речи про Сияющий Город на Холме приводят к подобному же действию. [Максим Соколов. Арьергардные бои // «Эксперт», 2014]

Мост 'знай, что существует средство для соединения удалённых вещей'. Передний заднему мост.

Петля 'будь готов к самому плохому'. Петлю ему с камнем на шею да в воду! Хоть в петлю!

Пелёнка 'знай, что нечто свойственно для человека с начала его жизни'. Внушайте девочке с пелёнок, что мужчина прежде всего не кавалер и не жених, а её ближний, равный ей во всём (Чехов «Ариадна»).

Полная чаша 'знай, что некто живёт в достатке'. Дом как полная чаша.

Рельс 'следуй правилам'. Когда катастрофа захватывает огромные регионы, сходит с рельс сама история. Чем же были вызваны указанные первопричины таких катастроф? Некоторые указания на это были получены в недавние годы благодаря исследованиям древнего Аккада, Юкатана, Китая. [Рафаил Нудельман. Что говорит древняя пыльца // «Знание-сила», 2014]

Ящик 'знай, что жизнь конечна'. Сыграть в ящик.

Квазисимвол всегда выражает идею, абстрактное понятие. Например, *кошелёк* символизирует деньги, богатство, материальные ценности; *пряник* – вознаграждение; *белые нитки* – нечто очевидное для всех; *белое пятно* – нечто неизвестное и т.д.

При различении квазисимвола и метафоры у исследователя могут возникнуть трудности. Это обусловлено тем, что квазисимвол и метафора функционируют в одном, вербальном пространстве. Предложим своё видение разграничения данных смежных единиц. Метафора – вербальная единица, основная семиотическая роль

которой – функция номинации. Например, в словосочетании *зеркало воды* слово в метафорическом значении *зеркало* обозначает гладкую, отражающую поверхность жидкого вещества. Вербальный квазисимвол *зеркало* имеет следующее значение: ‘символизирует отражение, в том числе и неявной, действительности’ и воздействует на интерпретатора следующим образом: ‘знай, что скрытые вещи могут быть выражены’.

Таким образом, различие квазисимвола и метафоры осуществляется с опорой на функциональный и когнитивно-семантический критерий. Надо признать, что данный критерий является не всегда очевидным. Мы предлагаем как дополнительный приём различие метафоры и квазисимвола с опорой на формальный критерий. Известно, что метафору называют ещё сжатым сравнением. Данное определение условно. Сравнение и метафора представляют собой явления, соотносимые с разными уровнями языка: лексико-семантическим и синтаксическим. Метафора представлена одной лексической единицей, сравнение – тремя (X как У). Метафора констатирует тождество, сравнение – подобие. Метафора обозначает постоянный признак, сравнение – временный: ср. *зеркало воды* (всегда) // *вода, как зеркало, отражала ...* (в данный момент). При всех различиях метафоры и сравнения следует отметить, что данные явления взаимообратимы: метафоры можно трансформировать в сравнения, и наоборот. Н. Д. Арутюнова отмечает: «Исключение из сравнения компаративной связки *как* (*подобно, точно, словно, будто, как будто*) или предикатов *подобен, сходен, похож, напоминает* часто считается основным приёмом создания метафоры» [1, с. 353]. Данная процедура связана с изменением оттенков семантики, однако значение, основанное на сходстве, сохраняется в разных видах его лексико-грамматической презентации: *вода подобна зеркалу*. Символическое значение такого перехода в сравнение не допускает, что делает невозможным употребление единицы в символическом значении с сравнительным союзом *как*. Символическое значение невозможно репрезентировать в форме сравнения.

Приведём ряд примеров.

Квазисимвол *венец* имеет следующие семантические слои.

- Символизирует замужество. *Была под венцом, и дело с концом. Береги дочь до венца. Как наденут венец, так всему конец. Венцом грех прикрыть.*
- Символизирует судьбу. *Великомученический венец.*
- Символизирует завершающий этап чего-либо. *Конец делу венец.*

Приведённые символические значения невозможно представить в формуле сравнения.

Слово *венец* в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой имеет пять метафорических значений: ‘драгоценный головной убор’, ‘корона, возлагаемая на вступающих в брак’, ‘вершина’, ‘светлое радужное кольцо вокруг светила’, ‘каждый горизонтальный ряд брёвен в срубе’. Как видим, каждая из приведённых семем обозначает конкретный объект. Приведённые метафоры номинируют объекты и явления, поддающиеся счёту. Каждую из приведённых метафор можно представить в форме сравнения: *головной убор, как венец, украшал голову; кольцо, как венец, окаймляло солнце; ряд брёвен замыкался, как венец и т.д.*

Ковёр символизирует нечто низкое в моральном отношении, скрываемое от других. *Подковёрные игры*. Данное значение не может быть репрезентировано в форме сравнения. Метафора *ковёр* называет конкретный объект ‘то, что покрывает какое-либо пространство какой-либо массой’. Возможно её представление в виде сравнения: *листья, как ковёр, украсили землю*.

Кольцо символизирует бесконечность. *У кольца нет конца. Без кольца нет конца. У кольца да у венца не найти конца. Ни начала, ни конца, ходи как вокруг кольца!* Символизирует богатство и достаток. *Дом кольцом*. Метафорическое

значение 'что-л. имеющее форму такого предмета', в отличие от приведённых символических, допускает форму сравнения с «как»: *бульвары расположены, как кольцо*.

Рубашка символизирует бедность: *Остаться в одной рубашке. Пустить кого в одной рубашке. Последнюю рубаху сьмают*; что-то близкое, интимное: *знай, что некто может руководствоваться личным интересом: своя рубашка к телу ближе. Своя рубаха, свой простор, своя и теснота*; счастье, защищённость, удачливость: *он в рубашке родился*. Форма сравнения для данных значений неестественна. Метафорическое значение слова *рубашка* 'верхний, покрывающий, облегающий слой, оболочка чего-л' допускает переход в сравнение: *гильза на пуле, как рубашка*.

Ограничение на трансформацию квазисимвола в сравнительный оборот объясняется концептуальным семантическим различием. Квазисимвол является константой, сравнение указывает на хронологически детерминированный признак.

Сопоставительные примеры можно приводить и далее. Однако уже на этом этапе можно сделать вывод о разном назначении квазисимвола и метафоры. Метафора является актом познания, она помогает осмыслить новые знания с опорой на уже известные, зачастую имеющие конкретную семантику. Квазисимвол обобщает познавательную действительность, абстрагирует знания человека и направлен на моделирование поведения. В приведённых примерах чётко видно, что семантика квазисимвола отражает идеи, а не явления, в отличие от семантики метафоры. Приведённый критерий различения метафоры и квазисимвола на основе трансформации в сравнительный оборот не покрывает все случаи, как и аналогичные приёмы, применяемые при квалификации иных единиц, однако может быть использован при дифференциации квазисимволов и метафор.

Ещё одним понятием, коррелирующим с термином *квазисимвол*, является знак культуры. Оно выступает гиперонимом для других видов культурных знаков: эталонов, мер, оберегов и др. Квазисимвол является одним из знаков культуры. Ввиду своей обобщённости, невыраженной функциональности, данное понятие обозначает явления культуры в статике.

Таким образом, квазисимвол является знаком культуры, служит выражению идей, регулирует поведение человека. Квазисимвол является константой культуры. Данные признаки позволяют отличать квазисимвол от смежных, вербальных явлений – метафоры, сравнения. Для рассмотренных единиц характерна образность. Однако она по-разному себя проявляет: образность квазисимвола является частью его интерпретанты, образность метафоры – средством познания действительности, присвоения нового знания с опорой на известное.

Источники

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Терра, 1995.
Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. М.: Худ. лит., 1984.
Национальный корпус русского языка. ruscorpora.ru
Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
2. Ковшова М., Гудков Д. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. 192 с.
3. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. гос ун-та, 1996. 245 с.

4. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: Изд-во Московского университета, 1982. 480 с.
5. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. [2-е изд., испр.]. М.: Искусство, 1995. 320 с.
6. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. 284 с.

Sources

Dal V. I. *The interpreted dictionary of the living Great Russian language: In 4 vol.* M.: Terra, 1995.

Dal V. I. *Proverbs of the Russian people: In 2 vol.* M.: Hood. litas, 1984.

National Russian Language Corps. ruscorpora.ru

Dictionary of the Russian language: In 4 tons/Under ed. A.P. Eugeneva. M.: Russian. language, 1981.

References

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka [Language and the World of Man]*. M.: Sk. "Language. Russian cultures", 1999. 895 p.
2. Kovshova M., Goodkov D. *Dictionary of linguoculturological terms.* M.: Gnosis, 2017. 192 p.
3. Kubryakova E.S. et al. *Brief dictionary of cognitive terms.* M.: Mosk publishing house. state un-that, 1996. 245 p.
4. Losev A. F. *Sign. Symbol. Myth. Works on linguistics.* Moscow University, 1982. 480 p.
5. Losev A. F. *Symbol problem and realistic art / A. F. Losev.* M.: Art, 1995. 320 p.
6. Potebnya A. A. *Thought and language.* M.: Labyrinth, 1999. 300 p.
7. Telia V. N. *Russian phraseology: semantic-pragmatic and linguoculturological aspects.* M.: "Language. Russian cultures", 1996. 284 p.

Сведения об авторах

Токарев Григорий Валериевич,

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения
и стилистики русского языка ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого»
(e-mail: grig72@mail.ru).

Чернева Надя Петрова,

доктор филологических наук, доцент
Пловдивского университета им.
Паусия Хилендарского
(e-mail: cherneva@uni-plovdiv.bg).

Information about the Authors

Tokarev Grigory Valerievich,

Doctor of Philology, Professor, head of the
Department of documentation and stylistics
of the Russian language of Tula State Lev
Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: grig72@mail.ru).

Cherneva Nadia Petrova,

Doctor of Philology, Associate Professor of
Plovdiv University "Paisii Hilendarski"
(e-mail: cherneva@uni-plovdiv.bg).